Д. Антонов (И. Л. Бромберг)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(Легенды и действительность)

1976 г.

Из предисловия доктора исторических наук профессора В. С. Измозика к публикации[1] в журнале "Клио" главы из книги Д. Антонова (И. Л. Бромберга) "Некоторые вопросы истории Второй мировой войны: Легенды и действительность"

…Подлинное изучение советской историографии невозможно без знания работ всех авторов: публиковавшихся в советских изданиях, за рубежом и оставшихся в то время неизвестными читателю. Возможно, что последних авторов можно назвать подлинно бескорыстными служителями и подвижниками науки. Среди них были не только историки-профессионалы, но и люди, не получившие по тем или иным причинам специального образования, но очень много занимавшиеся самообразованием и не уступавшие как исследователи своим "остепененным" коллегам.

К таким людям относился Иосиф Лазаревич Бромберг (1902[2], Херсон – 1978, Москва). Родившийся в многодетной семье (11 детей), юноша в начале 20-х гг. уехал учиться в Петроград. Там он поступил в Педагогический институт им. А. И. Герцена на факультет общественно-социальных наук. Но окончить вуз ему не удалось. За принадлежность к одной из групп анархистов Иосиф Лазаревич был арестован и сослан в Среднюю Азию. Через некоторое время по ходатайству Е. П. Пешковой был освобожден, но остался в тех краях. Работал в экспедициях.

С 1931 г. И. Л. Бромберг жил и работал в Москве в различных научных учреждениях экономистом. В годы Великой Отечественной войны был в армии. Закончил войну в звании майора. Последним местом его работы был Гипромедпром. Показателем отношения к нему сослуживцев является конструирование и изготовление специального прибора "очки-бинокль". Дело в том, что у Иосифа Лазаревича было плохое зрение, писать и читать без специального приспособления ему было крайне трудно.

Тем не менее, выйдя на пенсию, он приступил к написанию огромного исторического труда. Всю жизнь он не просто интересовался, а серьезно изучал доступную ему экономическую и историческую литературу. Известно, что в период учебы в институте его яркие выступления на семинарах привлекали внимание окружающих. Позже он попытался перенести на бумагу свои размышления об одном из самых трагических и великих событий XX в. — Второй мировой войне.

---

1 Клио. 1999. № 2. С. 266-276.

2 Точные даты жизни И. Л. Бромберга — 07.07.1903–22.02.1978. О нем и судьбе его рукописей см. "В ПОИСКАХ ХОРОШЕГО", https://syg.ma/@l-ph/v-poiskah-horoshego [примеч. публикатора].

Работа продолжалась с 1968 по 1975 г.[1] Итогом ее стали 2479 машинописных страниц, или примерно 80 печатных листов, переплетенных в 9 тетрадей. Общее название[2] "Некоторые вопросы II мировой войны. Легенды и действительность". Автор подписал свой труд псевдонимом Д. Антонов.

Исследование написано абсолютно свободным в интеллектуальном плане человеком. Одной из поразительных черт его является то, что Иосиф Лазаревич пользовался только опубликованными в СССР источниками, но при этом умел извлекать из них такую информацию, которая позволяла ему делать выводы, совершенно недопустимые для тогдашней советской исторической науки. В частности, в 1972 г. он писал, анализируя переговоры СССР с Англией и Францией летом 1939 г.: «...переговоры с западными державами должны были содействовать достижению главной цели советского правительства — заключению договора с Германией... тройственные переговоры, угрожая Гитлеру возможностью военного соглашения западных держав и СССР, служили советскому правительству средством шантажа, направленного на то, чтобы заставить Гитлера сначала откликнуться на советскую инициативу, а затем искать соглашения с Советским Союзом».

Таким образом, то, что не мог написать А. М. Некрич в книге "22 июня 1941 г."[3], то, о чем заговорили советские историки лишь в 1990 г., писал за много лет до этого пожилой человек в одной из московских квартир, сознавая, что "в настоящее время всему изложенному в этом очерке закрыт доступ в открытую печать нашей страны".

Мы публикуем […] небольшие отрывки из этого поистине огромного труда, ставшего памятником свободной мысли. Но, думается, что и современному историку-профессионалу публикуемый […] материал будет любопытен не только как памятник своего времени, но и ходом своих рассуждений, анализом использованных источников.

---

[1] Второй том (Если пользоваться его терминологией, "вторая тетрадь") книги И.Л. Бромберга "Некоторые вопросы истории Второй мировой войны…" был закончен в 1976 г. Есть основания полагать, что работа была продолжена и позже, а начата была ранее 1968 г. [примеч. публикатора].

[2] Точное название книги: "Некоторые вопросы истории Второй мировой войны: Легенды и действительность" [примеч. публикатора].

[3] Точное название: "1941. 22 июня" [примеч. публикатора].

ВТОРАЯ ТЕТРАДЬ

ГЛАВЫ IX–XIX

и приложение

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА IX. СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О МАТЕРИАЛЬНОМ ПРЕВОСХОДСТВЕ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ КАК О ГЛАВНОЙ ПРИЧИНЕ ПОРАЖЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В советской исторической литературе о Великой Отечественной войне обращает на себя внимание следующая ее характерная особенность, когда речь идет о начальном периоде войны. В этой литературе мы находим подробное изложение всех этапов подготовки германской стороны к нападению на СССР, детальную информацию о содержании нацистского плана войны против Советского Союза (план "Барбаросса"), обстоятельные сведения о фактической численности, о составе, распределении и группировке гитлеровских вооруженных сил, доскональные данные о ходе мобилизации, сосредоточения и развертывания германских армий накануне войны, скрупулезно подсчитанные данные о наличии в германских войсках различных типов танков и самолетов перед нападением на СССР, а также численные сведения о немецких потерях в личном составе и военной технике.

Таким образом, советская историография дает читателю достаточно ясное представление о стратегических целях и оперативных замыслах политического и военного руководства Германии, а также о силах и средствах германской армии накануне войны с Советским союзом.

Однако если мы захотим познакомиться с аналогичными данными, относящимися к советской стороне накануне войны, то будем глубоко разочарованы. Здесь щедрость советской историографии в отношении перечисленных сведений сразу же тускнеет и вовсе исчезает, и эти сведения заменяются либо бездоказательными утверждениями при полном отсутствии информации, либо заменяются такого характера сведениями, которые при сопоставлении с данными, относящимися к германским войскам, вводят читателя в заблуждение. Коротко говоря, когда в работах советских историков речь заходит о советских вооруженных силах накануне войны, наши авторы избегают говорить столь же ясно и отчетливо, как они это делают в отношении германской армии. Цифровые данные относительно советских вооруженных сил, какие обычно приводят советские историки, очень далеки от систематичности тех сведений, какие касаются германской армии и носят отрывочный, как бы случайный характер. Поэтому ничего удивительного нет в том, что советские историки не приводят в виде таблиц систематического сравнения данных, относящихся к вооруженным силам Германии и СССР накануне войны, то есть не приводят сведений, характеризующих силы и средства сторон. Естественно, что при таком способе изложения читатель не в состоянии самостоятельно и объективно судить о том, каковы были

стратегические цели, оперативные замыслы, соотношение сил и исходные положения вооруженных сил обеих сторон к началу военных действий. Отсутствие таких данных лишает читателя возможности составить себе отчетливое представление о том, каковы были те действительные, а не вымышленные обстоятельства, что повлекли за собой трагическое для нашей страны начало войны с Германией. Однако советская историография, судя по ее публикациям, и не ставит перед собой задачи дать возможность читателю самому во всем разобраться, ибо цель ее умолчаний и различных манипуляций с цифровыми данными состоит в том, чтобы облегчить себе задачу создания такой легенды, которая позволила бы не только скрыть действительные причины неслыханных в истории нашей страны поражений, испытанных ею в 1941-1942 гг., но также подменить для этой цели историческую правду суррогатом ее. Иллюстрацией к сказанному служат следующие примеры, взятые из основных работ советских историков об истории Великой Отечественной войны.

В первом из шести томов "Истории Великой Отечественной войны Советского Союза", изданном в 1960 году, в четвертом разделе восьмой главы, посвященной вопросу "подготовки вооруженных сил Германии к войне против Советского Союза", находим следующие данные.

Таблица 1.

Вооруженные силы Германии

	на 1 сентября 1939 г.	на 1 мая 1940 г.	на 1 июня 1941 г.
Всего дивизий	103	156	214
в том числе:			
танковых	6	10	21
моторизованных	8	8	14
танков	3 200	3 387	5 640
самолетов	4 405	5 900	10 000

Далее приводятся цифры, характеризующие численность германских вооруженных сил по состоянию на июнь 1941 г., которые мы даем в виде следующей таблицы.

Таблица 2.

Численность вооруженных сил Германии на июнь 1941 г.
(тыс. человек)

Общая численность	7 234
из них:	
в сухопутной армии	3 800
в ВВС	1 680
в Военно-морском флоте	404
в войсках СС	150
в армии резерва	1 200

Из имевшихся в распоряжении немецкого командования сил было сосредоточено у советских границ, по тем же данным, следующее их количество:

Таблица 3.

Вооруженные силы Германии и ее союзников, сосредоточенные у советских границ к 22 июня 1941 г.

	Всего было в распоряжении командования	В том числе сосредоточено у советских границ	
		к-во	%
Всего немецких дивизий	214	153	65
в том числе:			
танковых	21	17	85
моторизованных	14	13	93
Самолетов	10 000	3 940	39
Танков	5 640	3 410 [1]	60

Далее, в этом же разделе тома, на который мы ссылаемся, указывается, что сосредоточенные у границ Советского Союза сухопутные войска и воздушный флот Германии накануне нападения на СССР были развернуты следующим образом:

[1] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 1. М., 1960, стр. 382, 384.

Таблица 4.

Группировка германских войск

	На Крайнем Севере в Финляндии армия "Норвегия"	Группа армий "Север" фронт 230 км	Группа армий "Центр" фронт 550 км	Группа армий "Юг" фронт 780 км
Всего дивизий в том числе	5	29	50 (+11 бригад)	57 (+13 бригад)
танковые	–	3	9	5
моторизованные	–	3	6	4
кавалерийские	–	–	1	–
Самолеты [x)]	900	1 076	1 670	1 300

[x)] Вместе с финскими самолетами.

Вместе с приведенными цифрами указываются и задачи, поставленные перед каждой группой армий и входящими в них соединениями.[1]

Таким образом, приведенные сведения о германских вооруженных силах накануне нападения Германии на СССР дают возможность судить о количестве и составе вооруженных сил Германии, а также — о том, как этими силами распорядилось высшее германское командование, имея в виду цели, какие оно перед собой поставило.

Информация, характеризующая количество, состав и распределение вооруженных сил СССР, не приводится в том же разделе используемой нами книги (что дало бы читателю возможность тут же сопоставить те и другие сведения). Численные сведения о советских вооруженных силах накануне войны можно найти спустя примерно 85 страниц текста.

Количественные данные о вооруженных силах СССР накануне войны, аналогичные тем, что приведены в табл. 1, полностью отсутствуют в первом томе "Истории Великой Отечественной войны". Отсутствуют в нем и материалы о численности вооруженных сил СССР накануне войны. Следовательно, читатель лишен возможности судить о соотношении сил сторон к началу военных действий на советско-германском фронте. Далее выясняется, что в "Истории Великой Отечественной войны Советского Союза" нет и численных данных о группировке советских вооруженных сил в западных приграничных военных округах перед нападением немецких войск, что лишает нас возможности судить о том, как советское командование распорядилось имеющимися в его распоряжении вооруженными силами.

---

[1] Там же, стр. 384-386.

Вышедшая из печати в 1962 г. работа кандидата военных наук, полковника Анфилова В.А. "Начало Великой Отечественной войны" (22 июня — середина июля 1941 года) также лишена тех цифровых данных, о которых говорилось выше.

Изданная в 1964 году книга маршала Советского Союза Еременко А.И. рисует нам ту же картину полного отсутствия тех же цифровых данных.

В 1965 году, то есть почти четверть века спустя после нападения Германии на Советский Союз, в объемистой работе под названием "Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история" впервые были опубликованы следующие цифры, касающиеся советских вооруженных сил:

"Всего в западных приграничных округах перед самой войной насчитывалось 170 дивизий — стрелковых, кавалерийских, танковых и механизированных — и 2 стрелковые бригады. Войска этих округов составляли более половины численности всей Красной Армии (около 54%)…"

"Ближе всех к государственной границе располагались войска первого эшелона военных округов, насчитывавшие в общей сложности 56 дивизий и 2 бригады…"

…"В первых эшелонах враг имел 103 дивизии, из них 10 танковых, то есть почти вдвое превосходил силы первого эшелона советских войск…"

"Немецко-фашистское военное руководство сконцентрировало у западных границ СССР около 2 800 танков, которым мы могли противопоставить вполне современных 1 475 машин…"

"Еще большего превосходства сил противник достиг на направлениях своих главных ударов. Так, на каунасско-даугавпилсском направлении против 18 советских стрелковых дивизий противник имел 34 (из них 7 танковых); на брестско-барановичском направлении против 7 наших дивизий враг выставил 16 (из них 5 танковых); на луцко-ковенском направлении против 9 наших дивизий гитлеровцы имели 19, в том числе 5 танковых". [1]

Но и в этой работе не обошлось без умалчивания о существенных сведениях, касающихся танковых войск и авиации. Материалы о наличии самолетов в советских вооруженных силах, расположенных в западных военных округах, полностью отсутствуют. Что же касается танковых войск, то, как мы видели из цитируемых мест, при сопоставлении германских и советских сил в их числе указывается количество немецких танковых дивизий, а о количестве советских — сохраняется молчание. Кроме того, в этой работе, как мы могли заметить из вышеприведенных мест, с общим числом немецких танков сопоставляются только "вполне современные" советские машины, и

[1] Указанное соч., стр. 53.

опять при помощи такого рода манипуляций у читателя должно создаться впечатление о численном превосходстве германской армии на советско-германском фронте к началу войны. Впрочем, о несомненном превосходстве германских вооруженных сил прямо говорится на страницах этой работы, где мы читаем: "Соотношение сил сторон к началу войны складывалось явно не в пользу Красной Армии".[1]

Работа П.А. Жилина, выпущенная вторым изданием в 1966 году под названием "Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз (Расчеты и просчеты)" не вносит изменений в сказанное выше о цифровых данных в работах советских историков по истории Великой Отечественной войны.

В юбилейном издании "50 лет Вооруженных сил СССР", выпущенном в 1968 году, находим следующие данные, дополняющие наши сведения о советских вооруженных силах, сосредоточенных к началу войны в западных военных округах.

Численность сосредоточенных сил составляла "2,9 млн человек, 1 540 самолетов новых типов и значительного количества самолетов устаревших конструкций с ограниченным летным ресурсом, 34 695 орудий и минометов (без 50-мм), 1 800 тяжелых и средних танков (в том числе 1 475 новых типов). Кроме того, в составе приграничных округов имелось значительное количество легких танков устаревших конструкций с ограниченным моторесурсом. В целом противник превосходил наши войска по количеству личного состава в 1,8 раза, по средним и тяжелым танкам — в 1,5 раза, по боевым самолетам новых типов — в 3,2 раза, по орудиям и минометам — в 1,25 раза".[2]

В цитируемом нами томе прямо говорится о том, что противник "в целом" имел превосходство над советскими вооруженными силами к началу войны. Правда, при этом перечисляются лишь такие показатели, как "средние и тяжелые танки", "боевые самолеты новых конструкций, и не сообщаются цифры относительно легких танков и самолетов старых конструкций. Однако те и другие не покоились на складах без всякого применения, а состояли на вооружении частей.
Следовательно, предназначались для боевого использования и тем представляли собой активную силу.

И опять-таки, в этом юбилейном издании немецкие данные охватывают не только средние и тяжелые (2 786 машин), но и легкие танки (926 машин), а

---

[1] Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945. Краткая история. М., 1965, стр. 53.

[2] Указанное соч., стр. 252.

также все самолеты (4 950 машин). Отсутствуют также данные о количестве советских танковых и механизированных частей и соединений, в то время как о немецких сказано, что для нападения на Советский Союз было выделено 153 немецких дивизии, в том числе 33 танковых и моторизованных. [1]

В противоположность советским историкам зарубежные авторы не делают секрета из тех данных, которые характеризуют силы сторон накануне войны. Так, сообщения таких немецких авторов, как Типпельскирх и Гот достаточно подробны, когда речь идет о силах германской армии, и менее детальны при перечислении частей и соединений советских вооруженных сил, что вполне естественно. Они, в противоположность советским историкам, проявляют несравненно лучшую осведомленность о силах своей армии, чем о силах противника. Эти авторы приводят в своих книгах приближенный подсчет сил сторон. Вот что пишет К. Типпельскирх о численности войск Советского Союза накануне войны.

"Численность русской армии была довольно точно определена немцами: 150 стрелковых дивизий, 36 мотомеханизированных бригад и 32 кавалерийские дивизии, из которых в начале войны около 25 стрелковых дивизий, 7 кавалерийских дивизий и несколько мотомехбригад были связаны на других границах, в первую очередь в Восточной Азии. Германское командование рассчитывало на то, что в начале войны придется столкнуться примерно с 125 стрелковыми дивизиями, 25 кавалерийскими дивизиями и 30 мотомехбригадами. Этими соединениями, конечно, далеко не исчерпывались людские резервы огромной страны, которая при ежегодном призывном контингенте примерно 1,5 млн человек располагала по меньшей мере 12 миллионами годных к военной службе молодых людей".[2]

По отдельным участкам западной границы силы Красной Армии были распределены, по словам Типпельскирха, следующим образом:

На юге под командованием маршала Буденного дислоцировались две группировки.

Первая — в Бессарабии прикрывала границу у р. Прут и расположена была в глубину до р. Днепр в составе 11 стрелковых, 1 кавалерийской, 2 танковых дивизий и 7 мотомехбригад.

Вторая — в районе между Черновцами и Припятскими болотами силой до 27 стрелковых, 17 кавалерийских, 3 танковых дивизий и 4 мотомехбригад.

За ними были развернуты 12 стрелковых, 3 кавалерийских, 1 танковая дивизия и 3 мотомехбригады, эшелонированные в глубину до р. Случь и истока р. Буг.

---

[1] Указанное соч., стр. 249.

[2] К. Типпельскирх. История Второй мировой войны. М., 1956, стр. 173.

В Центре — под командованием маршала Тимошенко в пограничном районе Белостока — 24 стрелковых, 5 кавалерийских, 2 танковых дивизии и 6 мотомехбригад. За ними были эшелонированы до района Минска 12 стрелковых, 3 кавалерийских дивизии и 3 мотомехбригады.

На Севере — под командованием маршала Ворошилова на границе с Восточной Пруссией — 7 стрелковых дивизий. Отдельными группами вокруг Вильнюса, Шауляя и далее, в тыл до района Опочка–Псков — 24 стрелковых, 2 кавалерийских, 2 танковых дивизии и 29 мотомехбригад.[1]

Таким образом, всего в западном направлении Красная Армия, по данным Типпельскирха, сосредоточила 117 стрелковых, 31 кавалерийскую, 10 танковых дивизий и 29 мотомехбригад.

Такие же данные приводит Герман Гот в своей книге "Танковые операции".

Эти данные об общем количестве советских дивизий в западных округах накануне войны гораздо ближе к действительности, чем те, какие приводились из трудов советских историков, как это будет видно из последующего.

Попытаемся, пользуясь опубликованными в нашей печати отрывочными материалами, разбросанными по различным изданиям, сопоставить данные о вооруженных силах Германии и СССР, а также об их распределении по видам этих сил на советско-германском фронте к началу войны.

---

[1] Там же, стр. 76, 77, 178, 179.

ГЛАВА X. О ПРЕВОСХОДСТВЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ГЕРМАНИИ В КОЛИЧЕСТВЕ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК К НАЧАЛУ ВОЙНЫ С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ

А. Германия.

В сентябре 1939 года, то есть к началу войны с Польшей, германская армия состояла из 110 дивизий, в том числе было 87 пехотных дивизий, 3 горнострелковых, 1 кавалерийская, 5 моторизованных, 4 легких, 7 танковых и 3 прочих.[1]

По состоянию на 22 июня 1941 г. действующая армия Германии увеличилась до 208 дивизий и состояла из:

Таблица 1.[2]

152 пехотных	дивизий
9 охранных	"
4 легких	"
6 горнострелковых	"
1 полицейской СС	"
1 кавалерийской	"
10 моторизованных пехотных	"
4 моторизованных СС	"
21 танковой	"

Эти силы территориально были распределены следующим образом:

Таблица 2.

	Восток			Север							
	В группах армий	За фронтом групп армий	Всего	Финляндия	Норвегия	Запад	Юго-восток	Резерв ОКХ	Африка	Германия	Всего
Пехотные дивизии	76	12	88	1	8	38	5	11	–	1	152
Охранные дивизии	9	–	9	–	–	–	–	–	–	–	9
Легкие дивизии	4	–	4	–	–	–	–	–	–	–	4

[1] Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии, т. 2, стр. 11.
[2] Там же, стр. 151-152.

Горнострелковые дивизии	1	1	2	2	–	–	2	–	–	–	6
Полицейские СС дивизии	–	1	1	–	–	–	–	–	–	–	1
Кавалерийские дивизии	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1
Моторизованные пехотные дивизии	9	–	9	–	–	–	–	1	–	–	10
Моторизованные СС дивизии	3	–	3	1	–	–	–	–	–	–	4
Танковые дивизии	17	–	17	–	–	–	–	2	2	–	21
Итого	120	14	134	4	8	38	7	14	2	1	208

Таким образом, из общего количества в 208 дивизий против Советского Союза было сосредоточено к 22 июня 1941 года 120 дивизий, входящих в группу армий, 14 дивизий, расположенных за группами армий и 4 дивизии, расположенные в Финляндии. Всего 138 германских дивизий.

Приведенные данные о силах, сосредоточенных против СССР, требуют пояснения, так как они расходятся с теми цифрами, имеющими хождение в советской историографии, на которые мы ссылались выше, когда сопоставляли опубликованные в советской литературе данные о германских и советских вооруженных силах.

Говоря о германских вооруженных силах, сосредоточенных к 22 июня 1941 года у советских границ, советские историки, как мы видели, называют 153 дивизии, что составляет разницу с данными Мюллера-Гиллебранда в 15 дивизий. Это расхождение является следствием невнимательности авторов, которых мы цитировали выше. Они имели у себя под рукой работу Мюллера-Гиллебранда и из его таблицы включали в свои подсчеты те данные, какие этим авторам представлялись бесспорно относящимися к советско-германскому фронту. Речь идет, в частности, и о колонке (в таблице № 2 у Мюллера-Гиллебранда), обозначенной в группе "Восток", как "Резерв ОКХ". Однако наши историки, по-видимому, не обратили внимания на сноску к этой колонке, которая гласит: "Резервы ОКХ (Главного командования сухопутных сил) 22 июня находились еще на Западе, на территории Германии и на Балканах". Следовательно, эти дивизии не могли участвовать в нападении 22 июня 1941 г. Итак, против СССР Германия фактически сосредоточила к 22 июня 1941 г.:

Таблица 3.

1. Пехотных	дивизий	89
2. Охранных	"	9
3. Легких	"	4
4. Горнострелковых	"	4
5. Полицейских СС	"	1
6. Кавалерийских	"	1
7. Моторизованных	"	13
8. Танковых	"	17
Всего		138 дивизий

Численность личного состава германских вооруженных сил в 1941 году составляла 7 234 тыс. человек. Из этого количества состояло:

1. В действующей армии	3 800 тыс. чел.
2. В армии резерва	1 200 тыс. чел.
3. В ВВС	1 680 тыс. чел.
4. В Военно-морском флоте	404 тыс. чел.
5. В войсках СС	150 тыс. чел.

Из 3 800 тыс. человек, состоявших в действующей армии, против Советского Союза было развернуто 3 300 тыс. чел.[1]

Б. СССР.

О советских вооруженных силах у нас в исторических работах опубликовано гораздо меньше сведений, чем о германских. Лишь в последнее время маршал Г.К. Жуков сообщил ряд важных сведений об этом, и мы пользуемся ими в настоящей главе.

В советских вооруженных силах имелось к началу войны 303 дивизии.[2] Согласно оперативному плану отражения агрессии, доложенному осенью 1940 г. военным руководством Сталину, было принято решение сосредоточить:

[1] Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии, стр. 140.

[2] В.А. Анфилов. Бессмертный подвиг. М., 1971, стр. 119;
В.А. Анфилов. Провал "Блицкрига". М., 1974, стр. 130.

1. На западной границе	170 дивизий
2. На востоке	34 дивизии
3. На южных границах	17 дивизий

В действительности же к началу войны было развернуто на Дальнем Востоке и на юге 63 дивизии.[2)1]

Таким образом, к началу войны на западной границе было	170 дивизий
на Востоке и юге	63 дивизии
Следовательно, в резерве	67 дивизий

Об очень важном вопросе, а именно, о том, сколько из сосредоточенных в западных округах дивизий было танковых и пехотных, советские историки предпочитают или вынуждены хранить молчание. Воспользуемся данными, опубликованными маршалом Г.К. Жуковым в своих мемуарах. По этим данным, к началу войны в пяти западных военных округах находилось[2]:

		Количество
стрелковых	дивизий	109
танковых	дивизий	36
моторизованных	дивизий	18
кавалерийских	дивизий	7
Итого		170

Советская военно-историческая литература обращает особое внимание читателя на то, что численность личного состава германской армии, развернутой против Советского Союза, была к 22 июня 1941 года значительно большей, чем численность личного состава советских войск в приграничных округах. Подчеркивается в этой литературе и тот факт, что немецкая пехотная дивизия превосходила по численности личного состава советскую стрелковую дивизию. Таким сравнением численности личного состава советские историки, по-видимому, стремятся создать у читателя впечатление, будто оно говорит о превосходстве сил германской армии над силами советской армии. Однако такое заключение нельзя признать убедительным.

В германской пехотной дивизии числилось 16 859 чел.[3*], в советской стрелковой дивизии (по штатам военного времени) состояло 14 483 чел.

---

[1] В.А. Анфилов. Провал "Блицкрига", стр. 192.

[2] Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1969, стр. 261.

[3*] Средняя численность дивизий 1-4 волн по данным Б. Мюллера-Гиллебранда была 16 863 [примеч. публикатора].

Таким образом, численность личного состава советской стрелковой дивизии составляла 86% от численности немецкой пехотной дивизии. Между тем только лишь численность личного состава войск не является достаточным показателем их мощи. Ведь материальную силу армии представляют не люди сами по себе, а вооруженные люди. Сравнивая материальные силы войск, следует принимать в расчет не количество людей, а мощь огня или вооружения сравниваемых войск, их частей и подразделений.

Германская пехотная дивизия состояла из:[1]

1.	Пехотных полков	3
2.	Артиллерийских полков	1
3.	Моторизованных истребительно-противотанковых батальонов	1
4.	Разведывательных батальонов	1
5.	Саперных батальонов	1
6.	Батальонов связи	1
7.	Полевых запасных батальонов	1

Советская стрелковая дивизия по штату военного времени состояла из: [2)]

1.	Стрелковых полков	3
2.	Артиллерийских полков	2
3.	Зенитных дивизионов	1
4.	Противотанковых дивизионов	1
5.	Саперных батальонов	1
6.	Батальонов связи	1

Если сравнить количество важнейшего оружия в германской и советской дивизиях, то получим следующую картину:

	Германская	Советская по штатам военного времени
Орудий и минометов	299	294
Танков	—	16

---

[1] Б. Мюллер-Гиллебранд. Цит. соч., стр. 220.
[2] В.А. Анфилов. Бессмертный подвиг, стр. 114.

Из этих цифр видно, что советская дивизия не была слабее германской. Обратим внимание читателя не только на то, что в советской дивизии на вооружении состояли танки, отсутствующие в немецкой дивизии, но и на тот факт, что почти равное количество артиллерийских и минометных стволов приходилось в германской пехотной дивизии на 16 859 человек, а в советской стрелковой дивизии на 14 483 человека. Иными словами говоря, насыщенность артиллерией и минометами советской стрелковой дивизии была выше, чем немецких пехотных дивизий. В то время как на каждую тысячу человек немецкой дивизии приходилось 17,7 стволов, в советской дивизии их было 20,3.

Об этом же говорит советский историк Великой Отечественной войны В.А. Анфилов. У него читаем:

"По организации и огневым возможностям наша стрелковая [дивизия] по штатам военного времени превосходила германскую пехотную дивизию".[1]

В этой связи напомним о речи К.Е. Ворошилова на 18 Съезде коммунистической партии СССР. В этой речи нарком обороны привел следующие сравнительные данные об огневой мощи стрелкового корпуса в Германии и СССР. Вот эти данные:

	Единица измерения	Германия	СССР
Залп артиллерии	кг	6 078	7 136
Вес снарядов, выпускаемых артиллерией в минуту	кг	48 769	66 605
Вес снарядов, мин, ружейных гранат и пуль проч. оружия/мин	кг	10 740	12 327
Всего металла/мин	кг	59 509	78 932

Следует иметь в виду, что численность личного состава не была одинакова во всех советских стрелковых дивизиях. На 1 июня 1941 г. из 170 дивизий и двух бригад, находившихся в пяти приграничных округах, ни одно соединение не было укомплектовано по полному штату. 144 дивизии имели численность по 8 тыс. человек, 19 от 600 до 5 тыс. человек и 6 кавалерийских

[1] В.А. Анфилов. Бессмертный подвиг, стр. 114.

дивизий среднем по 6 тыс. человек. Большинство дивизий внутренних округов содержались по сокращенным штатам.[1]

К началу войны это положение изменялось; в западных приграничных округах в большинстве дивизий насчитывалось по 8-9 тыс. человек, а во внутренних, как правило, — по 6 тысяч. Укомплектованность средствами вооружения составила 80-90%.[2] Вместе с тем нельзя обойти молчанием и то, что с весны 1941 г. Главное командование энергично занималось пополнением соединений обученными резервами и то, что численность многих частей в связи с этим была приближена к штатной.[3] Войсковая артиллерия приграничных военных округов также была, как правило, укомплектована орудиями до штатных норм.[4]

Таким образом, советская стрелковая дивизия, будучи по численности личного состава меньше немецкой, не только не была слабее последней, но даже превосходила ее по своей мощи.

Переходим к вопросу об общем количестве вооруженных сил Германии и СССР накануне войны между ними.

К середине июня 1941 г. общая численность личного состава советских вооруженных сил составляла 4 207 тыс. чел. А численность личного состава сухопутных войск СССР в приграничных округах к 22 июня 1941 г. была 2 900 тыс. человек.

Итак, общая численность советских вооруженных сил была на 40% меньше общей численности немецких. При этом численность советских сухопутных сил на территории СССР, а также войск в приграничных округах почти не отличалась от общей численности германских сухопутных войск и войск, сосредоточенных у советских границ к началу войны, как это видно из следующей таблицы.

---

[1] 50 лет советских вооруженных сил. М., 1968, стр. 235.
[2] В.А. Анфилов. Бессмертный подвиг, стр. 115.
[3] Начальный период войны. М., 1974, стр. 208; Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. М., 1963, стр. 53.
[4] 50 лет советских вооруженных сил, стр. 236.

Таблица 4.

	Германия, тыс. чел.	СССР, тыс. чел.	СССР в % к Германии
Численность населения в тыс. чел.	70 497	194 300	280
Численность личного состава вооруженных сил в тыс. чел.	7 234[1]	4 207[2]	59
То же в % от численности населения	10	2	–
Численность личного состава сухопутных войск в тыс. чел.	3 800[1]	3 391	89
То же в % от численности личного состава вооруженных сил	53	81[2]	–
Личный состав сухопутных войск на советско-германском фронте в тыс. чел.	3 300[1]	2 900[2]	90
То же в % от личного состава сухопутных войск	87	86	–

Если же сравнить сухопутные армии Германии и СССР по количеству дивизий, то получим следующую картину:

Таблица 5.

	Германия	Советский Союз	СССР в % к Германии
Общее количество дивизий сухопутных сил	208	303	146
В том числе на советско-германском фронте	138	170	123
Всего численность личного состава сухопутных сил в тыс. чел.	3 800	3 391	89
В том числе на советско-германском фронте в тыс. чел.	3 300	2 900	90

Эта таблица со всей очевидностью свидетельствует о том, что количественное превосходство германской армии над советской является мифом, придуманным советской историографией. Неоспоримое

---

[1] Б. Мюллер-Гиллебранд, стр. 140.
[2] В.А. Анфилов. Провал "Блицкрига". М., 1974, стр. 124, 210.

количественное превосходство советских сухопутных сил в западных приграничных округах видно из следующего сравнения.

Таблица 6.

	Германия	СССР	СССР в % к Германии
Пехотных дивизий	107	109	102
Танковых	17	36	212
Моторизованных	13	18	138
Кавалерийских	1	7	700
Итого	138	170	123

Кроме германских войск, на границах СССР были сосредоточены войска Финляндии, Румынии и Венгрии, принимавших участие в войне против СССР. К 22 июня 1941 г. В Финляндии были сосредоточены финские силы в составе:

дивизий — 17
бригад — 2.

В Румынии были придвинуты к советской границе румынские и венгерские войска следующего состава:

	Дивизий	Бригад
Румынские	13	9
Венгерские	–	4
Итого	13	13[1]
Всего с Финляндией	30	15[1]

С учетом этих войск против СССР было сосредоточено на западных границах следующее количество сил, какое мы приводим в сопоставлении с силами СССР.

[1] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 1. М., 1960, стр. 384, 386.

Таблица 7.

	Германия	Союзники Германии	Всего против СССР	СССР	СССР в % к Германии
Пехотных дивизий	107	37	144	109	76
Танковых дивизий	17	–	17	36	212
Моторизованных дивизий	13	–	13	18	138
Кавалерийских дивизий	1	–	1	7	700
Итого дивизий	138	37	175	170	97

Из таблицы видно, что, уступая противнику в количестве пехотных дивизий (на 24%), советская сухопутная армия почти вдвое превосходила своего врага по количеству высокоподвижных соединений, в том числе по танковым дивизиям в 2,1 раза, по механизированным — на 38%, а по кавалерийским в 7 раз. Вместе с тем нельзя игнорировать тот факт, что боевые качества сателлитов Германии в большей части столь низко оценивались германским командованием, что в расчете и распределении сил по плану "Барбаросса" эти войска не принимались в расчет.

Вот что читаем об этом у Б. Мюллера-Гиллебранда:

"Эти войска союзников по различным причинам обладали в сравнении с соответствующими немецкими соединениями значительно меньшей боеспособностью. Они не могли сравниться с немецкими частями ни в отношении вооружения, оснащенности автотранспортом, средствами связи и прочим техническим имуществом, ни с точки зрения количества различного рода тыловых частей и подразделений. К неудовлетворительной материально оснащенности прибавлялись недостатки в составе и уровне боевой подготовки офицеров и унтер-офицеров… Исключение составляла лишь финская армия, обладавшая опытом ведения войны и отличавшаяся высоким боевым духом и значительным уровнем подготовки. Недостатки в ее материальном оснащении в условиях ведения боевых действий на театре войны, для которого характерно большое количество лесов и озер, не столь отрицательно сказывались на боеспособности".[1]

---

[1] Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии, т. 2, стр. 154.

В соответствии с состоянием финских, румынских и венгерских войск им отводилось особое место в войне против СССР. Согласно личному указанию Гитлера, румынским войскам, да и вообще войскам, развернутым на территории Румынии, отводилась пассивная роль в начальный период войны. Об этом рассказывает Б. Мюллер–Гиллебранд следующее:

"Первоначально предполагалось, что 12-я армия должна будет после окончания кампании против Греции развернуть основную массу своих войск в Румынии для ведения наступательных действий против Советского Союза в рамках кампании "Барбаросса". Однако 17 марта 1941 г. Гитлер отдал распоряжение о том, что этой армии на первых порах предстоит выполнять оборонительную задачу, в связи с чем нет необходимости придавать ей танковые части".[1] О таком решении Гитлера говорит и Ф. Гальдер, из дневника которого приводим следующую запись:

"17 марта 1941 г.

…2. Высказывания Гитлера по поводу операции "Барбаросса"…

…д. Группа армий "Юг". "Наступать повсюду — в принципе ошибочно". Реки Прут и Днестр — такие преграды, на которых задержится любое наступление. Оборона на Днестре гораздо прочнее, чем оборона на Рейне. Поэтому не следует наступать через Прут. "Этим мы только отгоним здесь русских, тогда как нам нужно сделать так, чтобы они остались".

е. Вывод: в районах, прилегающих к Румынии, следует задействовать ровно столько войск, сколько будет необходимо для ее обороны. Все остальное должно быть использовано севернее Карпат… По возможности скорее вывести танковые части из Румынии!"[2]

Что же касается финской армии, то и она должна была начать свои наступательные операции только после того, как германские войска форсируют Западную Двину.[3]

Таким образом, если даже включить вышеуказанные войска союзников Германии в состав сил, сосредоточенных у советских границ, то все же придется признать, что обусловленный этими войсками количественный перевес сил противника на советско-германской границе носил лишь формальный, далекий от реальности характер. Условность этого перевеса сил объясняется не только тем, что он был недостаточен и слишком слаб для того, чтобы с его помощью нанести советским войскам те тяжелые поражения, какие имели место с первых же дней войны. Ведь поражения, какие терпела советская армия, состоявшая к началу военных действий из 170 дивизий, были

---

[1] Там же, стр. 114.
[2] Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 2. стр. 409.
[3] В.А. Анфилов. Провал "Блицкрига". М., 1974, стр. 56.

фактически нанесены ей не 175 и даже не 138, а меньшим количеством дивизий противника, поскольку в действительности удар по советским войскам был нанесен без участия тех войск, которые дислоцировались на территориях Румынии и Финляндии.

В советской историографии нет места сравнению опубликованных в нашей стране данных, какие были приведены выше в таблицах. Наши историки предпочитают дурачить своего читателя, подменяя эти данные такими, которые должны убедить его в том, что поражения, нанесенные немецкими войсками советским вооруженным силам в первый период войны, являлись следствием количественного перевеса сил германской армии. Какими же цифрами и способами их применения пользуются для этой цели советские историки? Они исходят из того, что у широкого читателя нет ясного и отчетливого понимания природы тех данных, какие должны характеризовать силы сторон. Пользуясь этой неосведомленностью, наши историки вместо информации, аналогичной той, какая приведена в наших сравнительных таблицах, характеризующих количество вооруженных сил Германии и СССР, преподносят читателю, как это делает, например, авторский коллектив "Истории Великой Отечественной войны", таблицу, рисующую соотношение сил, какое сложилось между танковыми группами германских войск и теми советскими войсками, которые были расположены вблизи границы и оказались в полосе наступления немецких танковых групп. Вот эта таблица в несколько измененном виде для удобства сравнения приведенных в ней данных (табл. 8).

Не эти ли и им подобные фокусы с количественными данными имел в виду маршал Г.К. Жуков, когда писал:

"По этому вопросу (о дислокации советских и немецких войск на советско-германской границе к 22 июня 1941 г.) написано немало статей и книг, но в ряде случаев тенденциозно и без знания дела".[1]

[1] Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления, стр. 261.

Таблица 8.

Соотношение сил на направлениях действий танковых групп немецких войск к утру 22 июня 1941 г.[1]

Противник			Соединения советских войск в полосе наступления танковых групп, расположенных вдоль границы
Танковые группы	Состав первого эшелона танковых групп	Фронт наступления танковых групп (км)	
4-я	танковых дивизий — 3 кол-во танков — 600 пехотных дивизий — 2	40	стрелковых дивизий — 1
3-я	танковых дивизий — 3 танков — 600	50	стрелковых дивизий — 1 стрелковых дивизий — 1
2-я	танковых дивизий — 4	70	отдельные части 3 стрелковых и 1 танковой дивизии
1-я	пехотных дивизий — 6	65	стрелковых дивизий — 2

Между тем приведенная таблица говорит совсем о другом. Она говорит о том, что немцы удачно для себя выбрали такие главные направления для удара своих танковых групп, где их могли встретить лишь незначительные силы советских войск. Эти же данные говорят о том, что советское командование не наилучшим образом распорядилось имеющимися у него силами.

И, наконец, о самом главном в этой замене одних данных другими, к какой прибегают советские историки для дезинформации читателя, следует сказать следующее. Приведенные нами таблицы характеризуют силы сторон к началу войны, то есть те силы, какие были в распоряжении главного командования, как германского, так и советского. Эти данные позволяют нам оценить возможности командования каждой из противоборствующих сторон. Что же касается тех материалов, которые показывают, сколько войск находилось в том или ином месте к началу военных действий, то такие данные говорят не о силах, имевшихся в распоряжении командования воюющих сторон, а о том, как это командование распорядилось имеющимися в его распоряжении силами. Эти данные говорят не о возможностях, не о ресурсах страны, а о способностях командования. И эти данные надо четко различать, когда хотят действительно разобраться в причинах поражений советской армии в начальный период войны.

Если же поставить себе задачу объективно оценить соотношение, какое сложилось в каждом округе к началу войны, то полезно будет обратиться к данным, приведенным Г.К. Жуковым, которые сведены нами в следующую таблицу.

---

[1] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 1. М., 1960.

Заметим, что Г.К. Жуков из общего числа немецких дивизий, противостоящих каждому округу, выделяет лишь только танковые. Только в отношении германских войск, противостоящих Киевскому округу, выделяются танковые вместе с моторизованными дивизиями. Для сопоставимости приводимых данных в таблице относительно советских войск Киевского округа нами сделано такое же исключение.

Далее, из данных Г.К. Жукова следует, что 170 советским дивизиям, расположенным в 5 военных округах, противостояло только 129 германских. Как бы подчеркивая, что тут нет ошибки, Г.К. Жуков замечает, что 54 немецких дивизий находилось в резерве.[1] Таким образом, 22 июня удар по советским 170 дивизиям (149 без ленинградского округа) наносился 124 немецкими дивизиями! При этом против 44 советских танковых дивизий немцы выставили только 24, то есть почти вдвое меньше. О каком же превосходстве в численности немецких войск может идти речь?!

Количество советских и немецких дивизий, противостоящих друг другу по округам к 22 июня 1941 г.

Военные округа		Всего дивизий	В том числе танковые дивизии
Ленинградский	Германия	5	–
	СССР	21	–
	в % к Германии	420	
Прибалтийский	Германия	29	–
	СССР	25	4
	в % к Германии	86	–
Западный	Германия	50	15
	СССР	44	12
	в % к Германии	88	80
Киевский	Германия	33	9
	СССР	58	24
	в % к Германии	176	267
Одесский	Германия	12	–
	СССР	22	4
	в % к Германии	183	–

Какое же сложилось соотношение сил по каждому округу?

[1] Г.К. Жуков. Цит. соч., стр. 262, 263.

В Ленинградском округе — четырехкратное превосходство советских войск.

В Прибалтийском — советских дивизий было меньше на 14%, или на 4 дивизии. Но при этом советские войска обладали 4 танковыми дивизиями при полном отсутствии их у немцев.

В Западном округе — советские войска по численности уступают немецким на 6 дивизий, или на 12%. Уступают они и в численности танковых войск на 3 дивизии. Такое незначительное превосходство не могло определить столь серьезного поражения, какое понесли советские вооруженные силы.

В Киевском округе — превосходство на стороне советских войск. Они превосходят немецкие войска на 25 дивизий, и в том числе на 15 танковых; аналогичное превосходство в Одесском округе.

Столь незначительное преимущество немцев в Западном и Прибалтийском округах не могло обусловить того разгрома советских войск, какой они потерпели в начале войны. И недаром Г.К. Жуков вовсе не останавливается на численном превосходстве германской армии, когда он разбирает причины этого поражения.

Сообщая читателю детальные данные о численности немецких и советских войск к началу войны, Г.К. Жуков как бы подсказывает ему (вопреки цензуре) мысль, что причины поражения советских войск в начале войны заключаются вовсе не в численном перевесе немецких вооруженных сил, а совсем в другом.

ГЛАВА XI. О ПРЕВОСХОДСТВЕ СУХОПУТНЫХ СИЛ ГЕРМАНИИ В ТАНКАХ К НАЧАЛУ ВОЙНЫ С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ

А. Введение

Читателю, малознакомому с предметом, о котором пойдет речь в этом разделе, будет полезно ознакомиться с нижеследующими разъяснениями специалистов для того, чтобы получить хотя бы некоторое представление о назначении танковых и моторизованных войск, а также различных типов танков. Ниже приводим конспективное изложение взглядов специалистов по этому вопросу.

Танки представляют собой четко выраженный вид наступательного оружия. Обладая гусеничным движителем, позволяющим преодолевать подъемы и траншеи, покрытые броней, делающей их неуязвимыми для пуль, танки были созданы специально для того, чтобы помочь атакующей пехоте преодолеть укрепления и разрушить препятствия. Танки вооружены в первую очередь пулеметами (впоследствии и пушкой). Танки прежде всего уничтожают пулеметные точки противника во время атаки пехоты.

Танки снабжаются пушками для того, чтобы бороться с противотанковой артиллерией, подавлять пулеметы, скрытые в домах, погребах, стогах сена или находящиеся на укрытых позициях в глубине обороны противника, где они не могут быть уничтожены артиллерией, но откуда они своим огнем могут остановить продвижение пехоты. Будучи защищенными от ружейного, а следовательно, в значительной мере и от пулеметного огня, танки могут подойти достаточно близко к противнику, чтобы точно засечь его пулеметы и обстрелять их с близкого расстояния из пушек…[1]

Другая сторона применения танков следующая.

…Во все времена армии имели в своем составе подвижные войска. Они, как правило, двигаются впереди своих главных сил, устанавливают соприкосновение с противником, сковывают его силы и, если оборона слабая, наносят удар во фланг или в тыл. Прежде такие войска состояли из кавалерии. Мощь современного огня практически устранила кавалерию с поля боя, и теперь ее роль выполняют танки.

Основная масса войск передвигается менее быстро, но зато обладает гораздо большей ударной силой, особенно в наступлении, и обеспечивает решительную победу в случае превосходства сил. Таким образом, и здесь танки также необходимы. Англичане пришли к выводу о необходимости иметь два типа танков: один быстроходный, с большим запасом хода, облегченной

---

[1] Ж. Буше. Бронетанковое оружие в войне. М., 1956, стр. 36-37.

броней, предназначенный для выполнения задач, требующих большой подвижности; другой — с меньшей скоростью, небольшим запасом хода, но с большей толщиной брони, способный вести бой во взаимодействии с артиллерией.

Полное использование таких свойств танков, как высокая скорость и большой запас хода, позволяет в случае успеха расширить прорыв и развить удар в глубину. В маневренной войне танки, ставшие средством достижения стратегических целей, должны группироваться в крупные бронетанковые соединения. Но атакующие танки рано или поздно оторвутся от наступающей за ними пехоты. Вполне понятно, что быстроходные танки не смогут долгое время вести бой в отрыве от своей пехоты и самостоятельно преодолевать сильное сопротивление противника. Ввиду этого сторонники механизации пришли к выводу о необходимости усиливать танковые подразделения моторизованными частями (пехота, артиллерия, инженерные войска, войска связи). Эти взгляды постепенно привели к тому, что, накопив необходимый опыт, англичане создали в 1938 году бронетанковые соединения.[1]

Одним из важных показателей соотношения сил государств, принимавших участие в боевых действиях Второй мировой войны, являются сравнительные данные об их танковом парке.

До Второй мировой войны и далее, к началу германо-советской войны, танки в своем развитии прошли несколько этапов, что не могло не отразиться на составе танкового парка всех государств к моменту их вступления в войну. В частности, танковый арсенал Германии и СССР к началу Второй мировой войны состоял из двух групп танков — легких и средних. А к моменту нападения Германии на Советский Союз эти две группы были уже дополнены третьей группой — тяжелых танков.

Из этих трех групп первыми были освоены в производстве и приняты на вооружение легкие танки.

Легкие танки, появившиеся задолго до начала 30-х годов, имели противопульное бронирование, поскольку в то время еще не существовало противотанковой артиллерии.[2]

В 1936-37 годах на вооружении армий появились 37-47-мм противотанковые пушки, снаряды которых пробивали броню толщиной до 55-58-мм. Поэтому 13-20-мм противопульная броня этих танков оказалась слишком слабой.[3] Так развитие противотанковой артиллерии в 1936-1937 гг.

---

[1] Ж. Буше. Бронетанковое оружие в войне. М., 1956, стр. 58-59.
[2] К. Буше. Бронетанковое оружие в войне. М., 1956 г., стр. 80-81.
[3] В.Д. Мостовенко. Развитие советских танков в годы Великой Отечественной войны. Военно-историч. журнал, 1961, № 9, стр. 35.

выявило необходимость существенного изменения основных боевых свойств танков — усиления их броневой защиты и введения более мощного артиллерийского вооружения.

При надлежащей организации противотанковой обороны и достаточной стойкости войск даже малокалиберная противотанковая артиллерия (20-30-мм) делала бесперспективным применение танков с противопульным бронированием. Каким грозным оружием подавления пулеметов являлись танки противопульного бронирования, таким же грозным оружием для танков с противопульным бронированием стала противотанковая скорострельная артиллерия. Поэтому стало необходимым введение противоснарядного бронирования и существенное повышение огневой мощи.[1]

Вместе с тем, несмотря на появление такого грозного оружия подавления пулеметов, как танк противопульного бронирования, пулеметы все же продолжали успешно применяться на поле боя как эффективное оружие борьбы с наступающей пехотой. Аналогично этому, применение противотанковой артиллерии, хотя значительно снизило шансы на успех у танков противопульного бронирования, но все же легкие танки продолжали действовать на полях сражений Второй мировой войны как эффективное средство уничтожения пехоты противника.

Б. <u>Танки германской армии</u>

Германия, связанная жесткими условиями Версальского договора, длительное время не имела своей танковой промышленности, а в ее войсках не было танков. Лишь с 1933 года, после прихода к власти Гитлера, начинается история германского танкостроения и вооружение германской армии танками.

Таким образом, Германия значительно позднее других великих держав, в том числе и Советского Союза, вступила на путь собственного танкостроения и вооружения своей армии танками.

После проведения необходимых мероприятий в промышленности в 1934 году Германией было начато серийное производство танков. Принятый на вооружение в 1933 году легкий танк Т-I имел данные, сходные с данными английских танков того времени.

Впервые гитлеровская танковая техника применялась в 1936 году во время интервенции в Испании. Танки Т-I, имевшие только пулеметное вооружение, уступали танкам республиканцев, вооруженным 45-мм пушками. Жесткая подвеска и плохая обзорность снижали боевые качества танка. Под влиянием опыта гражданской войны в Испании гитлеровская Германия

---

[1] В.Д. Мостовенко. Танки. Изд. 2-е. М., 1958, стр. 103.

ускоренными темпами завершает разработку танков с пушечно-пулеметным вооружением (танки Т-II, Т-III и Т-IV), проектирование которых было начато еще в 1933-1934 гг. В конце 1936 года на вооружение принимается танк Т-II, а в 1937 году — танки Т-III и Т-IV. Год спустя начинает налаживаться их серийное производство.

Еще в 1938 году гитлеровские танковые дивизии были укомплектованы танками с пулеметным вооружением (три модификации танка Т-I) и в очень небольшом количестве танками Т-II.

При захвате Австрии (1938 г.) и Чехословакии (1938-1939 гг.) выявилась плохая сколоченность гитлеровских танковых войск и недостаточная надежность их материальной части.

К сентябрю 1939 года в Германии находились в производстве танки Т-II, 38-Т (бывший чехословацкий), Т-III и Т-IV. Характерна маркировка танков, — говорит далее В.Д. Мостовенко, у которого мы черпаем приводимые сведения,[1] — индекс I присваивался танкам, имевшим только пулеметное вооружение, II — танкам с 20-мм пушкой, III — танкам с 37-50-мм пушкой и IV — с 75-мм пушкой.

Фашистскую "молниеносную войну" должны были обеспечить танки Т-III, принятые на вооружение в качестве основного типа танков. Выбор сочетания его основных боевых свойств является одним из ярких примеров влияния военной доктрины на выбор типа оружия.

Расчетная максимальная скорость движения 20-тонного танка Т-III составляла 55 км/час. Он был вооружен 37-мм пушкой и тремя пулеметами, которые на близких дистанциях были способны создать эффективный огонь против живой силы противника. 30-мм броня танка обеспечивала экипажу безопасность от ружейно-пулеметного огня, огня крупнокалиберных пулеметов и от осколков снарядов. Экипаж состоял из 5 человек.

Примерно такие же скорости, огневую мощь и броневую защиту имели Т-III, Т-IV и 38-Т. Ведущим качеством их являлась скорость движения. При этом танки Т-III и Т-IV имели сравнительно большее среднее удельное давление на грунт и плохое сцепление гусениц с грунтом в условиях распутицы и зимы. Иначе говоря, эти танки еще при проектировании предназначались для использования соответствии с пресловутой, "магистральной тактикой", по хорошим дорогам и к тому же в условиях летнего времени.

Вооружение всех упомянутых танков гитлеровской армии предназначалось для поражения и деморализации живой силы противника. Темпу огня придавалось большее значение, чем его мощи. Отсюда многочисленное пулеметное вооружение и установка 20-37-мм пушек.

---

[1] В.Д. Мостовенко. Танки. М., 1953, стр. 133, 134.

Тяжелых танков на вооружении и в производстве не было. Танк T-IV представлял собой средний танк, предназначенный для поддержки остальных легковооруженных танков. Его 75-мм короткоствольная пушка, ведя огонь осколочно-фугасными гранатами, должна была компенсировать малую мощь осколочно-фугасных снарядов 20-37-мм пушек.[1]

Чтобы иметь такое высокоманевренное средство борьбы, которое должно было соответствовать протяженности театра войны на Востоке, немцы создали в течение года, с июня 1940 г. по июнь 1941 г. сверх имевшихся у них 10 танковых и 6 моторизованных дивизий еще 11 танковых и 8 моторизованных дивизий. Так что к началу кампании против СССР Германия имела 21 танковых и 14 моторизованных дивизий.[2]

К началу войны против Советского Союза из германских войск были почти полностью изъяты как устаревшие легкие танки типа T-I и T-II, а также все 35-тонные танки. Однако некоторое количество легких танков типа T-I и T-II все же осталось на вооружении германской армии, как это видно из следующей таблицы.

Таблица 1.

Изменение количеств танков в армии Германии

	По состоянию на 1 сентября 1939 г.	По состоянию на 1 июня 1941 г.	В действующей армии против СССР 22 июня 1941 г.
Легкие танки			
T-I	1 445	877	180
T-II	1 223	1 072	746
Итого легких танков	**2 668**	**1 949**	**926**
Средние танки			
T-III	98	1 440	965
T-IV	211	517	439
35-тонные	–	187	–
38-тонные	–	754	772
Итого средних танков	**309**	**2 898**	**2 176**
Огнеметные	3	85	–
Командирские	215	330	230
Всего танков	**3 195**	**5 262**	**3 332**

[1] В.Д. Мостовенко. Танки. М., 1958, стр. 134-136.
[2] Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии, т. П. М., 1958, стр. 142, 144.

Самоходные артиллерийские установки (САУ)	5	377	250
Танков и САУ	**3 200**	**5 639**	**3 582**

Из приведенной таблицы видно, что с 1 сентября 1939 года по 1 июня 1941 года в германский танковый парк было включено 2 589 средних танков сверх имевшихся 309 танков этого типа, что увеличило общее количество средних танков более чем в 9 раз. При таком энергичном увеличении количества средних танков число легких танков было уменьшено на 719 машин, что сократило количество легких танков на 27%.

Как видим, темпы сокращения количества легких танков по своей интенсивности все же значительно уступали росту количества средних танков. Таким образом, если 1 сентября 1939 года легких танков было больше, чем средних на 2 359 машин, то к 1 июня 1941 г. количество легких танков уже было меньше, чем средних на 949 машин. Примечательным является тот факт, что несмотря на сокращение числа легких танков, их парк продолжал пополняться и во второй половине 1941 года за счет производства новых машин этого типа.

Производство легких танков Т-II в 1941 году[1]
I квартал — 7
II квартал — 42
III квартал — 71
IV квартал — 113

Итого за год 233

Далее, рассматриваемая таблица показывает, что из наличного в германской армии парка танков и САУ на советско-германском фронте к началу войны было сосредоточено 64% машин. При этом средних танков на Востоке было 75% всего их количества, а легких — 48%. В итоге на советско-германском фронте средних танков было в 2,3 раза больше, чем легких.

В. Танки советской армии

а. Типы советских танков

В 1931-1933 годах началось производство:

---
[1] Б. Мюллер-Гиллебранд, т. 2. стр. 145.

1) Легких танков — Б.Т.
2) Легких танков — Т-26
3) Танкеток — Т-27
4) Малых плавающих танков — Т-37
5) Средних танков — Т-28
6) Тяжелых танков — Т-35.

В.Д. Мостовенко дает следующую краткую характеристику танкам 30-х годов. Одним из известных советских танков того времени являлся быстроходный танк Б.Т., предназначавшийся для укомплектования самостоятельных механизированных и крупных танковых соединений. Его основными модификациями, состоящими на вооружении, были танки:
1) БТ-2 — 1931 г.
2) БТ-5 — 1932 г.
3) БТ-7 — 1935 г.
4) БТ-7 м — 1938 г.

В то время ни одна армия не имела на вооружении танков, подобных БТ-2. На танке БТ-5 было установлено вооружение более мощное, чем вооружение, применявшееся на иностранных легких и некоторых средних танках не только в то время, но и в первые годы Второй мировой войны. Танк БТ-7 являлся следующей, наиболее многочисленной моделью танков этого типа.

Главное достоинство танков Б.Т. заключалось в том, что при движении на гусеницах они были способны развивать большие скорости движения.

Укомплектованные танками Б.Т. высокоподвижные соединения убедительно продемонстрировали возможности быстроходных танков на учениях и маневрах 1933-1936 гг.

Успешные действия танковых соединений, укомплектованных танками БТ-7 во время боев в районе р. Халхин-Гол, а также в освободительном походе в Западную Белоруссию и Западную Украину в 1939 году оказались возможными, в частности, благодаря высокой подвижности и надежности этих танков.

В 1931-1939 гг. выпускается второй тип легкого танка — Т-26, как основной танк общевойсковых соединений и танковых частей.

Легкий танк Т-26 выпускался в новой модификации с 1937 года. В тридцатых годах легкие танки Т-26 и БТ были основными, наиболее многочисленными типами танков Советской Армии.

Средний танк Т-28, первый образец которого был построен в 1935 году, создавался как танк качественного усиления общевойсковых соединений. Он предназначался для прорыва сильно укрепленных оборонительных полос.

Танк Т-28 отличался плавностью хода и хорошо преодолевал всевозможные препятствия.

Средние танки Т-28 принимали участие в освободительном походе в Западную Белоруссию и Западную Украину, в войне с Финляндией зимой 1939/40 гг. и в начальном периоде Великой Отечественной войны. Эти танки сыграли важную роль при прорыве линии Маннергейма в 1940 г. Танки Т-28 выпускались с 1933 до 1940 года.

Тяжелый танк Т-35 создавался как боевая машина дополнительного качественного усиления при прорыве укрепленных полос. Он выпускался с 1933 по 1939 год.[1]

У танков Т-26, БТ-7, Т-28 и др., исходные модели которых были разработаны в 1931-1933 гг., ведущими боевыми качествами являлись подвижность и огневая мощь. Бронирование было противопульным, так как в начале 30-х годов армии вероятных противников практически не имели противотанковой артиллерии. Но к 1936-1937 гг. на вооружении армий главных капиталистических стран появлялись 37-47-мм противотанковые пушки, снаряды которых пробивали броню толщиной до 55-58-мм. Поэтому 13-20-мм противопульная броня этих танков оказалась слишком слабой. Возникла необходимость перехода к противоснарядному бронированию танков и повышению их огневой мощи. При этом надо было иметь такую подвижность и проходимость, какую имели лучшие танки того времени.

Усилиями советских конструкторов в конце 30-х годов был создан средний танк Т-34 образца 1940 г., имевший 45-мм броню и 76,2-мм пушку. Его основные боевые качества, такие как огневая мощь и броневая защита, подвижность и проходимость, а также запас хода, оказались лучше, чем у любого другого танка.

Однобашенный тяжелый танк КВ-1 поступил на вооружение в декабре 1939 года. Как и Т-34, он был вооружен 76,2-мм пушкой, но толщина брони была увеличена до 75 мм. Создание танка КВ-1 определило дальнейшее развитие тяжелых танков как однобашенных боевых машин с сильным вооружением и мощным бронированием. В январе 1940 г. появился КВ-2, который от своего предшественника отличался громоздкой башней с 152-мм гаубицей и в связи с этим увеличением веса до 52 тонн (против 43,5 т) и

---

[1] Кандидат технических наук, инженер-полковник В.Д. Мостовенко. Танки. Очерк из истории зарождения и развития бронетанковой техники. Изд. 2-е. М., 1958, стр. 86, 88, 89, 91, 93-98.

экипажа до 6 человек. Обе модели КВ успешно действовали при прорыве "Линии Маннергейма". Как и следовало ожидать, 75-мм броня надежно защищала от 37-мм противотанковых пушек.[1]

б. Определение общего количества советских танков

Прямых и ясных указаний на то, каково было количество танков в Красной Армии накануне войны, невозможно обнаружить в советской литературе. В ней имеются отрывочные и разрозненные сведения о выпуске танков за различные периоды или годы и о наличии танков к определенному периоду и т.п., но данных о танковом парке к 22 июня 1941 года нет. Вследствие этого нам придется, пользуясь опубликованными материалами, попытаться исчислить количество танков, состоявших на вооружении Красной Армии к началу войны.

В первом томе "Истории Второй мировой войны" помещена таблица, в которой указано, что в Красной Армии состояло на вооружении в 1935 году, кроме танкеток, еще 7 633 танка. В этой же таблице помещены данные о том, что наличие танков в 1932 году составляло 1 053 машины.[2] Из этих данных следует, что среднегодовое поступление танков в Красную Армию за годы первой пятилетки, то есть за период 1932-1935 гг. составляло (7 633 – 1 053) : 3 = 2 193 танка.

В книге В.А. Анфилова "Бессмертный подвиг" со ссылкой на данные архива министерства обороны (как и все приведенные выше данные) говорится, что "всего в течение первого полугодия 1941 года изготовили 1 684 танка". И далее:

"С января 1939 года по 22 июня 1941 года заводы выпустили более 7 000 танков".[3] Следовательно, в 1939 и 1940 годах было изготовлено (7 000 – 1 684) = 5 316 танков, или в среднем за год выпуск составил 5 316 : 2 = 2 658 танков. Это количество танков дает нам возможность определить прирост выпуска этих машин с 1935 по 1939 года, то есть за 4 года, он составил (2 658 – 2 193) = 465 танков. Распределив этот прирост равномерно по годам, получим среднегодовой прирост выпуска, равный 116 машин. Отсюда примерно определяем выпуск танков в 1936, 1937 и 1938 г., который составил:

1936 г.: (2 193 + 116) = 2 309 танков,
1937 г.: (2 309 + 116) = 2 425 танков,
1938 г.: (2 425 + 116) = 2 541 танк.

---

[1] В.Д. Мостовенко. Развитие советских танков в годы Великой Отечественной войны. Военно-исторический журнал, 1961 г., № 9, стр. 35.
[2] Указанное соч., стр. 270.
[3] В.А. Анфилов, Названное соч., стр. 95, 115.

Исходя из приведенных данных, приближенно определяем танковый парк Красной Армии к началу войны в количестве:

7 633 + 2 309 + 2 425 + 2 541 + 7 000 = 21 908 ≈ 22 000 машин, без учета потерь в советско-финляндской войне, на Халхин-Голе и др.

В целях проверки этих цифр укажем, что маршал А. Гречко в своей статье указал на то, что танки новых конструкций (Т-34 и КВ) составляли 8% всех советских танков.[1]

Количество танков новых конструкций составляло к 22 июня 1941 г. 1 861 машину (см. В.А. Анфилов. Бессмертный подвиг, стр. 115). Если соотнести это количество к полученному нами танковому парку Красной Армии (22 000), то оно составит 8,46%. Возможно, маршал А. Гречко округлил процентный показатель до 8%, отбросив доли процента. Если же он был в точности 8%, то общее количество было (1 861 : 0,08) = 23 263 танка. Максимальное же число, согласованное с этим отношением (при 7.5% танков новых конструкций, что также округляется до 8%) составляет (1 861 : 0,075) = 24 813 танка.

Нами принимается состав танкового парка Красной Армии в количестве[2*] 22 000 машин.

в. Определение общего количества советских танков в западных округах

Попытаемся определить общее количество танков, имевшихся в западных приграничных округах к 22 июня 1941 г.

Воспользуемся для этого данными, опубликованными главным маршалом бронетанковых войск П.А. Ротмистровым и полковником А. Рыжаковым.

П.А. Ротмистров отмечал, что "к началу Великой Отечественной войны на западном направлении имелось 20 механизированных корпусов…"[3] На вопрос о том, что представлял собой механизированный корпус с точки зрения количества состоявших у него на вооружении танков, дает ответ А. Рыжаков. Он сообщает, что в механизированный корпус входили 2 танковых и 1

---

[1] А. Гречко. 25 лет тому назад. Военно-исторический журнал. 1966, № 6, стр. 9.

[2*] По данным статьи В.А. Гаврилов. Канун войны: роковые просчеты. Вестник МГИМО, 2011, стр. 109-117, СССР имел к началу Великой Отечественной войны 18 700 танков, что на 15% меньше оценки, найденной здесь на основе данных А.В. Анфилова и А. Гречко (цитируемых по сей день) и данных о выпуске танков. В книге: Наше Отечество (опыт политической истории), Ч. II /Кулешов С.В., Волобуев О.В., Пивовар Е.И. и др. М.: ТЕРРА, 1991 и ряде других работ приведена оценка "свыше 22 тысяч танков", что совпадает с оценкой публикуемой работы [примеч. публикатора].

[3] П.А. Ротмистров. Время и танки. М., 1972, стр. 89.

моторизованная дивизии. В танковой дивизии было 375 танков;[1] в механизированном корпусе — 1 031 танк[2*].

Таким образом, в одной моторизованной дивизии было с учетом 6 штабных и командирских машин 1 031 – (375 х 2) – 6 = 275 танков. Если соотнести эти данные с количеством мехкорпусов в западных приграничных округах, указанным П.А. Ротмистровым, то получим 40 танковых дивизий и 20 моторизованных дивизий, что совпадает с количествами этих соединений, указанными Г.К. Жуковым (см. предыдущую главу). Эти данные позволяют оценить танковый парк моторизованных соединений, находившихся в западных приграничных округах накануне войны, в случае их полной укомплектованности[3*], следующим количеством машин:

(1 031 х 20) = 20 620 танков.

Следует также учесть те танки, которые находились в составе стрелковых дивизий (см. предыдущую главу). Как было уже упомянуто, в стрелковой дивизии состояло 16 танков, а всего в пяти западных приграничных округах было 109 стрелковых дивизий. Отсюда общее количество танков в стрелковых дивизиях западных округов оценивается числом (16 х 109) = 1 744 танка.

Таким образом, в западных приграничных округах к началу войны могло быть сосредоточено максимум (20 620 + 1 744) = 22 364 танка. Поскольку механизированные корпуса были недоукомплектованы, и танки новых конструкций для их комплектования часто забирали из стрелковых дивизий, примем в качестве оценки 20 600 советских танков в западных приграничных округах.

г. Количество танков по типам

1. Исходные данные.

Ниже приводим почерпнутые из советской военно-исторической литературы данные, которые послужат базой для наших дальнейших расчетов.

К началу войны

(№ 1) Легкие танки в Красной Армии (Т-26, колесно-гусеничный БТ) составляли около 75% танкового парка.[4]

---

[1] Полковник А. Рыжаков. К вопросу о строительстве бронетанковых войск Красной Армии в 30-е годы. Военно-исторический журнал 1968 г., № 8, стр. 110.

[2*] В марте 1941 года число танков в механизированном корпусе было уменьшено с 1108 до 1031 [примеч. публикатора].

[3*] П.А. Ротмистров отмечает, что большинство механизированных корпусов к началу войны были не полностью укомплектованы [примеч. публикатора].

[4] В.Д. Мостовенко. Цит. соч., стр. 33.

(№ 2) Во всех пяти приграничных округах танков Т-34 и КВ насчитывалось всего 1 475 машин, в том числе Т-34 — 967, КВ — 508.[1]

(№ 3) В Красной Армии находился 1 861 танк новых конструкций (Т-34 и КВ).[2]

(№ 4) В Красной Армии на средние танки Т-34 и тяжелые КВ приходилось 8% всех танков.[3]

(№ 5) В западных приграничных округах находилось средних и тяжелых танков 1 800 машин, в том числе новых типов 1 475.[4]

д. Количество средних и тяжелых танков

Из приведенных выше данных нам известно, что средних и тяжелых танков новых конструкций (Т-34 и КВ) в Красной Армии к началу войны было (№ 3) 1 861 машина, а в Западных приграничных округах (№ 5) — 1 800 машин, или 97% их общего количества.

Далее мы знаем, что из имевшихся в западных приграничных округах 1 800 средних и тяжелых танков имелось танков новых марок 1 475. Следовательно, в этих округах находилось средних и тяжелых танков старых конструкций (1 800 – 1 475) = 325 машин. Таким образом, на долю остальных танков (легких, огнеметных, плавающих) в западных округах приходилось примерно 20 600 – 1 800 = 18 800 машин.

Материалов о количестве в Красной Армии к началу войны средних и тяжелых танков старых конструкций в нашем распоряжении не имеется. Есть только указание в литературе на то, что "к маю 1940 г. реорганизация бронетанковых войск в основном была завершена. К этому времени в составе Красной Армии имелось 35 бригад танков Т-26 и БТ и 4 бригады танков Т-28 и Т-35… полностью сформированные…"[5] Далее, в упомянутой нами статье А. Рыжакова имеется указание на то, что танковым бригадам Т-28 и Т-35 по штату полагалось по 156 танков. Отсюда следует, что к середине 1940 г. танковый парк Красной Армии включал (156 х 4) = 624 танка Т-28 и Т-35. Следует полагать, что к середине 1941 года количество этих танков в Красной Армии увеличилось. Однако при отсутствии в литературе соответствующих данных невозможно определить количество средних танков старых конструкций, состоящих на вооружении к 22 июня 1941 г. Поэтому оставляем

[1] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 1. М., 1960, стр. 475.
[2] В.А. Анфилов. Бессмертный подвиг, стр. 115.
[3] 50 лет вооруженных сил СССР. М., 1968, стр. 252.
[4] 50 лет вооруженных сил СССР. М., 1968, стр. 252.
[5] И. Крупченко. Развитие танковых войск в период между Первой и Второй мировыми войнами. Военно-исторический журнал. 1968 г., № 5, стр. 43.

без изменения к началу войны данные, относящиеся к середине 1940 г., предпочитая хоть и заниженное, но рассчитанное количество их произвольному увеличению.

На долю остальных типов танков (легких, огнеметных, плавающих и т.д.) в танковом парке Красной Армии приходилось примерно: 22 000 – (1 861 + 624) = 19 515 танков.

Для западных приграничных округов их количество было оценено в 18 800 машин, что составляет 96% от этой же группы танкового парка Красной Армии.

е. Количество легких танков

Количество легких танков в танковом парке Красной Армии можно установить исходя из того, что они, как это нам известно (№ 1), составляли 75% танкового парка, то есть (22 000 х 0,75) = 16 500 машин, или (16 500 : 19 515) = 85% количества остальных (кроме средних и тяжелых) типов танков.

Имея в виду, что остальные типы танков в западных приграничных округах составляли 96% от этой группы машин в танковом парке Красной Армии, считаем допустимым принять для западных округов количество легких танков в том же проценте, то есть в количестве (16 500 х 0,96) = 15 840 танков.

В итоге мы можем сравнить танковый парк Красной Армии с количеством танков, находившихся накануне войны в западных приграничных районах.

Танковый парк Красной Армии накануне войны

	Красная Армия	В том числе западные приграничные округа	
		количество	% к парку танков Красной Армии
Средние и тяжелые танки старых конструкций	624	325	52
Средние и тяжелые танки новых конструкций	1 861	1 475	79
Всего средних и тяжелых танков	2 485	1 800	75
Остальные (легкие, огнеметные, плавающие, …)	≈19 515	≈18 800	96
Итого танков	**≈22 000**	**≈20 600**	**94**

Г. Сравнение танковых парков Германии и СССР

Советская военно-историческая литература избегает сравнивать как общее количество танков, имевшихся в армиях Германии и СССР к началу войны, так и количество легких танков, состоявших на вооружении армий этих стран. Вместо указанных сравнений советская историография путем различных манипуляций количественными данными стремится внушить читателю мнение и укрепить в нем убежденность, будто Германия обладала явным превосходством в танковых силах к началу войны с Советским Союзом. Вместе с тем, избегая сравнения количества легких танков в германской и советской армиях и останавливая свое внимание только на сравнении численности средних и тяжелых танков, наша историография как бы подсказывает читателю мысль, что с появлением на поле боя средних и тяжелых танков легкие танки потеряли всякое значение для вооруженной борьбы, и поэтому можно пренебречь ими при сравнении танковых парков Германии и СССР. В противоположность такому освещению вопроса о танковых силах Германии и СССР приведем следующую сравнительную таблицу, которая свидетельствует об ином соотношении танковых сил Германии и СССР перед войной между ними.

Количество танков в сухопутных войсках Германии и СССР в июне 1941 г.

	Германия	СССР	
		количество	% к Германии
Средние и тяжелые танки новых конструкций	–	1 861	–
Прочие средние и тяжелые танки	2 898	624	22
Всего средних и тяжелых танков	**2 898**	**2 485**	**86**
Легкие танки	1 949	16 500	847
Прочие (огнеметные, плавающие и др.) танки	415	3 015	727
Итого танков	**5 262**	**22 000**	**418**

При первом же взгляде на таблицу легко убедиться в том, что ни о каком количественном превосходстве германского танкового парка над советским не было, и не могло быть речи к началу войны. Наоборот, приведенные в таблице данные убеждают нас в том, что советский танковый парк обладал значительным (более чем в 4 раза) перевесом по количеству танков над германским танковым парком.

Что же касается легких танков, то мнение, будто они не имели никакого значения на поле боя к началу войны, является по меньшей мере ошибочным. Во всяком случае, это мнение не разделялось в то время ни германским, ни советским командованием вооруженных сил этих стран.

Чтобы правильно оценить эти факты, надо иметь в виду следующее. Противотанковая артиллерия с момента своего возникновения и по мере ее широкого распространения оказывала серьезное воздействие на судьбу легких танков. Это воздействие было прямым и косвенным. Во-первых, действиями противотанковых пушек была сведена на нет защитная роль противопульной брони легких танков, и последним ничего другого не оставалось, как противостоять противотанковой артиллерии, пользуясь лишь скоростью своего хода для маневрирования на поле боя.

Во-вторых, внедрение в боевую технику противотанковой артиллерии привело к созданию и распространению средних танков, которые в результате их усовершенствования не уступали легким танкам в скорости хода и вместе с тем превосходили их мощью своего огня и защитными свойствами своей брони.

По мере того как в бронетанковых силах все большее распространение получали средние танки, потребность в легких танках сокращалась, как мы видели на примере развития германского танкового парка за период 1939-1941 гг. Направление этого процесса в сторону сокращения потребности в легких танках и в дальнейшем должно было сохраниться по мере все большего насыщения танковых войск средними танками. Однако пока этот процесс не был закончен, сохранилась известная потребность в легких танках, как мы видели на примере Германии в 1941 году, и они продолжали служить оружием уничтожения живой силы противника.

Легкие танки не только продолжали оставаться на вооружении армий Германии и СССР, но составляли по своему количеству к началу войны 37% германского танкового парка и 75% советского. Более того, производство легких танков продолжалось и после того, как развернулись боевые действия на советско-германском фронте. О производстве легких танков в Германии во второй половине 1941 года говорилось выше. Здесь же приведем сообщение о производстве легких танков в СССР.

"В 1941-1942 гг. наблюдалось увеличение выпуска легких танков с тем, чтобы в кратчайший срок удовлетворить требование армии в танковой технике. Во втором полугодии 1941 г. было построено 1 923 легких танков, в первом полугодии 1942 г. — 5 100. Но во втором полугодии 1942 г. было выпущено только 1 265 легких танков, после чего их производство было

прекращено".[1] Это произошло, как и в Германии, потому что производство средних танков, обладавших более широкими боевыми возможностями, уже полностью удовлетворило потребность армии в танковой технике. В германской армии эта насыщенность была достигнута к 1942 году, а в советской — к 1943 г.

К сказанному следует добавить, что германские средние танки Т-III и Т-IV в скорости хода уступали легким советским танкам БТ-7 и БТ-7м, что давало последним некоторое преимущество в маневренности. Нельзя также упускать из виду, что советские легкие танки, кроме пулеметов, были вооружены и 45-мм пушкой. Переходя к сравнению численности танков, сосредоточенных на советско-германском фронте к 22 июня 1941 года, приведем следующую таблицу.

Данные этой таблицы свидетельствуют о численном превосходстве советского танкового парка на германо-советском фронте к началу войны. Количество советских танков в западных приграничных округах в шесть раз превосходило численность немецких танков, сосредоточенных у советских границ.

Количество танков на советско-германском фронте к 22 июня 1941 г.

	Германия	СССР	
		количество	в % к Германии
Средние и тяжелые танки новых конструкций	–	1 475	–
Прочие средние и тяжелые танки	2 176	325	15
Всего средних и тяжелых танков	2 176	1 800	83
Легкие танки	926	15 840	в 17 раз
Прочие (огнеметные, плавающие и др.) танки	230	2 960	в 13 раз
Итого танков	3 332	20 600	в 6 раз

По легким танкам советская сторона имела подавляющее преимущество в численности; их было в 17 раз больше, чем машин этой группы в германской армии вторжения. Советские легкие танки по своему качеству превосходили немецкие легкие танки Т-I и Т-II.

[1] В.Д. Мостовенко. Развитие советских танков..., стр. 36.

Сравним для примера некоторые показатели немецкого легкого танка Т-I с советским легким танком БТ-5.[1]

	Размерность	Т-I	БТ-5
Вооружение			
пулеметов	шт.	2	1
пушек	шт.	–	1
Калибр пушки	мм	–	45
Толщина брони	мм	13	13

Как видим, по вооруженности советский танк превосходил немецкий. Еще большие превосходства советских легких танков выявляются, если сравнить важнейшие показатели легких танков самых лучших марок, а именно: немецкий танк Т-II и советской БТ-7.[2]

	Размерность	Т-II	БТ-7
Вооружение			
пулеметов	шт.	1	1
пушек	шт.	1	1
Калибр пушки	мм	20	45
Толщина брони	мм	15	15-20
Максимальная скорость	км/час	40	53,4

Таким образом, не приходится говорить о каком-либо превосходстве в качественном отношении немецких легких танков над советскими.

На советско-германском фронте к началу военных действий количество немецких средних танков было больше, чем советских средних и тяжелых танков всего на 376 машин, или на 17%. Однако это незначительное численное превосходство с лихвой перекрывалось таким техническим и боевым преимуществом советских танков новых конструкций, что следует говорить о боевом превосходстве не германской, а советской танковой техники.

Прежде чем перейти к сравнению главнейших технико-тактических показателей советских и немецких средних и тяжелых танков, отметим, что советские средние танки до включения в их состав танков Т-34 были представлены танком Т-28. Тактико-технические показатели этого танка, как увидим ниже, ни в чем не уступали немецким средним танкам. Основная масса

[1] В.Д. Мостовенко. Танки, стр. 86-89, 133.
[2] В.Д. Мостовенко. Танки, стр. 86-89, 133.

советских средних и тяжелых танков состояла из машин новых конструкций, которые по своим показателям были несравненно выше немецких танков, как это видно из следующей таблицы.

Таблица 2.

Основные показатели немецких и советских средних танков

	Размерность	Советский танк Т-28	Немецкие танки Т-III	Т-IV	Советские танки Т-34	КВ-I/II
Боевой вес	тонн	31-32	21,5	21	26,5	45/52
Экипаж	чел.	6	5	5	4	5/6
Калибр пушки	мм	76,2	50	75	76,2	76,2/152
Количество пулеметов	шт.	3	2	2	2	3
Толщина брони – Башня						
лоб	мм	80	50	30	52	75
борт	мм	40	30	20	52	75
– Корпус						
лоб	мм	50	50	30	45	75
борт	мм	40	30	20	45	75
Максимальная скорость	км/час	37	40	40	51,2	34
Запас хода	км	220	155	200	370	225/250

Из сравнения показателей таблицы видно, что советский средний танк Т-28 по таким важнейшим показателям, как огневая мощь, броневая защита, скорость и запас хода, не уступал немецким танкам Т-III и Т-IV.

Относительно танка Т-34 следует подчеркнуть, что его основные боевые качества, такие как огневая мощь и броневая защита, подвижность и проходимость, а также запас хода оказались лучше, чем у любого другого танка.[1]

Тяжелый танк КВ-1, поступивший на вооружение в 1939 году, как и Т-34, был вооружен 76,2-мм пушкой, но толщина брони была увеличена до 75-мм.

---

[1] В.Д. Мостовенко. Развитие советских танков..., стр. 35.

В январе 1940 г. на вооружение поступил танк КВ-2, который от своего предшественника отличался громоздкой башней со 152-мм гаубицей и в связи с этим увеличением веса до 52 тонн (против 45). Как и следовало ожидать, 75-мм броня надежно защищала от 37-мм противотанковых пушек. Впервые на средних танках Т-34 и тяжелых танках КВ были установлены 76,2-мм пушки с высокой начальной скоростью бронебойных снарядов (662 м/сек).

Классическая форма корпуса и башни среднего танка Т-34 являлась совершенно новым решением в области бронирования танков, позволившими применить большие углы наклона брони для повышения снарядостойкости наиболее ответственных деталей броневой защиты.[1]

Предоставим слово для характеристики танка Т-34 боевому гитлеровскому генералу Эрику Шнейдеру. "Танк Т-34 произвел сенсацию, — восклицает он, — этот 26-тонный русский танк был вооружен 76-мм пушкой, снаряды которой пробивали броню немецких танков с 1,5 – 2 тыс. м, тогда как немецкие танки могли поражать русские с расстояния не более 500 м, да и то лишь в том случае, если снаряды попадали в бортовую и кормовую части танка Т-34… Толщина лобовой брони немецких танков равнялась 40 мм, бортовой — 14 мм. Русский танк Т-34 нес лобовую броню толщиной 70 мм и бортовую 45 мм, причем эффективность прямых попаданий в него снижалась еще и за счет сильного наклона его броневых плит. Попытка создать танк по образцу русского Т-34 после его тщательной проверки немецкими конструкторами оказалась неосуществимой".[2]

Чтобы внести полную ясность в картину сравнения танков, упростим ее следующим образом.

А. Уравновесим количества советских и немецких танков одного и того же типа, а именно легких и средних.

1. Все советские танки Т-28 в количестве 325 машин уравновешиваются таким же количеством немецких средних танков Т-III и Т-IV.

2. Все немецкие легкие танки Т-I и Т-II в количестве 926 машин уравновешиваются таким же количеством советских легких танков. Исключив из сравнения эти равные количества одних и тех же танков, сравним оставшиеся неравенства:

1) Всем советским средним танкам Т-34 и тяжелым танкам КВ в количестве 1 475 машин противопоставляются немецкие средние танки Т-III и Т-IV в таком же количестве. Однако последние танки значительно уступают по технико-тактическим показателям советским Т-34 и КВ;

---

[1] Там же.
[2] Итоги Второй мировой войны. М., 1957, стр. 302, 303

2) Остальному количеству немецких средних танков, а именно 2 176 – (325 + 1 475) = 376 машинам, противостоит остальное количество советских легких танков, то есть 15 840 – 926 = 14 914 машин. Таким образом, каждому из остальных немецких средних танков противостоит 40 советских легких танков.

3. И, наконец, прочим немецким танкам в количестве 230 машин противостоят советские прочие танки общей численностью в 2 960 машин, что составляет около 13 советских машин против каждого немецкого танка.

Таким образом, как количественный, так и качественный анализ соотношения танковых парков германской и советской армий к началу войны убедительно свидетельствует о том, что превосходство германской армии в танках над советской армией не имело места накануне и в начале войны, а является легендой, вымыслом, пущенными в оборот отечественными органами информации для того, чтобы под прикрытием этой лжи скрыть действительные причины поражения советской армии в первый период войны с Германией.

ГЛАВА XII. О ПРЕВОСХОДСТВЕ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ ГЕРМАНИИ К НАЧАЛУ ВОЙНЫ С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ

1. Германия

Германская авиационная промышленность перед войной против СССР производила следующие марки самолетов, которые выпускались и действовали, как правило, на протяжении всей войны:

Истребители

1. Одномоторный "Мессершмитт" (Bf 109)
2. Одномоторный "Хейнкель" (He 112)
3. Двухмоторный "Мессершмитт" (Bf 110)

Бомбардировщики

1. Одномоторный "Юнкерс" (Ju 87)
2. Двухмоторный "Юнкерс" (Ju 88)
3. Двухмоторный "Хейнкель" (He 111)
4. Двухмоторный "Дорнье" (Do 217)[1]

Производство боевых самолетов в Германии перед нападением на Советский Союз составляло:[2]

1939 г.	1940 г.	1941 г.
4 700	10 250	11 630

Технические и боевые качества немецкой авиации были высоки. Главное внимание уделялось выпуску бомбардировщиков.[3]

В вооруженных силах Германии на 1 июня 1941 года состояло 10 000 самолетов.[4]

В составе группировок, изготовившихся к вторжению в СССР, насчитывалось 4 950 самолетов.[5] Из них:[6]

Немецких	3 950
Финских	500
Румынских	500

[1] Вторая мировая война 1939-1945 гг. Военно-исторический очерк. Под общ. ред. С.П. Платонова и др. М., 1958, стр. 129.
[2] Промышленность Германии в период войны 1939-1945 гг. М., 1956, стр. 270.
[3] Вторая мировая война 1939-1945. М., 1958, стр. 129.
[4] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 1. М., 1960, стр. 382.
[5] В.А. Анфилов. Бессмертный подвиг, стр. 63.
[6] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 1. М., 1960, стр. 384.

Немецкие самолеты были распределены следующим образом:

в Финляндии 400 самолетов
группа армий "Север" 1 070 самолетов
группа армий "Центр" 1 680 самолетов
группа армий "Юг" 800 самолетов[1]

2. СССР

Советские ВВС располагали следующей материальной частью в 1940 году.

Основную мощь ВВС в то время составляли:

истребители "И-15";
истребители "И-16";
бомбардировщики "ТБ-3";
бомбардировщики "СБ".

Эти машины были устарелыми и, как показал опыт Испании, не шли в сравнение с немецкими самолетами. Не приходится говорить о еще более древних самолетах, которых в строю находилось еще много.[2]

И все-таки, как утверждает известный авиаконструктор А.С. Яковлев "Сравнение отечественной авиации с немецкой (к началу войны) было в нашу пользу. Созданные советскими конструкторами истребители были быстроходнее и маневреннее немецких. Ильюшинский штурмовик — уникален. Но огорчались мы тем, что на вооружении нашей авиации новых машин находилось лишь немного: процесс их серийного производства только развертывался".

Выпуск новых самолетов составлял:

	1940 г.	Первая половина 1941 г.	Всего
Истребитель "ЯК-1"	64	~[3*]	~
Истребитель" МиГ-3"	20	~	~
Истребитель "Лагг-3"	–	~	~
Всего истребителей	84	1 946	2 030

---

[1] В.А. Анфилов. Бессмертный подвиг, стр. 62, 63.

[2] А.С. Яковлев. Цель жизни. (Записки авиаконструктора). М., 1966, стр. 262.

[3*] А.С. Яковлев указывает общее число истребителей, не приводя данных по маркам самолетов [примеч. публикатора].

Пикирующий бомбардировщик "Пе-2"	2	458	460
Штурмовик "ИЛ-2"	–	249	249
Итого	86	2 653	2 739

"Пока что в ВВС подавляющее большинство боевых самолетов было старых марок. Но машин таких имелось у нас много, и это несколько успокаивало."[1]

Эти данные весьма существенно дополняет В.А. Анфилов. Он пишет:

"С 1 января 1939 г. по 22 июня 1941 г. ВВС получили от промышленности 17 745 боевых самолетов, из них 3 719 самолетов новых типов. Новые советские истребители по своим тактико-техническим данным не уступали немецким истребителям, но их в ВВС было еще мало".[2]

Эти данные дают основание полагать, что ВВС СССР включали в свой состав к началу войны не менее 16 000 боевых самолетов, и в том числе не менее 3 000 самолетов новых типов, которые по некоторым своим параметрам превосходили немецкие самолеты лучших конструкций.

К этому нужно добавить, что далеко не все немецкие самолеты характеризовались высокими тактико-техническими показателями. В их числе, как и в составе советских ВВС, были самолеты старых типов. Так, в своем дневнике Ф. Гальдер отмечает 22 февраля 1941 г.:

"Командование ВВС рассчитывает иметь в распоряжении всего 4 тысячи (может быть, и больше) машин, в том числе 600 самолетов новых типов".[3]

Итак, все наши авторы единодушно настаивают на том, что к началу войны самолетов новых марок в советских ВВС было мало. Однако цифры, которые приводит Анфилов, показывают, что одни лишь машины новых марок в составе советских ВВС по своему количеству (3 000) лишь на четверть уступали всему составу машин немецких ВВС, сосредоточенных против СССР (3 950).

По-видимому, советские историки, говоря о малом или недостаточном количестве самолетов новых типов в советских ВВС, имеют в виду сравнение этого количества не с германскими ВВС, а нечто совсем иное. Дело

---

[1] М. Кожевников. Развитие оперативного искусства ВВС. Военно-исторический журнал. 1969, № 1, стр. 15-16. А.С. Яковлев. Цель жизни. (Записки авиаконструктора). М., 1966, стр. 234.

[2] В.А. Анфилов. Провал "Блицкрига", М., 1974, стр. 131.

[3] Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 2, стр. 373.

разъясняется следующим указанием, приведенным в первом томе Истории Великой Отечественной войны Советского Союза:

"Наши новые самолеты имели ряд преимуществ перед немецкими. Но этих самолетов было мало, примерно 22% от общего числа наличных самолетов в авиации приграничных округов".[1]

Из сказанного следует, что этих самолетов новых типов было мало по их удельному весу в общем парке самолетов советских ВВС, сосредоточенном в западных округах.

Советские источники ничего не сообщают нам о том, какое количество советских самолетов было сосредоточено в западных пограничных округах. Приблизительные данные об этом мы находим в дневнике Ф. Гальдера. В записи, сделанной на 10-й день войны, то есть 1 июля 1941 года, читаем:

"Наше командование ВВС серьезно недооценивало силы авиации противника в отношении численности. Русские, очевидно, имели в своем распоряжении значительно больше, чем 8 000 самолетов. Правда, теперь из этого числа, видимо, сбита и уничтожена почти половина, в результате чего сейчас наши силы примерно уравнялись с русскими в численном отношении".[2]

Мы полагаем, что 8 000 самолетов — количество, явно заниженное для западных округов, и здесь следует обратить внимание на слова Гальдера "значительно… больше…" Наше сомнение основывается на том, что маловероятным является, чтобы советское командование сосредоточило в западных округах только лишь 50% ВВС в то время, как там находилось 96% всего танкового парка Красной Армии.

По-видимому, в западных военных округах к 22 июня 1941 г. находилось, по самым скромным предположениям, не менее 9 000 самолетов, или 56% советских ВВС.

Между тем редактор советского издания дневника Ф. Гальдера в своем примечании решительно заявляет:

"Приведенное количество самолетов в западных приграничных округах завышено". Сделав такое заявление, редакция даже не сочла нужным его как-то аргументировать, по-видимому, считая, что ее утверждения вполне достаточно для опровержения цифр, приведенных Гальдером. Мы не разделяем этой уверенности и попытаемся определить количество самолетов советских ВВС в западных округах, исходя из других данных.

В первую очередь мы имеем в виду упомянутые выше данные о том, что самолеты новых типов составляли 22% от общего количества самолетов советских ВВС, сосредоточенных в западных приграничных округах. Исходя

---

[1] История ВОВ, т. 1. М., 1960, стр. 476.
[2] Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 3, стр. 71.

из ранее приведенных цифр, мы установили, что общее количество самолетов новых типов в советских ВВС составляло примерно 3 000 машин. Однако сведения о количестве этих самолетов в западных приграничных округах не упоминаются в советской литературе. Их мы находим в дневнике Ф. Гальдера, где под датой 1 июля 1941 г. читаем:

"В настоящее время командование ВВС считает, что перед фронтом группы армий "Юг" противник располагает 800–1 000 первоклассными самолетами, перед фронтом группы армий "Центр" действуют 400–500 первоклассных самолетов противника, перед Фронтом группы армий "Север" — также 400–500 первоклассных самолетов.

Во время боев последних дней на стороне русских участвовали, наряду с новейшими, машины совершенно устаревших типов".[1]

Таким образом, германское командование считало, что против Германии действуют 1600–2000 советских самолетов новых типов.

Имея в виду, что самолеты новых типов составляли 22% от всех самолетов, сосредоточенных в западных военных округах, можно определить общую численность советских ВВС, стянутых к западным границам СССР в количестве от (1 600 : 0,22) ≈ 7 300 машин до (2 000 : 0,22) ≈ 9 100 машин.

Для столь же приближенного ответа на поставленный вопрос мы можем использовать и другие материалы.

Речь идет о количестве уничтоженных советских самолетов в первый день войны — 22 июня 1941 г. В литературе имеется следующее указание:

"В течение 22 июня вражеская авиация атаковала около 65% от числа аэродромов, имевшихся в наших приграничных военных округах в зоне глубиной до 400 км. При этом было уничтожено почти 21% самолетов от боевого состава ВВС четырех приграничных военных округов (Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского)".[2]

Рассмотрим данные, приводимые советскими и немецкими авторами о количестве уничтоженных советских самолетов в первый день войны. У немецкого автора читаем:

"Еще и сегодня остается нерешенным вопрос о том, насколько сведения о количестве уничтоженных советских самолетов, приводившиеся в сводках немецкого верховного командования, соответствовали действительности. В них, например, указывалось, что к 23 июня 1941 года было уничтожено 2 852 самолета, к 11 июля — 6 293 самолета, а к 10 августа 1941 года — 10 000 самолетов!

---

[1] Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 3, стр. 71.

[2] Архив М.О., ф. 319, оп. 30802, д. 32, 1-32. См. Г. Пшеняник. Борьба с авиацией противника в летне-осеннюю кампанию 1941 г. Военно-исторический журнал, 1961, № 3, стр. 37.

Пусть эти цифры и не совсем соответствовали истине, однако господство в воздухе на направлениях главного удара сухопутных войск, то есть на центральном и северном участках фронта, немецкой авиацией было завоевано, и в этом состояла суть дела".[1]

Таким образом, немецкие данные, по-видимому, являются завышенными. В советской литературе имеются другие данные. Вот что, например, пишет известный авиаконструктор А.С. Яковлев:

"Уже к полудню первого дня войны мы потеряли 1 200 самолетов: 300 погибло в воздушных боях и 900 было уничтожено на аэродромах.[2]

Если только к полудню 22 июня было уничтожено 1 200 самолетов, то можно из осторожности допустить, что во второй половине дня было уничтожено вдвое меньше самолетов, то есть 600 машин. Таким образом, количество уничтоженных советских самолетов в первый день войны можно приблизительно определить в 1 800 машин. Следует подчеркнуть, что несмотря на количественный перевес советских ВВС, они понесли тяжелые потери от ударов немецкой авиации вовсе не потому, что они якобы по своим тактико-техническим данным уступали немецкой авиации, а потому, что подавляющее большинство их было уничтожено на своих аэродромах.

Исходя из этих данных, определяем общее количество самолетов в западных военных округах, равное от (1 200 : 0,21) = 6 000 машин до (1 800 : 0,21) = 9 000 машин.

Итак, ВВС, расположенные в западных военных округах накануне войны, приближенно определяются:

а) на основе численности самолетов новых типов от 7 300 до 9 100 самолетов;

б) исходя из численности уничтоженных самолетов от 6 000 до 9 000 самолетов.

Поскольку 9 000 вторым способом получено на основе достаточно консервативной оценки потерь после полудня 22 июня 1941 г., принимаем количество самолетов в западных округах, равное[3*] 9 000 машин.

---

[1] Ф. Греффрат. Война в воздухе. См. Мировая война 1939-1945, Сб. статей, 1957, стр. 471-472.

[2] А.С. Яковлев. Цель жизни. (Записки авиаконструктора). М., 1966, стр. 246-247.

[3*] Согласно работе М.А. Бобров. Стратегическое развертывание ВВС Красной Армии на западе страны перед Великой Отечественной войной. Военно-исторический журнал. 2006, № 5, стр. 3-7, "…к началу Великой Отечественной войны Советский Союз имел на западе для отражения агрессии с учетом ВВС приграничных военных округов, ДБА ГК и авиации флота достаточно многочисленную авиационную группировку, насчитывавшую около 10 000 боевых самолетов". Это число складывалось из 7 133 самолетов четырех военных округов, 1 339 самолетов ДБА ГК (дальней бомбардировочной авиации Главного

Отметим при этом, что, даже если принять минимальное количество самолетов (6 000), окажется, что их численность все же превышала немецкие ВВС вместе с самолетами Румынии и Финляндии.

Из сказанного следует, что поражение советских вооруженных сил в начале войны не могло быть вызвано численным или качественным перевесом немецких самолетов, а явилось следствием иных причин.

Советская историография не случайно замалчивает данные о количестве самолетов в советских ВВС, и вместо них предлагает своему читателю ряд ребусов, решить которые он не в состоянии. Задача советской историографии и в этом вопросе заключается в том, чтобы ввести читателя в заблуждение и внушить ему мысль о численном и качественном перевесе немецких ВВС над советскими к началу войны. Это необходимо советским историкам для того, чтобы скрыть истинные причины поражения советских войск в начальный период войны и внушить читателю мысль о том, что поражение советских войск явилось следствием численного перевеса германских ВВС.

Здесь следует особо отметить, что удар немецких ВВС был нанесен 22 июня 1941 г. лишь незначительной частью самолетов вермахта. Вот что сообщает об этом подполковник германских войск в отставке Греффрат:

"К 21 июня 1941 г. для войны с Россией была подготовлена 61 авиационная группа, имевшая в своем составе 1 830 самолетов, из которых около 1 280 были боеспособны. В состав группы входили бомбардировщики, пикирующие бомбардировщики, истребители и истребители-бомбардировщики. Каждая из авиационных групп насчитывала примерно до 30 самолетов, а количество боеспособных машин к началу войны, точнее, ко дню начала стратегического развертывания составляло в среднем 70% от общего состава (1 280 машин)".[1]

Далее, у того же автора в главе "22 июня 1941 г." читаем: "Первый удар завершился удачно. Почти везде русские самолеты находились на аэродромах, не были приведены в боевое положение. Уничтожение русских самолетов на аэродромах продолжалось и на следующий день, когда в движение пришли наземные войска. Успешные воздушные бои, развернувшиеся над фронтом, как нельзя лучше дополняли удары, наносившиеся по аэродромам".[2]

Таковы были последствия удара, нанесенного немецкой авиацией на рассвете 22 июня 1941 г.

командования) и 1 445 самолетов ВВС ВМФ, итого 9 917 машин. Эти цифры указывают на адекватность и консервативность оценки, полученной в публикуемой работе по ограниченным данным, доступным ко времени ее написания [примеч. публикатора].

[1] Ф. Греффрат. Война в воздухе. См. Мировая война 1939-1945 гг. Сб. статей. М., 1957, стр. 471.

[2] Ф. Греффрат. Цит. соч., стр. 471-472.

В качестве итога приводим данные о ВВС Германии и СССР накануне 22 июня 1941 г.

	Германия	СССР	СССР в отношении к Германии
Всего боевых самолетов	10 000	16 000	1,6 : 1
из них новых типов	–	3 000	–
Самолетов на советско-германском театре военных действий – германских с учетом румынских и финских	3 950 4 950	9 000	2,2 : 1 1,8 : 1
в том числе новых типов	–	2 000	–

ГЛАВА XIII. О ПРЕВОСХОДСТВЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ГЕРМАНИИ В БОЕВОМ ОПЫТЕ К НАЧАЛУ ВОЙНЫ С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ

Это *единственный* вид нематериального превосходства германской армии, который советские историки признали заслуживающим упоминания. Во всех работах советских авторов, освещающих начальный период Отечественной войны, обязательно упоминается том, что по своему боевому опыту германские войска превосходили советские. Однако это утверждение не является убедительным. Не имея материального характера, это превосходство тем не менее может быть измерено, если исходить из того, что важнейшим условием накопления всякого, в том числе и боевого опыта, является время. Чем продолжительнее опыт военных действий, тем больше должно быть его накопление и, наоборот, чем меньше времени продолжаются боевые действия, тем меньше возможностей для накопления боевого опыта.

Сравним продолжительность боевого опыта германской и советской армий.

1. Продолжительность боевого опыта германской армии

№ п/п	Кампания	Дата начала кампании	Дата окончания кампании	Длительность в сутках
1	Польская кампания 1939 г.	I/IX	18/IX	18
2	Западная кампания 1940 г.	9/IV	17/VI	69
3	Греческая и югославская 1941 г.	6/IV	21/IV	15
			Итого	102

2. Продолжительность боевого опыта советской армии

1	Хасан 1938 г.	31/VII	9/VIII	9
2	Халхин-Гол 1939 г.	3/VIII	15/IX	16
3	Польская кампания 1939 г.	17/IX	28/IX	12
4	Финская кампания 1939-40 гг.	30/XI	13/III	104
			Итого	141

Таким образом, общая продолжительность боевого опыта советской армии составляла 141 день, а немецкой — 102 дня. Иными словами говоря,

продолжительность боевого опыта советской армии превосходила продолжительность опыта немецкой армии на 38%.

Однако продолжительность боевых действий — лишь базовое условие для накапливания боевого опыта. И одного лишь "накапливания" боевого опыта вовсе не достаточно для успешного его использования. А именно, в этом-то и заключается роль боевого опыта в войне. Генерал-полковник германской армии Лотар Рендулич справедливо замечает: "Чтобы боевой опыт приобрел свою значимость для вооруженных сил, необходимо, с одной стороны, правильно оценить его, а с другой — правильно использовать в каждом конкретном случае. Боевой опыт может стать основой при решении вооруженными силами тех или иных задач как в мирное, так и в военное время лишь в том случае, если он будет передаваться войскам, предназначенным для ведения боевых действий, таким образом, чтобы у них, независимо от того, какую функцию они будут выполнять, создавалось соответствующее представление о будущих боевых действиях".[1]

Говоря о превосходстве германской армии в боевом опыте, следует иметь в виду, что речь должна идти не просто о "накопленном" опыте, а об умении его оценить и использовать высшим руководством и командованием германской армии.

Именно в этом, по-видимому, и заключалось превосходство германской армии над советской.

---

[1] Л. Рендулич. Управление войсками. М., 1974, стр. 136.

ГЛАВА XIV. ИТОГИ СРАВНЕНИЯ

Сравнение важнейших элементов материальной силы германской и советской сторон показало, что ни по одному из суммарных показателей, подвергшихся сравнению, советская сторона не только не уступала немецкой, но по большинству из них даже превосходила последнюю. Особо следует отметить значительное превосходство советских вооруженных сил в численности танков и самолетов.

В военном дневнике верховного командования вермахта читаем следующую запись, сделанную в начале войны с СССР. "В целом операции на Восточном фронте развивались до сих пор более удачно, чем этого можно было бы ожидать, учитывая неожиданно большое количество танков и самолетов, которое имели русские. Если бы фюрер был информирован об этом перед началом войны, то ему было бы значительно труднее принять решение о необходимости нападения".[1] В качестве иллюстрации сказанного выше приведем таблицу, в которой сопоставлены силы и средства сторон на советско-германском фронте и 22 июня 1941 года.

Силы сторон на советско-германском фронте к 22 июня 1941 года

	Германия	СССР	СССР в отношении к Германии
Дивизий всего,	138	170	123%
в том числе:			
танковых	17	36	212%
механизированных	13	18	140%
Танков всего,	3 332	20 600	в 6 раз
в том числе			
средних и тяжелых	2 176	1 800	82%
Самолетов	3 950	9 000	в 2,3 раза
– германские с учетом румынских и финских	4 950		в 1,8 раза
Продолжительность боевого опыта (дней)	102	141	138%

[1] Разногласия в командной верхушке вермахта в июле-августе 1941 г. (из военного дневника верховного командования вермахта). Военно-исторический журнал, 1966, № 1, стр. 86.

Такое соотношение сил ни в какой мере не могло явиться причиной столь тяжкого поражения советских войск, какое они потерпели в начале войны. А между тем одной из легенд, которая должна скрыть действительные причины поражения советских войск в первый период войны, является утверждение советской историографии, будто причиной этих поражений послужило сложившееся к началу войны соотношение сил в пользу Германии. В частности, согласно советской историографии, здесь свою роль сыграло главным образом материальное превосходство германской армии, то есть ее перевес над советской армией в количестве дивизий и таких главных видов вооружения, как танки и самолеты.

Утверждению этой "творческой линии" советской историографии способствовали следующие обстоятельства.

Справедливо полагая, что победа в бою, сражении, операции в войне достается тому, кто оказался сильнее, подавляющее большинство читателей имеет весьма посредственное представление о природе этой силы, о важнейших, решающих факторах этой силы. Они понимают эти факторы главным образом, если не исключительно, в узко материальном смысле.

Упрощенно и потому превратно толкуя афоризм Наполеона, согласно которому "Бог всегда на стороне того полководца, у которого больше батальонов", читатель обычно не сомневается в том, что общее численное превосходство в силах и средствах является главнейшим фактором силы и, следовательно, делает он вывод, обречена на поражение та армия, которая в этом смысле уступает враждебной стороне.

Такому представлению о главном факторе силы способствует то немаловажное обстоятельство, что материальные преимущества поддаются численному определению. Такие характеристики общего соотношения сил сторон, как перевес в количестве дивизий, танков, артиллерии и самолетов, легко приобретают в глазах широких кругов читателей характер наглядного и потому убедительного показателя тех военных преимуществ, которые являются абсолютными и поэтому неотвратимо обеспечивают победу одной стороны над другой.

Советская историография Отечественной войны 1941-1945 гг. поддерживает у читателя и даже старается внушить ему эти упрощенные и ограниченные представления о факторах силы в войне, подчеркивая, что поражения, какие терпела советская армия в начальный период войны, были вызваны численным превосходством германской сухопутной армии, а также ее превосходством в количестве танков и авиации. Материальное превосходство в войне (количество дивизий, танков, орудий, самолетов) имеет немаловажное, но далеко не всегда решающее для достижения победы значение. Следует иметь в виду, что это превосходство может явиться

решающим фактором победы лишь при определенных условиях. Здесь мы имеем в виду в первую очередь то, как было использовано материальное превосходство в войне. Известно, что история военного искусства — это в значительной мере история того, как умение одерживало победу над числом. Таким образом, можно говорить о роли численного превосходства материальных сил в войне лишь при прочих равных условиях.

Кроме того, само по себе значение численного превосходства не является абсолютным, а ограничивается степенью этого превосходства.

По вопросу о численном превосходстве в сражении и в войне интересные соображения высказывает известный французский специалист по военным вопросам Жако. Он пишет: "Значение численного превосходства легко признается общественным мнением. Более того, стало традицией объяснять военные неудачи, воспоминание о которых морально неприятно для нации, именно численным превосходством противника, что более или менее оправдано. Роль этого фактора обычно преувеличивается, становится решающей лишь тогда, когда численность созданных вооруженных сил оказывается меньше определенного процента от численности вооруженных сил противника. Учитывая, что противостоящие армии будут иметь примерно одинаковые моральные и технические качества, важно уточнить этот критический уровень.

Затруднения, вызываемые численным превосходством противника, не увеличиваются пропорционально степени этого превосходства. В авиации и в морском флоте, как и в сухопутных войсках, можно легко компенсировать некоторый недостаток сил и средств путем применения умелой стратегии. Однако когда разница в силах и средствах достигнет одной четверти, умения окажется уже недостаточно и на смену ему должен прийти гений. Но гениальный полководец не сможет оказать решающего влияния на ход сражения, если превосходство противника станет двойным. Когда же диспропорция станет еще большей, то на смену гению должно прийти чудо…

…Этот критический уровень диспропорции не может быть установлен абсолютно, он должен определяться в зависимости от характера и боевых качеств вооруженных сил, которые сравниваются между собой… Можно считать положение катастрофическим, если противник имеет двойное численное превосходство. В этом случае никакой военачальник, каким бы ни был его талант, не сможет длительное время компенсировать численное превосходство противника своими умелыми действиями".[1]

Само собой разумеется, что значение численного превосходства рассматривается Жако при равенстве прочих условий и в особенности при

---

[1] П.Э. Жако. Исследование вопросов стратегии Запада. М., 1955, стр. 46-47.

приблизительном равенстве уровней военной квалификации верховного командования противостоящих сторон. Конечно, Жако не мог в своих рассуждениях предусмотреть тот маловероятный случай, когда численное превосходство одной из сторон может быть сведено на нет не только усилиями противника, но главным образом действиями высшего командования стороны, имеющей численный перевес в силах и средствах, как это будет видно из дальнейшего.

К сказанному добавим, что известный военный теоретик Фридрих фон Бернгарди в своем труде "Современная война"[1] посвятил специальную главу этому вопросу. Глава называется "Сила и число". В ней между прочим говорится:

"Полководец может свести на нет значение численного превосходства неприятеля, если ему так или иначе удастся, ослабить последнего…

Это видим мы в войнах новейшего времени. Не подлежит сомнению, что, начиная в 1904 году войну с Россией, японцам было ясно, что они, в общем, гораздо слабее своего противника. Вместе с тем им представлялась возможность одержать над войсками, сосредоточенными в Восточной Азии и подвозившимися туда, такой серьезный частный успех, что он потряс все государство и вынудил его желать мира. Последующие же события доказали, что расчеты японцев были в общем правильны.

На основании всех приведенных примеров мы можем вывести закон числа.

Более слабый численно потому остается победителем, что достаточно силен, чтобы тем или другим способом разбить столь значительную часть сил противника, что первоначальное неравенство сил оказывается нарушенным в его пользу".[2]

Поэтому правильнее было бы сказать, что общее численное превосходство создает одну из важных возможностей достижения победы в сражении или в войне. Однако для реализации такой возможности необходимо уметь использовать ее. И нередко общее численное превосходство уступает военному искусству, то есть более эффективному использованию численно меньших сил, как это мы видели на примере войны на Западе в 1940 году.

Добавим к сказанному, что Сталин придавал не только большое, но даже решающее, абсолютное значение в войне общему превосходству в численности армии, как это будет видно из дальнейшего. С этими замечаниями о значении общего превосходства численности войск и

---

[1] Ф. фон Бернгарди. Современная война, т. 1. Основы современной войны. СПб., 1912.

[2] Указанное соч., стр. 60, 61, 65.

главнейших видов вооружения мы переходим к выяснению вопроса о действительных причинах поражения советской армии в начале войны.

ГЛАВА XV. К ПРЕДЫСТОРИИ СОВЕТСКОГО ПЛАНА ВОЙНЫ

Поражение советской армии в начальный период войны 1941 года по своим масштабам было беспрецедентным не только в истории нашей страны. Это поражение было исключительным явлением и во Второй мировой войне. В самом деле, поражение, какое потерпела польская армия в 1939 году, было нанесено ей в условиях значительного превосходства сил немецкой армии, как это видно из следующей таблицы.

Соотношение сил на германо-польском фронте к 1 сентября 1939 года[1]

	Германия	Польша	Отношение
Дивизий всего	53	47	1,13 : 1
в т.ч. танковых и механизированных	10	1	10 : 1
Количество танков	2 800	200	14 : 1
Количество самолетов	2 000	400	5 : 1

При таком соотношении сил немецкая армия в течение 18 дней (с 1 по 18 сентября) вторглась вглубь территории Польши в среднем на 440 км, продвигаясь со скоростью, равной (440 : 18) = 24 км в сутки.

Соотношение сил на Западе в 1940 году было также в пользу немецкой армии, согласно следующим данным.

Соотношение сил на западном фронте к 10 мая 1940 года

	Германия	Союзники	Отношение
Дивизий всего	157[2]	150[3]	1,05 : 1
в т.ч. танковых и моторизованных	17[1]	6[2]	2,8 : 1
Количество танков	2 580[1]	2 500[2]	1,03 : 1
Количество боевых самолетов	3 530[2]	1 200[2]	2,9 : 1

Из сопоставления этих данных с предыдущей таблицей легко можно установить, что перевес сил немецкой армии над войсками союзников был меньшим, чем это было в Польше. Если количество немецких танковых и механизированных дивизий было больше, чем польских в 10 раз, то во

---

[1] Начальный период войны. (Далее Н.П.В.) По опыту первых кампаний и операций Второй мировой войны. Под общей ред. генерала армии С.П. Иванова, М., 1974, стр. 144, 149.
[2] Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии, т. 2, стр. 54, 55, 144.
[3] Дж. Батлер. Большая стратегия. Сентябрь 1939 – Июнь 1941, стр. 177, 178.

Франции этот перевес был менее чем трехкратным. Перевес сил немецкой армии над польской по количеству танков был четырнадцатикратным, а во Франции их количество было примерно равно танковому парку союзников. Немецкие ВВС превосходили польские в 5 раз, а союзнические — в 3 раза.

В соответствии с этим войска союзников были способны оказывать немцам более сильное сопротивление, чем польские армии. И, действительно, немецким армиям в течение 38 дней (с 10 мая по 17 июня 1940 г.) кампании на западе удалось осуществить вторжение на территорию Франции глубиной в среднем на 443 км, со скоростью 12 км в сутки, то есть вдвое медленнее, чем в Польше.

Военные действия на советско-германском фронте в 1941 году, в противоположность кампаниям в Польше и на Западе, начались в условиях перевеса сил не немецкой, а советской армии.

Напомним это соотношение сил.

Соотношение сил на советско-германском фронте к 22 июня 1941 г.

	Германия	СССР	СССР в отношении к Германии
Всего дивизий	138	170	1,2 : 1
в т.ч. танковых и механизированных	30	54	1,8 : 1
Количество танков	3 332	20 600	6,2 : 1
Количество самолетов – с учетом румынских и финских	3 950 4 950	9 000	2,3 : 1 1,8 : 1

И тем не менее советские вооруженные силы, подобно польским и англо-французским, в начальном периоде войны терпели поражение. Подчеркнем, что это поражение не было ни частичным, ни местным. Оно было нанесено по всему фронту наступления немецких войск протяженностью в несколько тысяч километров. Поражение было нанесено с первого удара в самом начале войны и на всю глубину фронта. Следует подчеркнуть и то, что это поражение не было кратковременным: оно не ограничилось и рамками одного сражения, а охватывало длинную цепь боевых операций общей продолжительностью в несколько месяцев. В ходе этих операций советские войска неизменно терпели одно поражение за другим, что в совокупности являло собой картину общего разгрома советских войск, расположенных к началу войны в западных приграничных округах.

Имея в виду соотношение сил в пользу советской армии, естественно было ожидать поражение армии вермахта или, по крайней мере, того, что

эффективность сопротивления советских вооруженных сил будет намного выше и, следовательно, темпы их вынужденного отступления будут гораздо медленнее, чем это было с Французской армией. Однако действительность оказалась иной: немецким войскам, чтобы осуществить вторжение в пределы советской территории примерно на такую же глубину, что в Польше или во Франции, то есть примерно на 520 км,[1] понадобилось затратить всего 23 дня.

Таким образом, темпы продвижения немецких войск на территории СССР составляли 23 км в сутки, то есть были примерно такими же, как в Польше, и вдвое быстрее, чем во Франции, несмотря на то, что, в отличие от этих стран, Советский Союз имел перевес над Германией по количеству дивизий и военной техники.

Эти факты и в особенности их численные выражения служат достаточно красноречивой характеристикой неслыханных масштабов поражений армии нашей страны.

Следует особо подчеркнуть, что поражение было нанесено Красной Армии в начальный период войны. Это обстоятельство, а также масштабы катастрофы говорят о том, что она явилась следствием ошибки, совершенной советским командованием не в ходе боевых действий, а еще до их начала.

Что же послужило главной причиной такого поражения? Почему советские войска были вынуждены длительное время отступать вглубь своей страны?

Этот вопрос о главной причине поражения советских вооруженных сил в начальном периоде войны поднимает маршал Г.К. Жуков, называя эту причину "главной ошибкой" военного руководства СССР. Он пишет:

"Теперь, пожалуй, пора сказать о главной ошибке того времени, из которой, естественно, вытекали многие другие, — о просчете в определении сроков вероятности нападения немецко-фашистских войск."

Далее Г.К. Жуков уточняет этот тезис, отмечая, что "в период назревания опасной военной обстановки мы, военные, вероятно, не сделали всего, чтобы… доказать (И.В. Сталину — Авт.) необходимость проведения в жизнь срочных мероприятий, предусмотренных оперативно-мобилизационным планом".[2]

Г.К. Жуков перечисляет эти мероприятия: "В оперативном плане 1940 года, который после уточнения действовал в 1941 году, предусматривалось в случае угрозы войны:

— привести все вооруженные силы в полную боевую готовность;

— немедленно провести в стране войсковую мобилизацию;

---

[1] Обоснование этого вывода см. в Приложении к данной тетради.

[2] Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1962, стр. 238-239.

— развернуть войска до штатов военного времени, согласно мобплану;
— сосредоточить и развернуть все отмобилизованные войска в районах западных границ в соответствии с планом приграничных военных округов и Главного военного командования.

Введение в действие мероприятий, предусмотренных оперативным и мобилизационным планами, могло быть осуществлено только по особому решению правительства".[1]

Таким образом, из сказанного Жуковым можно было бы заключить, что если бы эти меры были своевременно выполнены, то приграничное сражение, начатое 22 июня 1941 года, было бы выиграно не немецкими, а советскими вооруженными силами. Однако Г.К. Жуков из сказанного им делает иной вывод. Он пишет:

"Конечно, эти мероприятия не гарантировали бы полного успеха в отражении вражеского натиска, так как силы сторон были далеко не равными. Но наши войска могли бы вступить в бой более организовано и, следовательно, нанести противнику значительно большие потери".[2]

Следовательно, Г.К. Жуков признает, что если бы даже были проведены предусмотренные планом мероприятия полностью и своевременно, то и тогда не могло бы быть и речи о вполне успешном отражении нападения немецких войск. В этом случае, то есть в случае осуществления советского плана, по мнению Г.К. Жукова, лишь увеличились бы потери противника, но не более того.

Из этого следует, что главная причина катастрофы 22 июня 1941 года крылась не в ошибках выполнения плана войны, а в ошибках самого плана.

Из того, что говорит Г.К. Жуков, можно заключить, что советская армия в начальный период войны была обречена на поражение будто бы вследствие перевеса сил немецкой армии ("силы были неравными"). Однако этот тезис Г.К. Жукова, как уже указывалось, с одной стороны, остался в его книге недоказанным, а с другой — опровергается сопоставлением данных о количестве советских и немецких войск, танков, самолетов. Г.К. Жуков прямо и ясно нигде в своей книге не говорит о том, что причиной поражения советских войск в начальный период войны являлся численный перевес сил и средств немецкой армии. В цитируемых "Воспоминаниях и размышлениях" вопрос о главной причине поражения советских войск так и остался без ясного и прямого ответа.

Иные советские историки на поставленный выше вопрос о главной причине поражения вооруженных сил СССР в начале войны отвечают лишь

[1] Там же, стр. 232.
[2] Там же, стр. 239.

двумя словами "просчет Сталина". Более ясным языком об этом предмете советские историки говорить избегают. Однако такой ответ не может нас удовлетворить, ибо он ничего не объясняет.

Что такое "просчет"? Это ошибка в расчете. Каков же был расчет Сталина и в чем заключалась ошибка в его расчете — вот вопросы, ответы на которые позволят нам установить причину поражения Красной Армии в начале германо-советской войны. Имея в виду численное превосходство советских вооруженных сил и при этом масштабы постигшей их катастрофы, можно утверждать, что последняя произошла не по причине частной ошибки, допущенной в правильном расчете, а явилась следствием порока, лежавшего в основе самого расчета. Масштаб просчета должен был соответствовать размаху катастрофы.

Как же случилось так, что ошибка такого масштаба могла быть допущена в плане войны? Что послужило причиной столь чудовищного просчета?

Для ответа на этот вопрос следует остановиться на некоторых, очень важных обстоятельствах, влиявших на разработку советского плана войны. Но сначала следует сказать несколько слов о том военном органе, на который в мирное время возлагается обязанность подготовки страны к войне.

На Генеральном штабе лежит задача:

А. В мирное время: 1) Разработка плана мобилизации, сосредоточения, развертывания и первых операций мобилизованной армии; 2) оперативно-тактическая подготовка войск; 3) сбор сведений об иностранных армиях и театрах войны.

Б. Во время войны: 1) Изучение и обработка всех данных, необходимых для принятия решений, и отдача распоряжений, обеспечивающих правильное исполнение принятых решений.

В соответствии с этими задачами работа Генерального штаба в основном сводится к выполнению следующих функций:

а) участие в разработке плана обороны страны в целом;

б) проработка вопросов организации вооруженных сил и военного управления;

в) составление плана мобилизации вооруженных сил, плана передвижения войск, стратегического развертывания и первых операций;

г) расчет потребностей вооруженного фронта в области материального обеспечения и составление плана распределения отпущенных правительством ресурсов;

д) разработка вопросов мобилизации промышленности, транспорта и всего народного хозяйства;

е) изучение вероятных противников и театров будущей войны;

ж) разработка тактических требований, предъявляемых к новым образцам вооружения и военной техники;

з) разработка указаний и оперативно-тактическая подготовка армии к проведению войсковых маневров;

и) служба военных сообщений;

к) разработка плана военно-инженерных сооружений;

л) изучение опыта прошлых войн.[1]

Этой краткой справки о круге деятельности Генерального штаба вполне достаточно, чтобы дать представление о громадном значении этого органа в подготовке страны и армии к войне и о той главной роли, какую он играет в разработке плана войны. Отсюда ясно и то, какое значение для подготовки страны и армии к войне имеет уровень руководства этого "мозга армии". В этой связи заслуживают внимания те необычные обстоятельства, какие влияли на смену руководства советского Генерального штаба и на направление его работы.

Что нам известно об упомянутых выше обстоятельствах, при которых в советском Генеральном штабе шла разработка плана войны против Германии?

Из мемуаров Мерецкова, Жукова и Василевского мы знаем, что один из ранних вариантов этого плана был рассмотрен руководством страны осенью 1940 года, то есть в период, который наступил вслед за назначением в августе того же года на должность нового начальника Генерального штаба генерала К.А. Мерецкова, сменившего на этом посту маршала Б.М. Шапошникова.

Факт замены начальника Генштаба не столь уж часто встречается в государственной практике, чтобы не обратить на себя внимание. Такая смена происходит лишь в экстраординарных случаях. А если мы примем во внимание, что она была произведена в условиях напряженности в советско-германских отношениях и опасной международной обстановки, то ее нельзя будет не признать явлением из ряда вон выходящим. Событие это заслуживает того, чтобы на нем остановиться.

План войны, разработанный советским Генеральным штабом осенью 1940 года, то есть сейчас же после вступления в должность нового начальника Генерального штаба, без сомнения, не был первым вариантом плана войны с Германией. В этом убеждает нас характер тех изменений, какие произошли на западной границе СССР. В сентябре 1939 года начался процесс радикальных перемен в обстановке на западной границе Советского Союза — вместо небольших прибалтийских государств и Польши соседом СССР стала Германия, продолжавшая вести войну в Европе. Такая смена обстановки на западных рубежах нашей страны в условиях быстрого поражения Франции в

[1] Л.М. Никонов. Генеральный штаб. Б.С.Э., т. 14, М., 1929.

июне 1940 года не могла оставить в бездействии Генеральный штаб СССР. Не может быть никаких сомнений в том, что этот "мозг армии" под руководством такого опытного начальника, как Б.М. Шапошников, еще в начале этих заранее запланированных перемен, а может быть, и раньше разрабатывал план войны с новым и крайне опасным соседом. Это подтверждается тем, что в нашей военной и военно-мемуарной литературе упоминается об этом факте, на котором мы остановимся ниже.

Итак, в Генеральном штабе к моменту прихода в него нового начальника уже имелся разработанный план войны против Германии.

О некоторых обстоятельствах, связанных с составлением этого плана и рассмотрением его высшей властью страны, рассказывает маршал Советского Союза А.М. Василевский:

"В течение всех последних лет подготовкой плана непосредственно руководил Б.М. Шапошников, и Генштаб к тому времени (к августу 1940 г.) завершил его разработку для представления на утверждение ЦК партии.

…Этот проект и план стратегического развертывания войск Красной Армии докладывались непосредственно И.В. Сталину в сентябре 1940 года в присутствии некоторых членов Политбюро ЦК партии. От Наркомата обороны план представлял нарком С.К. Тимошенко и начальник Генерального штаба К.А. Мерецков и его первый заместитель Н.Ф. Ватутин". Далее А.М. Василевский особо подчеркивает следующие обстоятельства.
…"упомяну о том, почему в представлении ЦК партии важнейшего оперативного документа не участвовал один из его основных составителей и автор главных его идей. Дело в том, что в августе 1940 года на должность начальника Генерального штаба вместо Б.М. Шапошникова был назначен Генерал армии К.А. Мерецков.[1]

В этой связи остановимся на обстоятельствах замены Б.М. Шапошникова К.А. Мерецковым на посту начальника Генерального штаба. Об этом рассказывает в своих воспоминаниях К.А. Мерецков следующее:

"После заседания, как и раньше в таких случаях, ужинали на квартире В.И. Сталина. Там вновь обсуждали военные вопросы. Вдруг Сталин сказал:

— Нам нужен сейчас более молодой начальник Генерального штаба, с неплохим здоровьем. Товарищ Шапошников стал частенько прихварывать. Кроме того, возникла необходимость использовать его на другой работе. Идет большое строительство укрепленных районов. Мы могли бы сделать Бориса Михайловича заместителем наркома по их сооружению. Как вы думаете, товарищи, кого можно назначить на пост начальника Генерального штаба? Жду ваших рекомендаций.

---

[1] А.М. Василевский. Дело всей жизни. М., 1974, стр. 106, 107.

Неожиданно для меня присутствующие стали называть мою фамилию, мотивируя это тем, что я имел специальную подготовку, участвовал в боях, был командующим округами и уже работал в Генеральном штабе. И.С. Сталин спросил мое мнение. Я стал категорически отказываться, ссылаясь на то, что работа эта сверхтяжелая, а опыта у меня для такой работы еще недостаточно.

— Вот что, — сказал Сталин, — мы с вами условимся так: приступайте сейчас, немедленно к работе, а как только подберем другую кандидатуру, заменим вас…

На следующий день я приступил к исполнению новых обязанностей".[1]

Итак, Сталин мотивировал необходимость смены руководства Генштаба с одной стороны — нездоровьем Шапошникова, а с другой — необходимостью использования освобожденного по болезни начальника Генерального штаба в качестве руководителя сверхважного и ударного строительства укрепленных районов на новой границе. Натянутость этих доводов станет очевидна, если мы вспомним, что менее года спустя, в разгар войны с Германией, маршал Б.М. Шапошников 30 июля 1941 г.[2] был вновь назначен начальником Генерального штаба, но на этот раз вместо Г.К. Жукова.

Наши сомнения в мотивах отставки Шапошникова подкрепляются свидетельством самого Б.М. Шапошникова, слова которого приводятся маршалом А.М. Василевским. В воспоминаниях последнего читаем:

"Дело в том, что в августе 1940 года на должность начальника Генерального штаба вместо Б.М. Шапошникова был назначен генерал армии К.А. Мерецков.

О том, что предшествовало перемещению Б.М. Шапошникова, я знаю со слов Бориса Михайловича. Как он рассказывал, И.В. Сталин, специально пригласивший его для этого случая, вел разговор в очень любезной и уважительной форме. После советско-финского вооруженного конфликта, сказал он, мы переместили Ворошилова и назначили наркомом Тимошенко. Относительно Финляндии вы оказались правы: обстоятельства сложились так, как предполагали вы. Но это знаем только мы. Между тем всем понятно, что нарком и начальник Генерального штаба трудятся сообща и вместе руководят Вооруженными Силами. Нам приходится считаться, в частности, с международным общественным мнением, особенно важным в нынешней сложной обстановке. Нас не поймут, если мы при перемещении ограничимся одним народным комиссаром. Кроме того, мир должен был знать, что уроки конфликта с Финляндией полностью учтены. Это важно для того, чтобы произвести на наших врагов должное впечатление и охладить горячие головы

---

[1] К.А. Мерецков. На службе народу. М., 1968, стр. 195-196.
[2] А.М. Василевский. Дело всей жизни, 1974, стр. 132.

империалистов. Официальная перестановка в руководстве как раз и преследует эту цель.

— А каково ваше мнение? — спросил Сталин.

Исключительно дисциплинированный человек, Борис Михайлович ответил, что он готов служить на любом посту, куда его назначат. Вскоре на него было возложено руководство созданием оборонительных сооружений; он стал заместителем наркома обороны и направлял деятельность Главного военно-инженерного управления строительства укрепленных районов.

Для нас, работников Генштаба, причина перевода Б.М. Шапошникова на другую должность осталась непонятной. Не скрою, мы очень сожалели об этом. Каждый из нас отлично сознавал, какой весомый багаж ценных знаний, особенно в области оперативного искусства, и какой богатейший опыт штабной службы приобрели мы, работая с Борисом Михайловичем и повседневно учась у него.[1]

В дополнение к оказанному заметим, что новый начальник Генерального штаба не был рекомендован на эту должность уходящим с этого поста Б.М. Шапошниковым, что являлось бы вполне естественным, если бы последний покидал свой пост вследствие болезни или по причине, указанной Сталиным Шапошникову. Не был на эту должность назначен и начальник оперативного управления Генерального штаба, являющийся по своей должности как бы правой рукой начальника Генштаба. Такая замена была бы вполне естественной, если бы Сталин хотел соблюсти крайне важный для работы Генштаба принцип преемственности в его идейном руководстве.

Таким образом, из обстоятельств замены начальника Генерального штаба имеются все основания заключить, что Сталин не был доволен работой "мозга армии" и стремился к радикальной смене его руководства. Очевидно, Сталин не только не разделял, но и не одобрял взглядов и идей Шапошникова, заложенных последним в основу намеченного или разработанного последним плана войны против Германии. Отсюда увольнение Шапошникова с поста начальника Генштаба и составление нового плана войны против Германии под руководством К.А. Мерецкова.

Об отклонении плана Б.М. Шапошникова нам известно из шестого тома истории Великой Отечественной войны, где мы находим следующее сообщение об этом.

"Известно, что еще до нападения фашистской Германии на нашу страну начальник Генерального штаба Б.М. Шапошников предлагал держать в районах старой государственной границы, за линией мощных укрепленных районов основные силы приграничных округов, а в новые освобожденные

---

[1] А.М. Василевский. Дело всей жизни. М., 1974, стр. 106, 107.

области Западной Белоруссии и Западной Украины, а также в Прибалтику выдвинуть лишь части прикрытия, способные случае внезапного нападения врага обеспечить развертывание главных сил. Но это разумное предложение опытного военачальника не было принято".[1]

Таким образом, Б.М. Шапошников, исходя из ряда предпосылок, в том числе и из той, что на новой советско-германской границе вероятным инициатором в открытии военных действий, то есть нападающей стороной будет Германия, построил план войны против нее на основе развертывания советских вооруженных сил "назад", отступя от новой границы на 200-300 километров. Этот план не был принят Сталиным, ибо последний исходил из совершенно иных предпосылок.

Как бы подтверждая то, что произошло с планом Б.М. Шапошникова, Г.К. Жуков пишет:

"Еще осенью 1940 года существовавший оперативный план войны был основательно переработан, приближен к задачам, которые необходимо было решать в случае нападения".[2]

При рассмотрении плана, разработанного под руководством Шапошникова, Сталин также внес в него изменения, касающиеся оценки намерения потенциального противника. Об этом рассказывают Г.К. Жуков, К.А. Мерецков и А.М. Василевский. Приведем рассказ последнего.

"Говоря… о предполагаемом направлении главного удара противника, Б.М. Шапошников считал, что самым выгодным для Германии, а следовательно, и наиболее вероятным является развертывание основных сил немецкой армии к северу от устья реки Сан. Соответственно в плане предлагалось развернуть и наши главные силы в полосе от побережья Балтийского моря до Полесья, то есть на участках Северо-Западного и Западного фронтов. Обеспечить южное направление должны были, согласно плану, также два фронта, но с меньшим количеством сил и средств".

Далее А.М. Василевский рассказывает:

"При рассмотрении его (плана войны — Авт.) И.В. Сталин, касаясь наиболее вероятного направления главного удара потенциального противника, высказал свою точку зрения. По его мнению, Германия попытается направить в случае войны основные усилия не в центре того фронта, который тогда возникнет по линии советско-германской границы, а на юго-западе с тем, чтобы прежде всего захватить у нас наиболее богатые промышленные, сырьевые и сельскохозяйственные районы. В соответствии с

---

[1] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг., т. 6. М., 1965, стр. 20.

[2] Г.К. Жуков, стр. 219.

этим Генштабу было поручено переработать план, предусмотрев сосредоточение главной группировки наших войск на Юго-Западном направлении".[1]

Маршал Г.К. Жуков уточняет и комментирует эту позицию Сталина.

"И.В. Сталин говорил: «Без этих важнейших жизненных ресурсов фашистская Германия не сможет вести длительную и большую войну». И.В. Сталин для всех нас был величайшим авторитетом, никто тогда не думал сомневаться в его суждениях и оценках обстановки. Однако указанное предположение И.В. Сталина не учитывало плана противника на молниеносную войну против СССР, хотя, конечно, оно имело свои основания".[2]

О последствиях Сталинского "уточнения" плана Г.К. Жуков говорит так: "Вследствие этого пришлось в первые же дни войны 19-ю армию, ряд частей и соединений 16-й армии, ранее сосредоточенных на Украине и подтянутых туда в последнее время, перебрасывать на западное направление и включать с ходу в сражения в составе Западного фронта. Это обстоятельство, несомненно, отразилось на ходе оборонительных действий на западном направлении".[3]

Итак, с учетом "поправки" Сталина план войны против Германии должен был переработать Генштаб под руководством К.А. Мерецкова.

Мы не впервые встречаемся с противопоставлением военных планов, разработанных Шапошниковым и Мерецковым. Первый раз это имело место перед финской кампанией, когда Сталин предпочел план Мерецкова (разработанный по его — Сталина указанию) плану Шапошникова.

Не потому ли и теперь, когда Сталин снова отверг план Шапошникова, имя Мерецкова, как его антипода, снова всплыло на поверхность. Нам представляется, что Мерецков являлся для Сталина более подходящей фигурой на посту начальника Генерального штаба, чем Шапошников, потому что в отличие от последнего, новый начальник Генштаба готов был принять к исполнению любые военные идеи, если они были высказаны вождем, как это имело место в финскую войну. Однако спустя 5 месяцев К.А. Мерецков был заменен на посту начальника Генштаба генералом армии Г.К. Жуковым. Вот как это произошло по рассказу К.А. Мерецкова.

"Поздней осенью 1940 года была назначена военная игра в Белорусском округе… Игра прошла удачно, ее итоги правительство оценило положительно. Вскоре Наркомат обороны и Генштаб решили провести общие сборы высшего командного состава РККА. На 23 декабря были приглашены в Москву

---

[1] А.М. Василевский. Дело всей жизни, М., 1974, стр. 110.
[2] Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1969, стр. 220.
[3] Г.К. Жуков, стр. 219.

командующие объединениями, члены военных советов и начальники штабов округов, а также некоторые командиры соединений… Совещание длилось до 26 декабря.

Более подробно мне хочется рассказать о своем докладе. Четыре месяца работы начальником Генштаба — срок небольшой, тем не менее я узнал достаточно много, чтобы высказать мнение о различных сторонах боеготовности и боеспособности армии…

…при подведении итогов совещания нарком обороны по справедливости оценил их высоко…

В начале января 1941 года большинство участников совещания разъехалось по местам. Группа руководящих работников осталась на оперативную игру на картах. Присутствовали секретари ЦК ВКП(б). Руководил игрой лично нарком обороны. Оперативная игра прошла чрезвычайно интересно и оказалась очень поучительной.

По окончании игры планировался ее разбор, причем для подготовки к нему отводились сутки. Но вдруг небольшую группу участников игры вызвали в Кремль. Заседание состоялось в кабинете И.В. Сталина. Мне было предложено охарактеризовать ход декабрьского сбора высшего комсостава и январской оперативной игры. На все отвели 15-20 минут. Когда я дошел до игры, то успел остановиться только на действиях противника, после чего разбор фактически закончился, так как Сталин меня перебил и начал задавать вопросы.

Суть их сводилась к оценке разведывательных сведений о германской армии, полученных за последние месяцы в связи с анализом ее операций в Западной и Северной Европе. Однако мои соображения, основанные на данных о своих войсках и сведениях разведки, не произвели впечатления. Тут истекло отпущенное мне время, и разбор был прерван…

…И.В. Сталин прошелся по кабинету, остановился, помолчал и сказал:

— Товарищ Тимошенко просил назначить начальником Генерального штаба товарища Жукова. Давайте согласимся!

Возражений, естественно, не последовало".[1]

Об этом же разборе военной игры имеется свидетельство очевидца — генерала армии М.И. Казакова. Из его воспоминаний извлечем некоторые детали:

"Начальник Генерального штаба, генерал армии К.А. Мерецков стал докладывать соотношение сил сторон при розыгрыше на картах наступательной операции на западном направлении. Выходило так, что "восточная" сторона ("красные"), имея всего 60-65 дивизий, успешно

---

[1] К.А. Мерецков. Цит. соч., стр. 196-200.

преодолела сопротивление "западных", оборонявшихся 55 дивизиями. Сталин тут же задал вопрос: каким образом могло быть достигнуто это при столь незначительном превосходстве в силах? Генерал армии К.А. Мерецков отвечал в таком духе:

— Не имея общего превосходства в силах, командующий Западным фронтом сумел взять часть войск с пассивных участков и использовать их в ударной группировке. В результате создалось местное превосходство в силах, которое и обеспечило успех наступательной операции.

Тогда Сталин взял слово и решительно возразил докладчику: в наш век механизированных и моторизованных армий местное превосходство в силах не обеспечит успеха (подчеркнуто мной — Авт.) наступающей стороне; обороняющийся противник, располагая такими же средствами для маневра, в короткий срок может провести перегруппировку своих войск, усилить их состав в угрожаемом районе и таким образом свести на нет местное превосходство в силах, созданное наступающими".[1]

Послушаем Г.К. Жукова, который дополняет К.А. Мерецкова: "После совещания на другой же день должна была состояться большая военная игра, но нас неожиданно вызвали к И.В. Сталину.

И.В. Сталин встретил нас довольно сухо, поздоровался еле заметным кивком и предложил сесть за стол.

Он сделал замечание С.К. Тимошенко за то, что тот закрыл совещание, не узнав его мнения о заключительном выступлении наркома. На это С.К. Тимошенко ответил, что он послал ему проект выступления и полагал, что он с ним ознакомился и замечаний не имеет.

— Когда начнется у вас военная игра? — спросил И.В. Сталин.

— Завтра утром, — ответил С.К. Тимошенко.

— Хорошо, проводите ее, но не распускайте команду. Кто играет за "синюю" сторону, кто за "красную"?

— За "синюю" (западную) играет генерал армии Жуков, за "красную" (восточную) — генерал-полковник Павлов.

С утра следующего дня началась большая оперативно-стратегическая военная игра. В основу стратегической обстановки были взяты предполагаемые события, которые в случае нападения Германии на Советский Союз могли развернуться на западной границе.

Руководство игрой осуществлялось наркомом обороны С.К. Тимошенко и начальником Генерального штаба К.А. Мерецковым; они "подыгрывали" за юго-западное стратегическое направление. "Синяя" сторона (немцы) условно была нападающей, "красная" (Красная Армия) — обороняющейся.

---

[1] Генерал армии М.И. Казаков. Над картой былых сражений. М., 1965, стр. 60-62.

Военно-стратегическая игра в основном преследовала цель проверить реальность и целесообразность основных положенной плана прикрытия и действия войск в начальном периоде войны (подчеркнуто мной — Авт.).

Надо отдать должное Генеральному штабу: во всех подготовленных для игры материалах в значительной степени были отражены последние действия немецко-фашистских войск в Европе.

На западном стратегическом направлении игра охватывала фронт от Восточной Пруссии до Полесья. Состав фронтов: западная ("синяя") сторона — свыше 60 дивизий, восточная ("красная") свыше 50 дивизий. Действия сухопутных войск поддерживались мощными воздушными силами.

Игра изобиловала драматическими моментами для восточной стороны. Они оказались во многом схожими с теми, которые возникли после 22 июня 1941 года, когда на Советский Союз напала фашистская Германия… (подчеркнуто мной — Авт.)

По окончании игры нарком обороны приказал командующим сторонами — Д.Г. Павлову и мне — произвести частичный разбор, отметив недостатки и положительные моменты в действиях участников. Общий разбор И.В. Сталин предложил провести в Кремле, куда пригласили руководство Наркомата обороны, Генерального штаба, командующих войсками округов и их начальников штабов. Кроме И.В. Сталина, присутствовали члены Политбюро.

Ход игры докладывал начальник Генерального штаба генерал армии К.А. Мерецков. Когда он привел данные о соотношении сил сторон и преимуществе "синих" в начале игры, особенно в танках и авиации, И.В. Сталин, будучи раздосадован неудачей "красных", остановил его, заявив:

— Не забывайте, что на войне важно не только арифметическое большинство, но и искусство командиров и войск…

…И.В. Сталин прервал дискуссию…

— Победа в войне, — заметил он, будет за той стороной, у которой больше танков и выше моторизация войск.

На следующий день после разбора игры я был вызван к И.В. Сталину. Поздоровавшись, И.В. Сталин сказал:

Политбюро решило освободить Мерецкова от должности начальника Генерального штаба и на его место назначить вас.

Я ждал всего, но только не такого решения и, не зная, что ответить, молчал. Потом сказал:

— Я никогда не работал в штабах. Всегда был в строю. Начальником Генерального штаба быть не могу.

— Политбюро решило назначить вас, — сказал И.В. Сталин, делая ударение на слове "решило".

Понимая, что всякие возражения бесполезны, я поблагодарил за доверие и сказал:

— Ну, а если не получится из меня хороший начальник Генштаба, буду проситься обратно в строй.

— Ну, вот и договорились! Завтра будет постановление ЦК, — сказал И.В. Сталин.

Через четверть часа я был у наркома обороны. Улыбаясь, он сказал:

— Знаю, как ты отказывался от должности начальника Генштаба. Только что мне звонил товарищ Сталин. Теперь поезжай в округ и скорее возвращайся в Москву".[1]

Из приведенных показаний участников военно-стратегической игры и заключительного совещания в Кремле можно заключить, что в результате военной игры на картах, "в основном преследовавшей цель проверить реальность и целесообразность основных положений плана прикрытия и действия войск в начальный период войны", была выявлена слабость плана "красных", то есть СССР. И не случайно, по словам Г.К. Жукова, Сталин вследствие этого испытывал досаду. Ведь план составлялся исходя из его указаний. Однако идейный вдохновитель этого плана меньше всего склонен был признать порочность плана "красных", разыгранного на картах. Он предпочел в неудаче обвинить Павлова, обвинив последнего в том, что он не проявил достаточного умения в проведении операции. Не желая видеть недостатка в самом плане, Сталин объяснял неудачу также тем, что соотношение сил было принято в игре к невыгоде "красных" и что в современной войне создание местного превосходства в силах более не является эффективным. Все дело заключается в общем перевесе сил.

Из рассказанного Жуковым видно, что для Сталина в решении вопроса о том, кто должен быть назначенным на пост начальника Генерального штаба, не имело никакого значения ни специальное образование, ни профессиональный опыт.

Сталин, по-видимому, рассматривал работу Генерального штаба, как преимущественно техническую, консультативную. Роль же начальника такого органа, вероятно, рассматривалась Сталиным в качестве лишь исполнителя его — Сталина воли при помощи механизма Генерального штаба, в котором работало достаточное количество военных специалистов, получивших соответствующее образование и имевших достаточно продолжительный опыт в сфере своей деятельности.

Итак, для Сталина начальник Генерального штаба не был и не должен был быть автором военно-стратегических идей, какие следовало принять в основу

---

[1] Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1969, стр. 192-195.

военного плана. Эту прерогативу Сталин возложил на самого себя. Начальник же Генерального штаба должен был лишь разрабатывать эти идеи с помощью вверенного ему аппарата. Для такой несамостоятельной, всецело подчиненной роли вполне подходил человек лишь с общим, но не специальным военным образованием и опытом.

Лишь приняв во внимание такой взгляд Сталина на свою роль и роль начальника Генерального штаба в разработке плана войны, можно понять странный, на первый взгляд, принцип, каким руководствовался Сталин при подборе кандидатов на пост начальника Генштаба.

Переходя к вопросу о своей работе на новом для него посту, Г.К. Жуков обращает внимание читателя на то, что "за пять предвоенных лет сменилось четыре начальника Генерального штаба". И по этому поводу замечает, что "столь частая смена руководства не давала возможности во всей полноте освоить оборону страны и глубоко обдумать все аспекты предстоящей войны".[1]

Далее, Г.К. Жуков, отвечая на им же поставленный вопрос о том, "какие основные вопросы подготавливались в те месяцы в Генеральном штабе?", пишет:

"Сейчас некоторые авторы военных мемуаров утверждают, что перед войной у нас не было мобилизационных планов вооруженных сил и планов стратегического развертывания.

В действительности оперативный и мобилизационный планы вооруженных сил в Генеральном штабе, конечно, были. Разработка и корректировка их не прекращались никогда. После переработки они немедленно докладывались руководству страны и по утверждении тотчас же доводились до военных округов. Много работало накануне войны с оперативными и мобилизационными планами оперативное управление — генералы Г.К. Маландин, А.М. Василевский, А.Ф. Анисов и другие. До моего прихода в Генштаб общее руководство разработкой планов осуществляли Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников, затем генерал армии К.А. Мерецков и генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин."

Затем Г.К. Жуков говорит о планах, разработанных его предшественниками: о плане, разработанном под руководством Б.М. Шапошникова он пишет неясно, неопределенно, туманно, как о чем-то не представляющем никакого интереса или о том, о чем говорить не хочется: "Еще осенью 1940 года ранее существовавший оперативный план войны был основательно переработан, приближен к задачам, которые необходимо было решать в случае нападения". Более неопределенно трудно было бы сказать

[1] Г.К. Жуков. Цит. соч., стр. 219.

что-либо о плане Б.М. Шапошникова. А между тем то, что ныне известно об основном замысле этого плана, вряд ли заслуживает того пренебрежительного отношения, какое высказал Г.К. Жуков в своих мемуарах.

О судьбе плана войны, разработанного К.А. Мерецковым, Г.К. Жуков сообщает нам лишь то, что он был переработан с учетом указаний Сталина, что "просчет Сталина" так и остался в плане, который уточнялся весной 1941 года под руководством Г.К. Жукова. В "Воспоминаниях и размышлениях" читаем об этом следующее.

"При переработке оперативного плана весной 1941 года (февраль-апрель) мы этот просчет полностью не исправили".[1]

Далее Жуков о своей работе пишет:

"Последний вариант мобилизационного плана вооруженных сил (организационно-материальные вопросы) был утвержден в феврале 1941 года и получил наименование МП-41. Его передали округам с указанием внести коррективы в старые мобпланы к 1 мая 1941 года".[2]

Из рассказанного А.М. Василевским и Г.К. Жуковым следует, что Сталин не ограничивался выслушиванием докладов о плане войны, разработанном Генеральным штабом, а вмешивался в его составление и определял его содержание даже в таких специальных частях, как "оценка намерений противника", определение оперативных направлений его главных ударов и т.п. Все указания великого вождя и корифея всех, в том числе и военных, наук выслушивались руководством Генерального штаба в лице Мерецкова и Жукова и наркомата обороны (Тимошенко) беспрекословно, и в соответствии с этими указаниями дилетанта составлялся план войны Советского Союза против Германии.

Эту склонность Сталина к категоричности суждений и смелости решений в той области, где его невежество было очевидным, очень сдержанно отмечает маршал А.М. Василевский:

"Были в деятельности Сталина того времени и просчеты, причем иногда серьезные. Тогда он был неоправданно самоуверен, самонадеян, переоценивал свои силы и знания в руководстве войной. Он мало опирался на Генеральный штаб, далеко не достаточно использовал знания и опыт его работников. Нередко без всяких причин поспешно менял кадры военачальников. В таких условиях Генштаб не мог развернуться и работать в полную меру своих сил, не на должном уровне выполнял свои функции как рабочий орган Ставки".[3]

И далее:

---

[1] Г.К. Жуков. Цит. соч., стр. 220.
[2] Там же, стр. 220.
[3] А.М. Василевский. Дело всей жизни, стр. 127.

"И.В. Сталин справедливо требовал, чтобы военные кадры решительно отказывались от тех взглядов на ведение войны, которые устарели, и настойчиво овладевали опытом развернувшейся войны. Но сам он это делал в то время не так-то быстро, как нам хотелось бы, и был более склонен вести боевые действия до некоторой степени прямолинейно… В полной мере владеть методами и формами руководства вооруженной борьбы по-новому он стал лишь в ходе сражения на Курской дуге".[1]

То, что сообщили нам Жуков и Василевский, говорит о том, что как в плане Мерецкова, так и в плане, скрепленном подписью Г.К. Жукова, наиболее опасным направлением было ошибочно принято юго-западное, и, следовательно, в этом смысле план, разработанный весной 1941 года, не был изменен по сравнению с планом Мерецкова, разработанным осенью 1940 года.

Все эти обстоятельства следует иметь в виду при рассмотрении плана войны, разработанного Генеральным штабом под руководством Г.К. Жукова.

---

[1] Там же, стр. 127.

ГЛАВА XVI. ЧТО ТАКОЕ ПЛАН ВОЙНЫ

Выше было установлено, что численное превосходство в живой силе и технике к началу войны было на стороне Красной Армии. С другой стороны, советские историки приводят убедительные данные, говорящие о том, что на главных направлениях наступления немецких танковых групп численное превосходство было на стороне германской армии. Исходя из того, что дислокация и группировка войск определяется планом войны, мы пришли к выводу, что возможная причина поражения Красной Армии в начальном периоде войны кроется либо в нарушении разработанного Генштабом плана войны, либо в грубейших ошибках самого плана.

Но, прежде чем говорить о советском плане войны, необходимо сказать несколько слов об одном недоразумении, на котором считает нужным остановиться маршал А.И. Еременко. Он пишет: "На первый взгляд может показаться, что разработка плана войны для государства, проводящего мирную политику, дело необязательное и противоречащее его мирным устремлениям. Но это поверхностный взгляд. В действительности план войны — это отнюдь не план агрессии, а план обороны, которую нельзя себе представить иначе, как ведение активных наступательных действий в случае военного нападения на границы миролюбивой державы".[1]

Итак, разработка планов войны и для советского государства дело вполне естественное; что же касается исключительно оборонительной "специфики" военных планов советского государства, на которую указывает маршал Еременко, то здесь полезно будет припомнить такие "оборонительные" операции, как кампании советских войск в Польше и в Финляндии в 1939-40 годах.

О советском плане войны против гитлеровской Германии до последнего времени (1975 г.) ничего не было известно. Только в 1975 г. в книге В.А. Анфилова были опубликованы сведения о нем. Все они обязательно будут приведены здесь с тем, чтобы читатель получил хотя бы некоторое представление об этих данных.

Но сначала необходимо внести ясность в вопрос о том, что такое план войны. Это необходимо для того, чтобы читатель понимал, о чем идет речь. Это в особенности необходимо для того, чтобы читатель мог разобраться в последующем изложении вопросов о начальном периоде войны.

Итак, "План войны".

Под именем плана войны обычно подразумеваются все предварительные соображения относительно:

---

[1] А.И. Еременко. В начале войны. М., 1964, стр. 52.

А. Характера предстоящей войны;

Б. Определения сил и средств, необходимых для достижения преследуемой цели и

В. Создания того исходного положения, с которого войска должны начать действия…

План войны определяет все подготовительные стратегические операции (создание армии, подготовка театра войны в инженерном отношении — крепости, пути сообщения, мобилизацию, перевозку войск и запасов по железным дорогам и, наконец, стратегическое развертывание армии), на проведение которых в жизнь требуются многие годы.[1] Остановимся на некоторых из перечисленных элементов.

I. Характер войны

Как бы ни были мелочны и ничтожны мотивы, ради которых политика прибегала к вооруженной силе, с момента объявления войны единственной целью государства становится военная победа, то есть возможно полный разгром военной мощи противника…

Здравый смысл и опыт военной истории учат, что этот разгром военной мощи противника достигается вернее и проще всего победой над его вооруженными силами, то есть уничтожением их в решительном сражении…

Отсюда простой вывод: в основу всех мероприятий по подготовке к войне должна быть положена идея — обеспечить себе успех в генеральном сражении.

Также военная история учит нас: победить (разбить, уничтожить) противника можно только путем атаки его; что с помощью обороны (пассивной) можно лишь отбиться, до поры до времени не дать себя разбить, отсрочить решение…

Все изложенное говорит за то, что наилучшим способом действий является — наступать, искать армию противника, вынуждать ее принять сражение и в этом сражении уничтожить. Такой теоретический идеал…

Другой цели быть не может, тем более что попутно таким образом действий достигаются и другие, очень важные выгоды: война переносится на территорию противника, жизнь в своей стране испытывает меньше потрясений, повышается энергия и армии, и правительства; они приобретают доверие и сочувствие; народные массы спокойны.

При наличии только что перечисленных выгод от наступления, естественно, отказывается лишь та сторона, для которой оно почему-либо

[1] Н.П. Михневич. Стратегия, т. 1, СПб, 1899.

невозможно. Дело в том, что для наступления государству недостаточно еще иметь средства вообще, недостаточно даже абсолютного численного превосходства его вооруженных сил: надо иметь возможность достичь этого превосходства в определенном месте (у границы) и в определенный срок (не позднее того времени, когда будет готов к наступлению противник).

И вот это-то далеко не для всех доступно в равной мере.

Государства с очень обширной территорией, сравнительно слабо развитой сетью железных дорог, длинной сухопутной границей, не касаясь даже вопроса о необходимости для них держать свои вооруженные силы на различных фронтах, по самым размерам своим лишены возможности так же быстро, как меньшие его по размерам, закончить свою мобилизацию и перевозку войск к границе.

Эти государства, так сказать, физически не могут в данный срок выставить силы, равные силам своего противника.

Они, таким образом, временно не готовы к решительным действиям; они пока не в состоянии ввести в дело все, что желают и могут ввести, и им опять-таки пока необходимо отсрочить решение.

Слабейший (временно) в данном случае не отказывается от наступления: он жаждет его, но пока не готов к нему, выжидает и принимает меры, чтобы до этого времени лишь замедлить и ограничить успехи противника.

Он прибегает к стратегической обороне, которая должна быть рассматриваема как продолжение не оконченной в мирное время подготовки к решительному сражению.

II. Стратегическое развертывание армии

Под "стратегическим развертыванием" теория разумеет создание такого походного положения, с которого войска должны начать действовать.

Практически это положение будет обнимать:

1. Распределение сил и средств по различным театрам борьбы и фронтам государства;
2. Распределение их на каждом из театров и
3. Все мероприятия по обеспечению выполнения перевозок и сосредоточения согласно намеченному плану.

Эта часть плана войны должна быть признана самой важной, так как, с одной стороны, по словам фельдмаршала Мольтке, ошибки, допущенные в разработке стратегического развертывания, почти совершенно непоправимы в течение всей последующей войны, а с другой — первые крупные успехи имеют громадное значение.

Но эта часть плана — и самая трудная; в то время как во время операций или при решении вопросов о характере предстоящей войны и необходимых размерах армии в мирное время мы можем основывать наши решения на фактических данных (добываемых разведкою), здесь о многом приходится гадать; во время операции уместны и возможны поправки по мере выяснения обстановки, ошибки же, допущенные в стратегическом развертывании "большей частью непоправимы и притом тем менее, чем крупнее массы".

Тем более поправки эти трудны во время самого исполнения стратегического развертывания, что подобные поправки и изменения, скажем, только в перевозке войск, сопряжены с нарушением работы всей железнодорожной сети государства.

Широкое применение всех средств техники имеет своим следствием гладкую и точную работу всего механизма лишь в том случае, когда заранее сделаны точные расчеты. Громадная, можно сказать, предельная напряженность работы, которая требуется в это время, заставляет доводить до максимума и точность. А при таких условиях понятно, как отразятся на деле "импровизированные поправки".

III. Распределение сил и средств на частных театрах

…Если по нашим расчетам мы мобилизуемся и сосредоточиваемся у границы раньше нашего противника, и потому, естественно, начинаем войну наступлением, наши части войск сразу же станут вблизи тех путей, по которым они должны будут двигаться тотчас по окончании перевозок. Если противник нас упреждает, и нам могла бы угрожать его атака ранее, чем мы будем готовы, мы, само собою понятно, лишь преградим ему пути… арьергардами (понимая здесь "арьергард" в самом широком смысле слова — может быть, это будут целые армии), расположенными на местных рубежах, усиленных заблаговременно построенными укреплениями (крепостями) со специально приспособленной сетью дорог и широко развитой связью, а район сосредоточения масс отнесен в тыл.

Таковы простейшие, так сказать, элементарные условия, при которых могли бы быть решены вопросы о районе сосредоточения войск…

…Сохранение за собою возможности начать действия согласно намеченному плану имеет… исключительно важное значение: для нас не страшно, если противник раньше нас будет готов к действию и даже раньше начнет наступление. Мы-то все равно будем делать то, что мы хотим: мы сохраним за собой свободу действий. Если вспомнить, с какими массами полководцу придется иметь дело на войне, если принять в расчет трудности и трения, с которыми неразрывно связаны будут малейшие нарушения в

правильной работе их тыла, обеспечение за собою возможности не подчиняться воле противника должно служить первою задачей при практическом разрешении вопросов, связанных со стратегическим развертыванием на данном частном театре.

Пока не перевезена и не стала на свое место последняя повозка обоза, до тех пор армия не готова к наступлению: до тех пор нежелательно двигать с намеченных им мест ни одной войсковой части.

Крупные мастера с исключительным вниманием относились к обеспечению "безопасности" своего сосредоточения, и Мольтке, между прочим, в своем мемуаре 1861 года говорит: "Понятно, чем ближе к границе будем мы в состоянии под защитою крепостей развернуть нашу армию, тем лучше: сосредоточение, отнесенное в тыл, заставляет сразу отдавать противнику часть территории, но необходимо хорошо рассчитать, чтобы развертывание на намеченных пунктах могло быть исполнено в полной безопасности и раньше, чем противник может достигнуть их".

Таким образом, для практической разработки стратегического развертывания на данном, частном театре войны приходится:

а) прежде всего определить район, в который должны быть перевезены мобилизованные части;

б) решить, как они должны в нем группироваться (считаясь здесь и с условиями "безопасности");

в) детально разработать самый план перевозок;

г) подсчитать потребность и своевременно сосредоточить необходимые запасы продовольствия, санитарных и других средств на время самого сосредоточения, так и для дальнейшей намечаемой работы войск.

Все эти вопросы очень тесно соприкасаются, и малейшие изменения в решении одного неминуемо вносят поправки в решения других. Так, построена новая колея железной дороги — уменьшается продолжительность перевозок — район общего сосредоточения можно передвинуть вперед. Того же можно достигнуть развитием существующих в пограничной полосе укреплений (крепостей). Удалось достигнуть ускорения мобилизации и перевозок, сроки окончания последнего приближаются к таковому же противника — резко меняются задачи частям, на долю которых выпадало обеспечение стратегического развертывания и т.п.

Район сосредоточения

Имея достаточно точные сведения (при рациональной организации разведки это вполне достижимо) о быстроте мобилизации отдельных частей противника, мы можем составить себе ясное представление о времени, с

которого (на каждый день) может быть начата перевозка таких частей в район сосредоточения.

С одной стороны, дислокация мирного времени, а с другой — общее начертание железнодорожной сети и пропускная способность отдельных линий укажут более или менее точно, по каким из них какие части могут быть перевезены в кратчайшие сроки. Ближайшее детальное изучение развития железнодорожных станций (разъезды, погрузочные, так называемые военные платформы, пакгаузы, водоснабжение) и подъездных путей в большей или меньшей близости к границе, в связи с естественными условиями местности и грунтовыми путями, укажут с достаточной вероятностью тот район, в котором противник может сосредоточить свои силы с наибольшей быстротою.

Расстояния, пропускная способность железных дорог и применяемые в данном государстве приемы массовых перевозок позволяют уже определить численность войск противника в этих районах по дням. Произведя по тому же самому методу подсчета за свою сторону, мы получим возможность сравнить силы, которыми будем располагать мы и противник в то или другое время (на известный день с начала мобилизации).

Такой, пока валовой, подсчет покажет уже наглядно, на сколько дней мы обгоняем противника в готовности к началу планомерного открытия военных действий или, наоборот, сколько дней нам надо выиграть другими мерами, чтобы не быть вынужденными вводить наши части в дело ранее полного окончания перевозок. Простейшее решение в таком случае — отодвинуть свой район сосредоточения вглубь страны от границы на столько переходов, сколько нам нужно выиграть дней.

Начертание своей железнодорожной сети и возможность замедлить наступление противника применением заслонов (арьергардов особо назначенных частей, быть может, корпусов и даже ранее готовых армий) внесут поправки в это первое грубое решение.

Таким образом, будет выяснен тот общий район, в котором мы при наличных условиях можем в полной безопасности от воздействий крупных частей неприятеля сосредоточить наши силы.

Обеспечение безопасности стратегического развертывания

…Гораздо труднее решать вопросы защиты своих войск той стороне, которая опаздывает. Ей до окончания своего сосредоточения (до времени, когда она будет готова к сражению) придется иметь дело со всеми силами противника. С одной стороны, невыгодно (а государствам с ограниченной территорией и невозможно) позволить неприятелю наступать беспрепятственно, а с другой — нельзя подставлять свои силы по частям.

Другими словами — надо затруднять и замедлять всеми мерами его наступление; для этой цели придется прибегать и к боям, но этих боев, говоря вообще, нельзя доводить до решения. Участвующие в них войска должны, с одной стороны, выполнять свои задачи более или менее продолжительное время своими силами и, с другой, быть сохранены к генеральному сражению по окончании сосредоточения.

Из вышеизложенного само собою напрашивается вывод, что все операции этих прикрывающих частей должны быть связаны одною мыслью и вестись по определенному, заранее разработанному плану.

Естественно, что этим планом будут руководиться и все прочие мероприятия по задерживанию и замедлению наступления противника, то есть из него же должны вытекать и задачи, возлагаемые, например, на крепости (как следствие отсюда — сила, сочетание и снабжение крепостей) и заблаговременное укрепление тех или других "позиций" и т.п. — словом, "точка опоры".

Этот же план должен предусмотреть и направления отхода прикрывающих частей (с боем или без боя) и соответствующими мероприятиями еще в мирное время или в период мобилизации облегчить им выполнение этих предначертаний.

Опасения, что подобные мероприятия при смене лиц, стоящих во главе подготовки к войне, могут оказаться признанными ненужными и повлекут лишь за собой непроизводительные расходы, вряд ли может иметь место, если вообще разработка вопросов, связанных с планом войны, ведется рационально.

Дело в том, что неизменяемость общего топографического характера пограничных областей и то обстоятельство, что как самые первые пути сообщения (реки), так за ними шоссе и далее, главные (магистральные) железные дороги идут, говоря вообще, по одним и тем же направлениям, делают почти неизмененными и главные операционные направления.

С повышением культуры и развитием вместе с тем дорожной сети открываются новые, но старые-то своего значения не утрачивают. Все это служит причиною, что главные основания плана войны не зависят от желания или взгляда того или другого из его составителей и носят, относительно говоря, очень постоянный характер. Железные дороги сделали его еще более постоянным.[1]

Следует особо подчеркнуть, что важнейшими элементами плана войны являются, во-первых, стратегическое развертывание войск, то есть создание

---

[1] Незнамов А.А. Современная война. Часть 2. Государств. изд., 1921. Гл. 1. План войны, стр. 9-12, 14-15, 18-24.

такого исходного положения, с которого войска должны начать действовать. Запомним при этом, что значение стратегического развертывания определяется тем, что ошибки, допущенные в его разработке, почти совершенно непоправимы, а с другой стороны, первые крупные успехи имеют громадное значение. Вследствие этого, вторым важнейшим элементом плана войны является, как подчеркивалось выше, обеспечение безопасности стратегического развертывания, без чего развертываемым вооруженным силам грозит уничтожение по частям. Обратим внимание читателя и на то, что в приведенных соображениях о плане войны особо подчеркивается то обстоятельство, что государства, обладающие значительной территорией, обречены в силу этого на запаздывание в стратегическом развертывании своих сил по сравнению со своими соседями, располагающими значительно меньшей территорией. Здесь явно имеется в виду наша страна. К этому следует добавить, что если мы в согласии с приведенными выше суждениями будем иметь в виду неизменяемость общего топографического характера приграничных областей и постоянство направлений магистральных путей сообщения, то согласимся с тем, что при рациональной разработке вопросов, связанных с планом войны, сохранятся неизменными и главные операционные направления.

Сказанное дает основания для того, чтобы рассмотреть опыт русского Генерального штаба по разработке последним вопросов стратегического развертывания и мер по обеспечению его безопасности перед Первой мировой войной. Это знакомство облегчит нам задачу изучения советского плана стратегического развертывания и понимание того, что произошло на советско-германской границе в начале войны 1941 года.

Обширность территории России обуславливала неизбежность ее запаздывания в стратегическом развертывании своих вооруженных сил по сравнению с ее соседями.

Это положение усугублялось усиливавшимся развитием железнодорожной сети у западных соседей России.

Достаточно указать на следующее. К линии Западная Двина — устье Днестра, то есть крайняя восточная линия сосредоточения русских войск подходило 25 колей (Рига — 3, Крейцбург, Двинск — 4. Вильно — 3, Лида — 2. Барановичи — 2, Лунинец — 2. Сарны, Ровно — 2, Волочиск — 2, Могилев на Днепре, Бирзула и Тирасполь), из которых на фронте Рига — Волочиск — 22 колеи.

На фронт устья Немана и Дуная, то есть на фронт вероятного, по идее военного министра Сухомлинова, развертывания общим протяжением около 2600 верст выходило 13 линий, имевших 21 колею, что составляло приблизительно 1 колею на 130 верст границы.

У противной стороны на этот же фронт выходило 32 линии с 36 колеями, то есть почти в 2 раза больше.

Таким образом, разница в быстроте развертывания обеих сторон все больше увеличивалась. В то время как сосредоточение и стратегическое развертывание германских армий на русском фронте заканчивалось на 12-й день мобилизации, а австрийских на 15-й, развертывание всех русских войск продолжалось около 32 дней.[1]

Итак, главным недостатком стратегического положения России было то, что она отставала в быстроте сосредоточения в отношении к ее возможным врагам. Поэтому и главной задачей военного строительства было восполнить этот недостаток, но в таких размерах, чтобы не облегчить быстрого наступления противника в район сосредоточения. С этой последней точки зрения признавалось нежелательным особое развитие сети железных дорог к западу от Вислы и Немана.

Компенсировать медленное по сравнению с германцами сосредоточение и развертывание русских войск можно было или сильной оттяжкой назад линий стратегического развертывания, или же соответствующей инженерной подготовкой театра военных действий и нахождением на линии развертывания и впереди ее еще в мирное время необходимых войск прикрытия.[2]

1 мая 1912 года верховной властью России были утверждены новые указания командующим войсками на случай войны с державами Тройственного Союза…

Указания командующим войсками на случай войны с Тройственным Союзом, утвержденные Николаем II 1 мая 1912 года, содержали в себе, среди прочих, следующие элементы.

I

Германия, Австро-Венгрия и Румыния, превосходя нас в быстроте мобилизации и сосредоточения, могут открыть войну вторжением в пределы России.

Германия при современной обстановке неминуемо должна разделить свои силы, причем наиболее вероятно, что в начале войны она соберет большую часть войск на своей западной границе.

В зависимости от обстановки, которая определится в начале войны, подлежат разработке два плана вероятного развертывания наших сил:

1) Для направления большей их части против Австро-Венгрии (план "А") и

---

[1] А.М. Зайончковский. Подготовка России к мировой войне. Планы войны. М., 1926, стр. 42, 134.

[2] Там же, стр. 58, 54.

2) для направления их против Германии (план "Г")…

Общей задачей сосредоточения являлось:

а) по плану "А" — "переход в наступление против вооруженных сил Германии и Австро-Венгрии с целью перенесения войны в их пределы".

б) По плану "Г" — "переход в наступление против германских войск, угрожающих нам со стороны Восточной Пруссии, парализуя действия противника на остальных фронтах".

После перечисления армий фронта по обоим планам (А и Г) указывались следующие одни и те же задачи армий фронта.

— Поражение германских войск, оставленных в Восточной Пруссии, и овладение последней с целью создания выгодного исходного положения для дальнейших действий;

— Затем по каждой из армий германского и австрийского фронтов указывалось:

а) район формирования,

б) состав,

в) районы сосредоточения,

г) пункты и сроки сосредоточения,

д) первоначальная задача.

Далее давались указания относительно задач войск Кавказского округа, Сибири, Туркестана.[1]

По указанным планам ("А" и "Г") стратегическое развертывание русских армий предусматривалось в районах: Среднего Немана между Ковно и Друскениками, Гродно, Белостока, Польши, Остроленки, Рейовица, Люблина, Ивангорода, Холма, Ковеля, Брест-Литовска, Дубно-Ровенском, Проскуровском.

Таким образом, перед Первой мировой войной, учитывая, что Германия имеет возможность упредить русские войска в начальном стратегическом развертывании, русский Генеральный штаб отнес стратегическое развертывание внутрь страны, оставив районы западнее рек Вислы и Немана.[2]

Сказанное выше о военном плане, несмотря на то что оно было изложено в начале 20-х годов, нисколько не потеряло своего значения и своей актуальности к началу Второй мировой войны, за исключением лишь некоторых незначительных деталей. Более того, роль таких важнейших элементов плана войны, как, например, обеспечение безопасности сосредоточения и развертывания своих войск, сильно возросла к этому

---

[1] А.М. Зайончковский. Подготовка России к мировой войне. Планы войны. М., 1926; стр. 155, 187, 224, 225, 256–265.

[2] Там же, стр. 53.

времени, в особенности для стороны, запаздывающей, ввиду механизации и моторизации вооруженных сил. Вот что о роли этих изменений рассказывает советский военный историк.

"Нарком обороны С.К. Тимошенко, выступивший в конце декабрьского совещания (1940 г.) высшего командного состава Красной Армии, подчеркнул, что "массированное применение" в ходе Второй мировой войны в Западной Европе таких средств, как танки и пикирующие бомбардировщики, в сочетании с моторизованными мотоциклетными войсками, во взаимодействии с парашютными и посадочными десантами и массовой авиацией обеспечила, помимо прочих причин, высокий темп и силу современного оперативного наступления. Высокий темп операции обеспечивается массированным применением механизированных и авиационных соединений, используемых для нанесения первого удара и для непрерывного развития успеха в глубину".[1]

Таким образом, высокая насыщенность армий автотранспортом и авиацией значительно убыстрили передвижение и маневренность войск, что резко увеличило темпы операции и возможности при меньших затратах времени увеличить глубину вторжения вооруженных сил противника на обороняемую территорию.

Все изложенное позволяет заключить, что если передняя линия районов стратегического сосредоточения и развертывания вооруженных сил находится в непосредственной близости от государственной границы, то это значит, что верховное командование этих вооруженных сил в своем плане войны, во-первых, исходило из того, что противник запоздает в стратегическом сосредоточении и развертывании своих сил и, во-вторых, вследствие этого предусмотрело, что свои вооруженные силы должны упредить противника в открытии военных действий и первыми начать наступательные операции против него.

В заключение укажем на некоторые новые тенденции в плане войны, использование которых обеспечило немецким вооруженным силам победу в польской и французской кампаниях 1939 и 1940 годов.

Знакомство с этими тенденциями поможет нам в анализе советского плана войны. Исследователи опыта двух мировых войн отмечают, что анализ истории войн, особенно опыта мировых войн, показывает, что исторически сложилось два основных способа осуществления стратегического сосредоточения и развертывания вооруженных сил на театре военных действий.

---

[1] В.А. Анфилов. Провал "Блицкрига". М., 1974, стр. 167.

Первый из них состоял в том, что сосредоточение и развертывание войск проводилось с большой активностью и в ограниченные сроки одновременно на всем фронте, открыто и уже после начала войны. Он был типичным для вступления государств в Первую мировую войну, вполне соответствуя политическим устремлениям и установившимся военно-теоретическим воззрениям держав обеих коалиций. Хотя воюющие государства и стремились еще в мирное время провести в жизнь как можно больше мероприятий, которые раньше осуществлялись лишь с объявлением войны, стратегическое сосредоточение и развертывание войск на театрах военных действий падали на время после начала войны.

Характерным для вступления ряда государств во Вторую мировую войну было проведение сосредоточения и развертывания войск еще в мирное время, причем сосредоточение проходило в условиях строжайшей маскировки и растягивалось на длительное время. Развертывание же войск в исходных районах и создание исходных группировок для наступления или обороны, наоборот, осуществлялось в сжатые сроки, непосредственно перед началом боевых действий.

Это было то, что составляло основное содержание второго способа стратегического сосредоточения и развертывания войск на театрах военных действий.

Государства, которые не успевали провести сосредоточение и развертывание главных сил еще в мирное время, попадали в тяжелое положение. Они не могли в первые дни противопоставить врагу на направлениях его главных ударов достаточно сильных группировок своих войск и оказывались не в состоянии отразить в начале войны его внезапные массированные удары с воздуха и противодействовать глубокому вторжению его наземных войск на свои территории. Это крайне затрудняло завершение стратегического развертывания вооруженных сил, так как его приходилось проводить одновременно с тяжелыми оборонительными боями…[1]

…Стремление немецкого командования достичь основных целей войны в первых же стратегических операциях обуславливало концентрацию основных усилий войск для нанесения первого мощного удара. Это влекло за собой сосредоточение подавляющей массы вооруженных сил в первом стратегическом эшелоне и выделении весьма ограниченных сил в стратегический резерв.

---

[1] Начальный период войны (далее Н.П.В.). По опыту первых кампаний и операций Второй мировой войны. Под общей редакцией генерала армии С.П. Иванова. М., 1974, стр. 141-142.

Ставка гитлеровского руководства на внезапность нападения порождала стремление упредить противника в сосредоточении и развертывании войск и проводить эти мероприятия скрытно.

Сосредоточение и развертывание немецких войск при подготовке к нападению на Польшу началось с конца июня 1939 года, т.е. за два месяца до начала войны. Выдвижение пехотных дивизий в районы сосредоточения осуществлялось постепенно и проводилось под видом участия войск в маневрах и выполнения инженерных работ по сооружению пограничных укреплений…

…В результате усилий немецкого командования к 25 августа из 58 соединений, предназначенных для действий против Польши, 29 находилось в районах сосредоточения или уже в исходных районах для наступления.

Дальше сосредоточение и развертывание осуществлялись параллельно с проведением общей скрытой мобилизации. К утру 1 сентября было развернуто уже 43 соединения, то есть практически главные силы войск вторжения.[1]

В таком комплексе мероприятий, государств, как стратегическое развертывание вооруженных сил, новое в их эволюции заключалось в том, что в государствах фашистского блока оно фактически было перемещено на довоенное время. Хотя державы, подвергшиеся нападению, и принимали меры по стратегическому развертыванию еще в предвоенный период, они обычно запаздывали с его завершением. Это создавало неравенство условий вступления враждующих сторон в войну, при котором агрессор, несомненно, получал значительные преимущества… Накануне и в начале Второй мировой войны новый характер получила мобилизация, ставшая, по существу, всеобщей. Она охватывала собой и область экономики, и морально-политическое состояние населения, и государственное управление и т.д. В системе мобилизационных мероприятий ведущую роль занимала собственно военная мобилизация.

В большинстве государств было придано первостепенное значение сокращению сроков и обеспечению скрытности мобилизационных мероприятий…

…Главное преимущество скрытой мобилизации состояло в том, что она обеспечивала упреждение противника в стратегическом сосредоточении и развертывании войск, и тем самым создавала условия для нанесения внезапного первого удара или для высокой готовности к его отражению.

Способы стратегического сосредоточения и развертывания вооруженных сил на театре военных действий приобрели новые черты. Если в Первой мировой войне сосредоточение войск осуществлялось в короткие сроки (2-3

---

[1] Н.П.В., стр. 143.

недели) уже после объявления войны и проведения общей мобилизации, то, готовясь ко Второй мировой войне, ряд стран начинал его задолго до войны и проводил скрыто, без нарушения графиков транспортного движения мирного времени, в замедленном темпе, который, однако, нарастал по мере приближения начала военных действий. При этом завершающий этап сосредоточения сливался с развертыванием войск, в нарастающем темпе переходившем в такой важнейший акт развертывания, как занятие определенными группировками исходных районов для обороны или перехода в наступление. Опыт войны свидетельствует о том, что именно этот акт открывал возможность упредить противника в начале боевых действий или же, во всяком случае, не отстать от него в развертывании войск.

Накануне и в начале Второй мировой войны возросшую роль играли мероприятия по прикрытию стратегического развертывания вооруженных сил, в том числе их мобилизации, сосредоточения на театрах военных действий, занятия исходных рубежей и т.д. Для прикрытия войск выделялись уже не отдельные пехотные отряды и кавалерийские соединения, а целые армии, в составе которых имелись танковые и механизированные соединения, развернутые вблизи границ еще в мирное время. Этой цели, по сути дела, служили военно-воздушные силы, части и соединения ПВО войск и страны…[1]

…Одной из важнейших особенностей начальных наступательных операций явилось резкое возрастание массы войск и боевой техники, привлекавшихся для их проведения, и большой пространственный размах боевых действий…

…Начальные операции немецко-фашистских вооруженных сил в кампании против Польши и Франции осуществлялись в рамках общего стратегического наступления, которое с самого начала развертывалось на заранее избранных направлениях главных ударов, охватывавших значительную часть стратегического фронта…

…В стратегической операции на западе идея массирования сил и средств на направлении главного удара была выражена более ярко, чем в войне против Польши. И хотя здесь немецкие войска встретились с более сильным противником, принцип массирования сил и средств на главном направлении, наряду с такими факторами, как внезапность нападения, обеспечение превосходства в людях и боевой технике, позволил добиться довольно высоких темпов наступления…

…Крупные оперативно-стратегические успехи немецких войск в начальных операциях во многом определялись использованием усовершенствованных, а подчас и новых форм ведения наступательных

---

[1] Н.П.В., стр. 157-159.

боевых действий. Немецкое командование довольно широко применяло такие приемы ведения операций, например, одновременный ввод в дело всех сил и средств, предназначенных для наступления, удар по войскам противника на всю глубину оперативного построения одновременно с ударом по важнейшим тыловым объектам. Невиданное раньше применение в таких ударах нашли авиация и танковые соединения. Применялись и воздушно-десантные войска.

Вообще говоря, эти приемы действий не были совершенно новыми, так как освещались в военной литературе, и потому не могли быть неожиданными. Но применение их на практике в массовом масштабе и в самом тесном сочетании друг с другом все-таки застигло оборонявшуюся сторону врасплох. Это всегда вызывало тяжелые последствия, в частности, такие, как срыв ряда мероприятий по стратегическому развертыванию войск, дезорганизация военного управления, неорганизованное вступление подвергшихся нападению войск в приграничное сражение.

Немецкое командование со всей тщательностью старалось использовать наиболее действенные формы развития наступления. Идеей "фикс" гитлеровского военного руководства являлось стремление к созданию "новых Канн" на стратегическом и оперативном уровне, т.е. стремление развивать наступление в расчете на окружение и уничтожение крупных группировок противника. Наступление приобретало резко выраженный маневренный характер. Если в Первой мировой войне операции протекали в основном в линейных формах, когда обороняющегося противника приходилось буквально выдавливать со своих позиций, то в начальных операциях Второй мировой войны, используя танки и авиацию, немецкому командованию удавалось рассекать и дробить фронт обороны, охватывать фланги неприятеля и выходить ему в тыл.

К использованию такой формы ведения наступательных боевых действий, как операция на окружение и уничтожение вражеских сил, оно прибегало каждый раз, когда для этого имелись условия. Так, разгром главных сил польских войск был осуществлен в результате операции, рассчитанной на окружение противника. В основе ее лежала идея нанесения глубоких концентрических ударов из Силезии, Померании и Восточной Пруссии. Внешнее кольцо окружения польских войск замыкалось на меридиане Буга, а внутреннее — в районе к западу от Вислы.

Отличительная особенность операции на окружение состояла в том, что благодаря массированному применению на направлениях главных ударов крупных сил танков и авиации маневр развивался с большой стремительностью…[1]

---

[1] Н.П.В., стр. 221, 223-225.

…В ходе первых операций немецкая армия, упреждая противников в стратегическом развертывании вооруженных сил и овладевая стратегической инициативой, оказалась способной не только захватывать огромные территории и наносить тяжелое поражение крупным стратегическим группировкам противника, но и выводить из войны целые государства.

Решающая роль в достижении крупных результатов в ходе начальных операций принадлежала первому внезапному удару, в который вкладывалась вся мощь воздушных и наземных сил, выделенных для ведения этих операций и заранее сосредоточенных на избранных направлениях.[1]

Итак, опыт начального периода войны со всей очевидностью показал устойчивость тенденции к вынесению за пределы войны, т.е. еще в довоенное время, мероприятий подготовительного характера, включая и мобилизацию, и стратегическое развертывание вооруженных сил, для проведения первых операций.

Начальный период войны поучителен и тем, что выявил стремление государств-агрессоров вкладывать в первый удар максимум сил и средств достижения ближайших стратегических целей.

Начальные операции еще раз подтвердили тенденции держав, берущих на себя инициативу в развязывании войны, наносить с самого начала не только предельно мощные, но и внезапные удары по противнику…[2]

Имея в виду опыт войны в Польше и во Франции, где достаточно рельефно проявились новые тенденции, о которых шла речь выше, советское верховное командование в своем плане войны должно было решить вопрос, каким способом добиться успеха в предстоящей войне с Германией. Оно было поставлено перед следующей альтернативой: либо действиями своих вооруженных сил не дать германским войскам реализовать те новые тенденции в военном искусстве, о которых говорилось выше, либо предпринять такие шаги, которые, не препятствуя немецким войскам в осуществлении указанных новых тенденций, нейтрализовали бы их опасное действие для советских вооруженных сил.

В первом случае следовало самим использовать выше очерченные новые тенденции, упредив в этом немецкие вооруженные силы, подобно тому как это было осуществлено впоследствии советским командованием в битве на Курской дуге. Во втором случае можно было парировать действие новых тенденций с вражеской стороны, то есть действие внезапного удара мощных сил германской армии путем развертывания своих главных сил на известном

---

[1] Н.П.В., стр. 237.
[2] Н.П.В., стр. 351.

удалении от границы вглубь страны и тем предохранить их от угрожающих последствий такого удара.

Как первый, так и второй путь имеет свои положительные и отрицательные стороны. Первый путь целесообразен был лишь при полной уверенности в том, что противник запоздает с развертыванием и, следовательно, с нанесением первого удара. Но ошибка в этом случае грозила катастрофой, так как свои, не успевшие развернуться войска оказались бы поставленными под удар мощных сил противника. Второй путь был безопасным, он не грозил катастрофой. Он давал возможность сохранить армию ценой временной уступки врагу части своей территории.

Таким образом, и при новых тенденциях в военном искусстве осталась в силе проблема стратегического развертывания "вперед" или "назад", о которой говорится во второй части гл. XVII. Однако в условиях новых тенденций в военном искусстве значительно увеличились опасности, угрожающие той стороне, которая решила осуществить развертывание "вперед", так как теперь, в отличие от прошлых войн, наступательные действия начинались не частью, а всей массой войск.

Эти соображения следует иметь в виду при рассмотрении советского плана войны против Германии.

ГЛАВА XVII. О СОВЕТСКОМ ПЛАНЕ ВОЙНЫ ПРОТИВ ГЕРМАНИИ

В исторической литературе о Великой Отечественной войне редко можно встретить работу советского автора, в которой не подчеркивалось бы высокое развитие советской военной теории до войны и непосредственно перед ее началом. Этот тезис иллюстрируется многочисленными цитатами и ссылками на труды советских авторов, в которых формулировались и развивались передовые идеи ведения войны. Однако, справедливо указывая на то, что военно-теоретическая мысль в нашей стране занимала передовые рубежи в военной науке, наши авторы ничего не говорят о гораздо более важном аспекте достижений военной теории. Мы имеем в виду применение или практическое использование достижений военной науки в деятельности руководящего состава вооруженных сил СССР и в особенности в деятельности высшего военного руководства страны. Особый интерес в этом отношении представляет, в частности, вопрос о том, как высокие достижения отечественной военно-теоретической мысли отразились в плане войны, разработанном советским Генеральным штабом. Для выяснения этого вопроса совершенно необходимо ознакомиться, если не с содержанием, как это хотелось бы, то хотя бы с главнейшими элементами советского плана войны с Германией.

Впервые связное изложение советского плана войны против Германии опубликовано почти 35 лет спустя после начала Великой Отечественной войны. Это изложение было приведено В.А. Анфиловым в его книге «Провал "Блицкрига"», вышедшей в свет в 1974 году.

О том, каков был советский план войны против Германии, читаем у В.А. Анфилова следующее:

"Учитывая возможность нападения на нашу Родину, Генеральный штаб разрабатывал мероприятия по организации отпора агрессии. Наиболее вероятными противниками, строившими свои агрессивные планы в отношении СССР, являлись к осени 1940 года фашистская Германия и империалистическая Япония. Принималось во внимание и возможное участие в войне против СССР Финляндии, Румынии, Венгрии и Италии.

Правильно оценивалась возможная позиция Турции и Ирана.

Советские военные руководители предполагали, что фашистская Германия может выставить против СССР до 170 дивизий, примерно 70 дивизий развернут сателлиты Германии и около 50 дивизий бросит на Советский Дальний Восток империалистическая Япония. Предусматривалось два варианта возможных действий немецко-фашистской армии в случае вторжения в Советский Союз. По одному из вероятных вариантов наступления противника считалось, что главные силы гитлеровское командование

развернут в Восточной Пруссии, чтобы нанести основной удар в направлении на Ригу, Каунас и далее на Полоцк или на Каунас, Вильнюс и далее на Минск. Второй сильный удар предполагался из района Бреста на Барановичи, Минск. Одновременно с главным ударом из Восточной Пруссии считалось возможным наступление немецко-фашистских войск южнее Полесья в направлении на Дубно, Броды… На Севере предполагалось наступление финской армии на Ленинград, а на Юге — румынских и немецких войск в направлении на Жмеринку. Генеральный штаб Красной Армии считал также возможным нанесение главного удара немецко-фашистской армией южнее Полесья в направлении на Киев и вспомогательно — из Восточной Пруссии. "Наиболее опасным стратегическим направлением, — отмечает Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, — считалось юго-западное направление — Украина, а не западное — Белоруссия, на котором гитлеровское верховное командование в июне 1941 года сосредоточило и ввело в действие самые мощные сухопутную и воздушную группировки".[1]

"Такой вывод о вероятном направлении главного удара немецко-фашистской армии сделал осенью 1940 года И.В. Сталин во время доклада ему маршалом С.К. Тимошенко и генералами К.А. Мерецковым и Н.Ф. Ватутиным оперативного плана отражения агрессии. В соответствии с этим было предусмотрено сосредоточение главной группировки советских вооруженных сил в полосе прикрытия Киевского особого военного округа".[2]

Г.К. Жуков говорит по этому поводу:

"И.В. Сталин был убежден, что гитлеровцы в войне с Советским Союзом будут стремиться в первую очередь овладеть Украиной, донецким бассейном, чтобы лишить нашу страну важнейших экономических районов и захватить украинский хлеб, донецкий уголь, а затем и кавказскую нефть. При рассмотрении оперативного плана весной 1941 года И.В. Сталин говорил: "Без этих важнейших жизненных ресурсов фашистская Германия не сможет вести длительную и большую войну".

И.В. Сталин для всех нас был величайшим авторитетом, никто тогда и не думал сомневаться в его суждениях и оценках обстановки. Однако указанное предположение И.В. Сталина не учитывало планов противника на молниеносную войну против СССР…"[3]

"Ближайшей стратегической целью Японии в войне против СССР предполагалось овладение советским Приморьем.

---

[1] Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления, стр. 219.
[2] В.А. Анфилов, стр. 191, 192.
[3] Г.К. Жуков, стр. 220.

Исходя из учета намерений вероятных противников и определения основного фронта будущей войны, было принято решение сосредоточить на западных границах 170 дивизий, на востоке иметь 34 дивизии, а на южные границы выделить 17 дивизий. (В действительности же к началу войны советское командование было вынуждено развернуть на Дальнем Востоке и на южных границах 63 дивизии).

Учитывая возраставшую угрозу военного нападения на СССР, Центральный Комитет партии и Совет Народных Комиссаров потребовали от Наркомата обороны усилить проведение мероприятий по подготовке Красной Армии к отражению фашистской агрессии. Весной 1941 г. Генеральным штабом совместно со штабами военных округов и флотов был разработан "План обороны государственной границы 1941 г.". Этот документ был утвержден наркомом обороны и директивами доведен до военных советов приграничных округов.

Согласно плану обороны, войска приграничных округов должны были не допустить вторжения противника на территорию СССР; упорной обороной в укрепленных районах прочно прикрыть отмобилизование, сосредоточение и развертывание главных сил Красной Армии; активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и ударами по мостам и железнодорожным узлам задержать сосредоточение и нарушить развертывание войск противника, создав тем самым благоприятные условия для перехода в решительное наступление (подчеркнуто мной — Авт.).

Опираясь на укрепленные районы, войска прикрытия должны были вести активную оборону. Прорывающиеся группировки противника предполагалось немедленно уничтожить и отбросить на исходные позиции контратаками войсковых и армейских резервов. Если противнику все же удастся на каком-то из направлений прорваться в глубину, то его должны были встретить огнем на противотанковых рубежах формировавшиеся для этой цели артиллерийские противотанковые бригады. Для окончательного поражения вклинившегося врага предназначались механизированные корпуса, которые должны были развернуться под прикрытием этих бригад и авиации и нанести мощные контрудары. Войска прикрытия должны были создать благоприятные условия для ввода в сражение основных сил приграничных округов. Так, в директиве наркома обороны Военному совету Киевского Особого военного округа от 5 мая 1941 года на случай вторжения немецко-фашистской армии предлагалось "быть готовым по указанию Главного Командования нанести стремительные удары для разгрома противника, перенесения боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей…"

…Всего в западных приграничных округах насчитывалось 170 дивизий — стрелковых, кавалерийских, танковых, моторизованных и 2 стрелковые

бригады. Из этого количества в первые эшелоны армий прикрытия намечалось выделить 60 дивизий. Армии прикрытия должны были отразить первый удар противника и обеспечить мобилизацию, сосредоточение и развертывание главных сил. В резерв командующих округами выделялось около одной трети всех сил, имевшихся в их распоряжении. Все эти войска представляли собой первый стратегический эшелон Советских Вооруженных Сил.

Войска прикрытия к началу вторжения агрессора предполагалось полностью укомплектовать и развернуть на подготовленных вдоль границы оборонительных рубежах. Они должны были прикрыть отмобилизование и ввод в сражение войск второго эшелона, которым отводилось от нескольких часов до одних суток".[1] (Подчеркнуто мной — Авт.).

Это изложение заслуживает особого внимания не только своим содержанием, но и оформлением своего опубликования. Дело в том, что сведения, изложенные в этой публикации, не являются общеизвестными. Если не считать мемуарную литературу, то указанные материалы появились в печати впервые. Поэтому естественно было ожидать, что автор сообщит читателю сведения об источнике, каким он в этом случае пользовался. Однако книга В.А. Анфилова, изобилующая ссылками на различные источники, в этом месте молчит о тех материалах, откуда автор почерпнул приведенную им информацию. При этом очень важно отметить, что В.А. Анфилов излагает советский план войны не на основании архивных документов (иначе он обязательно отметил бы это) и, следовательно, пользуется материалами, так сказать, из вторых рук. В этих условиях указанные сведения нельзя признать надежными, и следует считаться с возможностью того, что в приведенной публикации мы имеем дело не столько с советским планом войны, сколько с тем, что о нем можно или даже должно писать.

Наш скептицизм подкрепляется следующими соображениями. Нередки случаи в публикации важных сведений, когда умолчания говорят не меньше, чем слова; когда факт отсутствия важных сведений представляет собой ценную информацию. Это относится и к опубликованию содержания советского плана войны. Мы знаем, что последняя его редакция была утверждена весной 1941 года, то есть 35 лет назад. Этот план уже был использован в войне, и ныне он не может представлять какой-либо практической ценности. Если цензурой дозволено писать об этом плане, то какой смысл скрывать его подлинное содержание? Объяснение может быть только одно, а именно: то, что сообщается об этом плане, отличается от его действительного содержания. Отсутствие в книге Анфилова и в других работах при изложении плана войны ссылки на архивные материалы Генштаба

[1] В.А. Анфилов. Провал "Блицкрига". М., 1974, стр. 191, 192, 196.

или Министерства обороны заставляет нас подозревать, что в этом сообщении отсутствует важная информация. Полуправда здесь выдается за всю правду.

Наши сомнения в полноте, а следовательно, в истинности информации о советском плане войны против Германии, подкрепляется также следующим соображением. Общеизвестно убеждение Сталина в том, что Гитлер не осмелится напасть на СССР. Это убеждение было столь непоколебимо, что Сталин не доверял любой, в том числе и достоверной информации о готовящемся нападении Германии на Советский Союз.

Эти факты свидетельствуют о том, что Сталин считал нападение Германии на СССР по меньшей мере маловероятным.

Наряду с этим, по авторитетным свидетельствам К.А. Мерецкова, Г.К. Жукова и А.М. Василевского, мы знаем, что Сталин направлял работу Генерального штаба по составлению плана войны — он был идейным вдохновителем тех замыслов, которые были положены в основу принятого плана.

Если верно, что Сталин отрицал угрозу нападения Германии на СССР, то представляется совершенно неправдоподобным, чтобы советский план войны был исключительно ориентирован как раз на тот случай, который рассматривался Сталиным, почти как фантастический. Таким образом, мы должны считаться с возможностью того, что перед нами не объективное и полное изложение плана войны, а, возможно, только его часть, или его более или менее "свободная" интерпретация. Это обязывает нас к осторожному и тщательному рассмотрению изложенного и других известий о советском плане, которые не сопровождаются ссылками на источники. Итак, изложенное заставляет нас полагать, что опубликованная информация о советском плане войны относится к части этого плана и выдается эта часть за весь план в целом. Такая замена как раз и соответствует тому методу фальсификации, к которому обычно прибегает советская историография Второй мировой войны.

Рассмотрим, каково было количественное распределение советских сухопутных сил по плану войны. Об этом имеются сведения у В.А. Анфилова и в коллективном труде под названием "Начальный период войны", выпущенном в 1974 году под редакцией С.П. Иванова.

Материалами этих работ мы и воспользуемся.

Из приведенных В.А. Анфиловым данных нам известно (см. предыдущие главы), что к началу войны советская сухопутная армия — стояла из 303 дивизий. Из них было сосредоточено в 5 западных военных округах 170 дивизий, на Дальнем Востоке и новой границе 63 дивизии. Следовательно, надо полагать, что <u>в резерве главного командования Красной Армии оставалось 70 дивизий, расположенных во внутренних округах.</u>

В.А. Анфилов указывает, что …в первые эшелоны армии прикрытия (подчеркнуто мной — Авт.) намечалось выделить до 60 дивизий".[1]

Далее В.А. Анфилов сообщает, что в резерв командующих округами выделялось около одной трети всех сил, имевшихся в их распоряжении.[2] Таким образом, резерв армии прикрытия состоял из (170 x 1/3) ≈ 57 дивизий.

Следовательно, армия прикрытия состояла из:

а) первого эшелона армии прикрытия	60 дивизий
б) резерва армии прикрытия	57 дивизий
	--
Итого	117 дивизий

Эти данные примерно соответствуют тем, которые приведены в книге "Начальный период войны". В ней мы читаем: "К началу войны две трети сил западных приграничных военных округов находилось в составе тринадцати армий прикрытия",[3] что составляет (170 x 2/3) ≈ 113 дивизий.

Далее у В.А. Анфилова читаем: "Войска прикрытия должны были создать благоприятные условия для ввода в сражение основных сил приграничных округов".[4] Из этого следует, что основными силами приграничных округов были по существу войска второго эшелона этих округов, не входившие в состав войск прикрытия и состоящие из $(170 - 117) = 53$ дивизий. В.А. Анфилов, причисляя эти силы, говорит далее, что "все эти войска представляли собой первый стратегический эшелон советских вооруженных сил" (подчеркнуто мной — Авт.)[5]

Дополним данные В.А. Анфилова о количественном распределении советских сухопутных сил соответствующими сведениями, взятыми из работы "Начальный период войны", выпущенной в 1974 году под редакцией генерала армии С.П. Иванова. В этой работе, между прочим, сообщается следующее:

"При благоприятных условиях всем обороняющимся войскам и резервам армий и округов предписывалось быть готовыми по указанию Главного Командования к нанесению стремительных ударов для разгрома перешедших границу группировок противника и перенесения боевых действий на его территорию".[6]

---

[1] В.А. Анфилов, стр. 196.
[2] Там же.
[3] Н.П.В., стр. 213.
[4] В.А. Анфилов, стр. 193.
[5] В.А. Анфилов, стр. 196.
[6] Н.П.В., стр. 205.

Таким образом, "армия прикрытия" в составе 117 дивизий, по замыслу советского командования должна была стать "при благоприятных условиях" авангардом "армии вторжения".

Как далее говорит В.А. Анфилов, "армии прикрытия должны были отразить первый удар противника и обеспечить мобилизацию, сосредоточение и развертывание главных сил" (подчеркнуто мной — Авт.).[1]

"Войска прикрытия к началу вторжения агрессора предполагалось полностью укомплектовать и развернуть на подготовленных рубежах. Они должны были прикрыть отмобилизирование и ввод в сражение войск второго эшелона, которым отводилось от нескольких часов до одних суток".[2] (подчеркнуто мной — Авт.).

Из изложенного следует, что главные силы были войсками второго эшелона.

Приведем сводку тех сил, которые в соответствии с планом войны должны были вступить в единоборство с немецкими войсками:

1. Первый эшелон армии прикрытия	60 дивизий;
2. Резерв армии прикрытия	57 дивизий.
I. Итого армия прикрытия	117 дивизий.
II. Основные силы или резерв приграничных округов	53 дивизии.
III. Всего первый стратегический эшелон	170 дивизий.

Такое скопление войск в западных приграничных округах было беспрецедентно огромным. Сосредоточенные здесь войска составляли 57% всех советских сухопутных сил. Эти войска были стянуты к западной границе, подобно тому как сконцентрированы были немецкие вооруженные силы на территории Восточной Пруссии и Польши для наступательных операций против Советского Союза.

Такое сосредоточение и распределение советских сухопутных сил в западных приграничных округах говорило о том, что здесь сосредоточивалась не армия прикрытия, как ее называют наши историки и мемуаристы, а армия вторжения. Это дает понять и В.А. Анфилов, когда пишет: "группировка войск, создавшаяся в Западном и Киевском военных округах к лету 1941 года, в значительной мере подчинена наступательным задачам".[3]

Тесную и закономерную связь такого замысла с принятыми в советском высшем руководстве стратегическими идеями и установками можно

---

[1] В.А. Анфилов, стр. 196.
[2] Там же.
[3] В.А. Анфилов, стр. 196.

установить, ознакомившись с докладом о начальном периоде войны начальника штаба Прибалтийского особого военного округа генерал-лейтенанта П.С. Кленова, сделанным на декабрьском совещании руководящего состава вооруженных сил СССР В 1940 году.

Воспользуемся некоторыми моментами этого доклада, изложенными военным историком В.А. Анфиловым.

Генерал Кленов включил в начальный период войны и отмобилизование, и сосредоточение, и развертывание вооруженных сил… Он… включил сюда так называемые особые операции начального периода, когда, по его мнению, армии противника не закончили сосредоточения и не готовы для развертывания; это — операции вторжения для решения целого ряда особых задач; это — воздействие крупными авиационными и, может быть, даже механизированными силами, пока противник не подготовился к решительным действиям, на его отмобилизование, сосредоточение и развертывание для того, чтобы сорвать их. Данный вид операций, продолжал генерал Кленов, будет, конечно, носить особый характер. Вопрос осуществления их очень сложный. Нужно упредить противника в готовности таких средств для проведения операций, как авиация и мотомеханизированные войска с точки зрения их развертывания и количественного состава. Организация и проведение подобных операций позволит завоевать господство в воздухе и не даст возможности противнику отмобилизоваться и полностью развернуться. Операции начального периода, по Кленову, будут вестись с целью захвата выгодных рубежей для развертывания главных сил. Заканчивая выступление, генерал Кленов сказал, что операции начального периода будут осуществляться частями прикрытия, и оговорился, что в этот период механизированные части можно будет использовать самостоятельно для решения задач вторжения на территорию противника".[1]

В том же отношении представляет интерес и статья полковника А.И. Старунина "Оперативная внезапность", опубликованная в 1941 году в военной печати; остановимся на некоторых интересных идеях, высказанных автором названной статьи. Ссылаясь на опыт германо-польской войны 1939 года, полковник А.И. Старунин подчеркивает, что гитлеровское командование "наносит удар всеми силами. Сосредоточив скрытно в течение длительного времени свои армии к польским границам, оно внезапно обрушивается с воздуха и на земле всеми армиями одновременно. В данном случае вся масса вооруженных сил вторгается на территорию противника. В заключение автор статьи делает следующий вывод относительно характера будущей войны. "Таким образом, внезапность в стратегической подготовке, особенно в

---

[1] В.А. Анфилов. Провал "Блицкрига". М., 1974, стр. 179-180.

начальный период войны, должна достигаться не только скрытностью сосредоточения, но и первоначальным распределением войск, чтобы противник до последнего момента не знал нашего намерения. Для достижения решающего успеха в начальный период войны необходимо четкое распределение сил при сосредоточении, так как ошибка, допущенная в первоначальном развертывании, едва ли может быть исправлена в течение всей кампании".

Следовательно, заключает военный историк В.А. Анфилов, — в итоге своего исследования полковник Старунин установил, что вооруженные силы не только должны быть мобилизованы и сосредоточены к началу войны, но и правильно распределены и развернуты по стратегическим направлениям… Таким образом, у Старунина, как и у Кленова,… начальные операции будущей войны осуществляют войска прикрытия с целью создания выгодных условий для завершения мобилизации, сосредоточения, развертывания главных сил и ввода их в сражение; вместе с этим Кленов не исключает вторжения крупных сил на территорию противника, а Старунин опытом войны в Европе подкрепляет возможность внезапного нанесения удара всеми заблаговременно развернутыми силами.[1]

В дополнение к изложенному следует указать на следующее: обращает на себя внимание тот факт, что в одном из немногих докладов, посвященных вопросам обороны, сделанном генералом армии И.В. Тюленевым на декабрьском совещании высшего командного состава, говорилось об организации оборонительной операции армии. По этому поводу историк В.А. Анфилов резонно замечает, что "об оборонительной операции фронта в докладе не упоминалось, так как это не предусматривалось заданием".[2]

А ведь задание было дано Генеральным штабом и Наркоматом обороны. Отсюда следует, что эти органы главного командования Красной Армии не собирались ставить перед последней задач, связанных даже на первых порах со стратегической обороной. Отсюда же можно заключить, что вопросы стратегической обороны не могли и не должны были быть отражены в плане войны, разработанном Генеральным штабом Красной Армии.

Имея в виду изложенные выше взгляды на характер операций начального периода войны, мы облегчим себе понимание советского плана войны в том его виде, как он излагается в отечественной литературе.

Между тем согласно изложению В.А. Анфилова и других советских авторов, советский план войны исходил из того, что немецкие войска первыми начнут наступательные действия. А это означает, как мы уже знаем (см. главу

---

[1] В.А. Анфилов. Цит. соч., стр. 181.
[2] В.А. Анфилов. Провал "Блицкрига". М., 1974, стр. 164.

"Что такое план войны"), что, согласно расчетам советского плана войны, противник упредит советские вооруженные силы в стратегическом развертывании. Между тем одна из главных задач, возлагаемых этим же планом на советские ВВС, заключалась в том, чтобы они своими активными действиями стремились "задержать сосредоточение и развертывание войск противника".

Следовательно, активные действия советской авиации должны были начаться не после, а в процессе осуществления стратегического сосредоточения и развертывания немецких войск, то есть до того, как противник нанесет свой первый удар. Таково явное противоречие, заключенное в советском плане. Он содержал в себе две взаимоисключающие друг друга установки: начать боевые действия после нападения противника и одновременно предусматривались превентивные боевые действия с тем, чтобы сорвать стратегическое сосредоточение и развертывание вооруженных сил противника.

Внутренние противоречия советского плана войны не исчерпываются изложенным. Из предыдущей главы читателю должно быть известно, что одним из главнейших элементов плана войны является решение вопроса о стратегическом сосредоточении и развертывании. Читатель уже знает, что если в нашем плане войны мы исходим из возможности того, что противник упредит нас в стратегическом сосредоточении и развертывании своих вооруженных сил и, следовательно, упредит нас в нанесении первого удара, то для того, чтобы избежать уничтожения наших сил по частям, мы должны сосредоточение и развертывание наших вооруженных сил отнести назад от государственной границы. Это — азбука военного плана.

Обращаясь к советскому плану войны с Германией, мы видим в нем нечто противоречащее этой азбуке.

Легко заметить из изложенного В.А. Анфиловым (и высказываний всех других советских авторов), что, согласно советскому плану войны, военное руководство СССР для своих вооруженных сил в начале войны избрало оборонительный характер действий. Следовательно, советский план войны (повторяем это еще раз) исходил из того, что инициатива в начале войны будет принадлежать не советским, а немецким войскам ввиду того, что последние будут развернуты раньше сил Красной Армии. Иначе не было бы смысла в том, чтобы предоставить противнику столь ценное преимущество, какое дает стратегическая инициатива. В соответствии с этим советские вооруженные силы должны были отнести свое сосредоточение и развертывание назад от границы, чтобы избежать поражения.

Однако вопреки этому в советском плане войны с Германией предусматривалось, что "войска приграничных округов должны были не допускать вторжения противника на территорию СССР".

А это было возможно лишь в том случае, если вооруженные силы Красной Армии в количестве 170 дивизий, расположенных в западных военных округах, были, согласно плану, сосредоточены и развернуты у государственной границы до того, как немецкие войска начнут наступление.

Но если, согласно советскому плану войны, огромная советская армия в 170 дивизий должна была сосредоточиться и развернуться у границ СССР раньше немецкой армии, то остается непонятным, — по какой причине в указанных условиях советское командование заранее отказалось от своего преимущества и должно было отдать, согласному этому плану, стратегическую инициативу в руки немецких генералов.

Таким образом, получается так, что советское командование основывало свой план войны на двух исключающих друг друга условиях: с одной стороны, Красная Армия упреждает своего противника в стратегическом сосредоточении и развертывании и поэтому осуществляет эти операции у самой границы, а с другой стороны, — советский план войны исходит из того, что немецкие вооруженные силы упредят советские войска в стратегическом сосредоточении и развертывании, и поэтому первыми начнут наступательные действия против СССР.

Ориентируясь на последнее условие, советский план войны должен был сосредоточение и развертывание своих сил отнести назад от государственной границы, то есть принять решение, противоречащее первому решению — сосредоточению у самой границы. Но так как невозможно одновременно провести в жизнь два, исключающие друг друга действия "вперед" и "назад", то советское военное руководство должно было отдать предпочтение одному из них.

Однако весьма возможно, что советское командование преодолело это затруднение следующим образом.

Не исключено, что Сталин по настоянию Генерального штаба согласился с тем, что, осторожности ради, следует разработать план войны, в котором необходимо предусмотреть меры на маловероятный, но все же возможный случай нападения Германии на Советский Союз. Однако существо советского плана войны, то есть его основная направленность заключалась не в обороне.

Из изложенного выше нам известно, что Гитлер также распорядился предусмотреть в германском плане войны меры на случай, если Советский Союз предупредит Германию в агрессии и попытается первым нанести удар по немецким вооруженным силам. И если бы случилось так, что немцы, опубликовав эти запланированные ими меры обороны, выдали бы их за свой

основной план войны против СССР, то план "Барбаросса" выглядел бы столь же оборонительным, как и советский план, с которым мы ознакомились при посредстве В.А. Анфилова и Г.К. Жукова.

Исходя из этих соображений, мы полагаем, что советский план войны, возможно, имел два варианта, из которых один был главным или основным, а второй имел второстепенное значение, так как ситуация, на какую он был ориентирован, признавалась Сталиным маловероятной. Первый или основной вариант был ориентирован на инициативу действий Красной Армии, на то, что война начнется вторжением советских вооруженных сил на территорию Германии. Второй план, вероятно, имел в виду сомнительную возможность нападения Германии на СССР и поэтому предусматривал на первых порах для Красной Армии оборонительные действия. О том, что оборонительный план не был основным, а дополнительным, говорит и один из авторов коллективной работы "Начальный период войны". В этой книге после изложения основных положений советского плана войны читаем:

"Генеральный штаб разработал специальный план обороны государственной границы…"[1] (подчеркнуто мной — Авт.).

Так как первый вариант плана, то есть плана вторжения был для советского Генерального штаба основным, то это обстоятельство должно было наложить свой отпечаток на тот специальный план, который предусматривал в начале войны оборонительные действия советских войск. Этот отпечаток выразился в том, что в оборонительном варианте плана войны осталось без изменения (иначе и быть не могло) решение о стратегическом сосредоточении и развертывании советских вооруженных сил в непосредственной близости к границе. Авторы упомянутой работы "Начальный период войны" объясняют это следующим образом.

"В случае если бы войскам первого стратегического эшелона удалось не только отразить первый удар врага, а и перенести боевые действия на его территорию еще до развертывания главных сил, второй стратегический эшелон (его рубежом развертывания намечался Днепр) должен был нарастить усилия первого эшелона и развивать ответный удар в соответствии с общим стратегическим замыслом. Однако это предположение, положенное основу замысла первоначальных боевых действий, теоретически, безусловно, допустимое, не отвечало конкретно сложившимся условиям" (подчеркнуто мной — Авт.).[2]

---

[1] Н.П.В., стр. 204.
[2] Н.П.В., стр. 206.

ГЛАВА XVIII. ГЛАВНАЯ ПРИЧИНА ПОРАЖЕНИЯ СОВЕТСКИХ ВОЙСК В НАЧАЛЬНОМ ПЕРИОДЕ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

Итак, если советское руководство стремилось избежать риска катастрофы в начале боевых действий, то оно должно было стратегическое сосредоточение и развертывание советских вооруженных сил отнести назад от государственной границы. Если же в советском плане войны было бы принято решение сосредоточить и развернуть советские вооруженные силы у границы, то это свидетельствовало бы о том, что советское военное руководство рассчитывало упредить своего противника в нанесении первого удара.

Какое же решение было принято в советском плане войны против Германии? Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к тому, как фактически были сосредоточены советские войска накануне 22 июня 1941 года.

В первую очередь сошлемся на следующие данные, опубликованные в книге "Начальный период войны". В ней читаем: "Одновременно с выдвижением войск из внутренних районов страны начиналась скрытая перегруппировка соединений внутри приграничных округов. Под видом изменения дислокации летних лагерей соединения подтягивались ближе к границе. Некоторые из них перебрасывались по железной дороге, причем также без нарушения графика движения мирного времени. Большинство соединений перемещалось походным порядком в ночное время. 15 июня из всех дивизий, составлявших резерв западных военных округов, более половины были приведены в движение. Большая часть перемещаемых соединений выдвигалась в районы, удаленные от государственной границы на 20-80 км.

В это время соединения первого эшелона армий прикрытия, располагавшиеся от границы в 10-20 км, перемещению не подлежали… (подчеркнуто мной — Авт.).[1]

…К середине июня ситуация складывалась так, что войны с Германией даже в самое ближайшее время избежать было нельзя.

С 14 по 19 июня командование приграничных округов получило указание вывести фронтовые (армейские) управления на полевые командные пункты. В это же время началось усиленное выдвижение войск к границе".[2] Эти сообщения, несомненно, говорят о стратегическом сосредоточении и развертывании советских войск в непосредственной близости к границе.

---

[1] Н.П.В., стр. 211.
[2] Н.П.В., стр. 212.

Изложение советского плана войны В.А. Анфилов заканчивает следующим важным замечанием.

"Рассмотрение плана обороны государственной границы показывает, что он не в полной мере удовлетворял требованиям отражения внезапного мощного удара танков и авиации противника. (Подчеркнуто мной — Авт.).

В то время как немецко-фашистское командование, готовившее свои армии к вторжению, сосредоточило главные силы севернее Полесья, советские вооруженные силы, получившие задачу прежде всего отразить удар агрессора в укрепленных районах и лишь после этого перейти в решительное наступление, сосредоточивали основные усилия к югу от него.

Группировка войск, создававшаяся в Западном и Киевском военных округах, к лету 1941 года в значительной мере была подчинена наступательным задачам (подчеркнуто мной — Авт.), которые предполагалось решать сразу же после отражения вражеского удара. С этой целью крупные силы сосредоточивались в белостокском и львовском выступах. В случае своевременного развертывания войск прикрытия эти группировки, основу которых составляли механизированные корпуса (подчеркнуто мной — Авт.), могли сыграть большую роль в разгроме вклинившихся на этих направлениях соединений противника. Но при необеспеченности оснований указанных выступов, особенно белостокского, войска, находившиеся в нем, сами могли оказаться в тяжелом положении, как это показала еще январская (1941 г.) оперативно-стратегическая игра".[1]

Г.К. Жуков пишет об этом:

"Накануне войны 10-я армия и ряд других частей Западного округа были расположены в белостокском выступе, выгнутом в сторону противника. 10-я армия занимала самое невыгодное расположение. Такая оперативная конфигурация войск создавала угрозу глубокого охвата и окружения их со стороны Гродно и Бреста путем удара по флангам. Между тем дислокация войск фронта на гродненско-сувалковском и брестском направлениях была недостаточно глубокой и мощной, чтобы не допустить здесь прорыва и охвата белостокской группировки".[2]

Из того, что рассказывают В.А. Анфилов и Г.К. Жуков о белостокском и львовском выступах, со всей очевидностью следует, что стратегическое сосредоточение советских войск осуществлялось в непосредственной близости к государственной границе. Цель такого сосредоточения не вызывает сомнений. Судя по скоплению в этих выступах значительных сил и к тому же включающих в свой состав танковые корпуса, следует, что это сосредоточение

---

[1] В.А. Анфилов, стр. 196.
[2] Г.К. Жуков, стр. 263.

имело своей целью стремительный удар по немецким войскам до того, как они развернутся для открытия боевых действий. Что советское командование всецело рассчитывало на инициативу своих войск и не допускало мысли, что немцы первыми начнут наступательные действия, видно из подчеркнутого Г.К. Жуковым очень важного обстоятельства, заключавшегося в том, что не было принято мер по защите этих выступов от глубокого охвата и окружения, что было неизбежно в случае наступления немецких войск.

В заключение следует особо подчеркнуть, что войска в белостокском и львовском выступах были не только сосредоточены, но и развернуты. Об этом в работе "Военная стратегия", выпущенной под редакцией маршала В.Д. Соколовского, читаем:

"Рубежи, на которых должны были развернуться дивизии первого эшелона войск западных военных округов, были чрезвычайно приближены к границе, что ставило их под удары противника и крайне затруднило осуществление маневра. Наиболее мощные группировки войск Западного и Киевского военных округов развертывались (подчеркнуто мной — Авт.) в белостокском и львовском выступах, которые глубоко охватывались противником и тем самым сразу были поставлены под его фланговые удары".[1]

Что советское верховное командование и не помышляло о том, что вооруженным силам СССР придется в начале войны отражать наступление противника, а готовилось в этом упредить германское командование, видно из того, как к началу войны были дислоцированы советские ВВС.

Так, в статье генерал-майора авиации Г. Пшеняника "Борьба с авиацией противника в летне-осенней кампании 1941 года" отмечается, в частности, что к началу войны некоторые из аэродромов находились столь близко от границы (в 12-15 км), что подвергались вражескому артиллерийскому обстрелу."[2]

Далее в статье читаем:

"В Западном Особом военном округе… на 16 аэродромах полевого типа, которые находились на удалении от 10 до 40 км от государственной границы, базировались основные силы ВВС Западного Особого военного округа — три смешанные авиационные дивизии… Так, на аэродроме Тарново, находившемся всего лишь в 12 км от государственной границы, было сосредоточено более 100 самолетов, примерно половину которых составляли новые истребители МиГ-3. На аэродроме Долубово, расположенном в 22 км от государственной границы, базировалось 77 самолетов, из них 56 истребителей

---

[1] Военная стратегия. Под редакцией маршала Советского Союза В.Д. Соколовского. Издание второе, исправленное и дополненное. М., 1963, стр. 191.

[2] Военно-исторический журнал, 1961, № 3, стр. 37.

типа МиГ-3. На аэродроме Высаке-Мазовецк, в 40 км от государственной границы, находилось 90 самолетов, в том числе 70 истребителей МиГ-3.

Таким образом, авиационные ВВС Западного Особого военного округа, получившие новые самолеты, базировались в непосредственной близости от государственной границы".[1] (Подчеркнуто мной — Авт.).

Это же подтверждает и известный авиаконструктор А.С. Яковлев. Он пишет: "Некоторые аэродромы, например в Западном Особом военном округе, были придвинуты чрезмерно близко к границе, что делало их крайне уязвимыми в случае внезапного нападения противника".[2]

Подчеркивая уязвимость расположенных близко к границе советских аэродромов, авторы перечисленных отрывков указывают на то, какие выгоды получали советские ВВС при таком расположении аэродромов в случае упреждения противника в первом ударе.

Близко к границе были придвинуты и базы снабжения армии.

В статье полковника И. Бойко "Тыл Западного фронта в первые дни Отечественной войны" читаем:

"Все основные склады с запасами материальных средств накануне войны размещались в 30-80 км от государственной границы, как правило, в крупных городах. В связи с отступлением наших войск многие базы и склады из-за невозможности использования и эвакуации были либо взорваны, либо уничтожены вражеской авиацией, либо оставлены. К 29 июня на территории, занятой противником, осталось более 60 окружных складов, в том числе 10 артиллерийских, 25 горючего, 14 продовольственных, 3 автобронетанковых. Общие потери к этому времени составили: боеприпасов — свыше 2000 вагонов (30% всех запасов фронта), горючего — более 50 тыс. т (50% запасов), автобронетанкового имущества — около 500 вагонов, продфуража — около 40 тыс. т (50% запасов), вещевого имущества — около 400 тыс. основных комплектов (90% запасов). Потери инженерного, обозно-хозяйственного, медико-санитарного имущества и средств противохимической защиты достигли 85-90% запасов фронта.

Основной причиной столь больших потерь в материальных средствах следует считать очень близкое размещение складов и баз от государственной границы".[3]

Советские историки, сообщая об этих фактах, изображают дело так, будто они были следствием разрозненных, не связанных между собой случайных ошибочных решений отдельных командующих или даже командиров. В

---

[1] Там же, стр. 38.
[2] А.С. Яковлев. Цель жизни. (Записки авиаконструктора). М., 1966, стр. 246.
[3] Военно-исторический журнал, 1966 г. № 8, стр. 18-19.

основе такой трактовки этих фактов лежит стремление внушить читателю наивное представление о том, что такие важные вопросы стратегического характера, как дислокация войск, авиации и военных складов может быть произвольно решена тем или иным лицом по собственному соображению, а не Генеральным штабом в общих рамках плана войны.

Такое простодушие в представлениях о том, как принимаются решения о столь важных вопросах стратегического характера, как размещение военных складов, пытается внушить своему читателю и генерал армии А.В. Хрулев. Он вспоминает: "Еще в 1940 году в правительстве рассматривался вопрос о том, где сосредоточивать мобилизационные запасы. Военные работники предлагали разместить их за Волгой. Но этому воспротивился нарком госконтроля Л.З. Мехлис. Он настаивал, чтобы их накапливать в пограничных районах, даже вблизи от вероятного противника. В любом возражении против этого Мехлис видел вредительство.

— Но хоть полушубки, валенки и прочее зимнее обмундирование надо оставить за Волгой, — говорили военные.

— А откуда вы знаете, когда начнется война? — спрашивал их Мехлис. — Может быть, зимой?

И.В. Сталин поддался уговорам Мехлиса и принял его точку зрения".[1]

Рассказ Хрулева требует некоторых уточнений. Если бы мера, предлагаемая Мехлисом, не соответствовала военным планам Сталина, она была бы отвергнута. Вероятно, дело обстояло так: Мехлис предложил только то, чего желал Сталин, о чем наркому госконтроля было заранее известно.

Поэтому вполне естественно, что Г.К. Жуков, говоря о размещении военных складов вблизи государственной границы, даже не упоминает имени Мехлиса, правильно поставив акценты в этой истории. Он пишет:

"Нарком обороны, Генеральный штаб и я в том числе считали необходимым в условиях надвигающейся войны подтянуть материально-технические средства ближе к войскам, ближе к потребителям. Казалось бы, правильно, но потом выяснилось, что все мы допустили в этом вопросе ошибку. Когда началась война, врагу удалось в короткий срок захватить в свои руки материально-технические запасы округов, что осложнило снабжение войск и мероприятия по формированию резервов".[2]

К сожалению, Г.К. Жуков ничего не говорит о том, из какого плана войны он исходил, когда считал, что с самого начала боевых действий приграничные округа сразу же превратятся в тыл нашей армии, где будут формироваться

---

[1] Генерал армии А.В. Хрулев. Становление стратегического тыла в Великой Отечественной войне. Военно-исторический журнал, 1961, № 6, с. 66–67.
[2] Г.К. Жуков, стр. 224.

резервные части войск. Это было бы невозможно при планировании стратегической обороны, ибо в этом случае приграничные районы были бы театром военных действий, и вполне вероятно, что советское командование могло ориентироваться на это при намерении упредить противника в нанесении первого удара.

В связи с вопросом о размещении складов представляют интерес записки бывшего наркома вооружений Б.Л. Ванникова, в которых он останавливается на причинах нехватки вооружения в начале войны. Он пишет:

"Что касается винтовок, то промышленность обеспечила ими армию в достаточном количестве. Об этом говорит тот факт, что к началу войны армия имела около 8 млн винтовок. Кстати, до сих пор вопрос о том, как они были использованы, остается совершенно не освещенным. То же самое нужно сказать в целом относительно исключительно важного вопроса о том, где были размещены крупные запасы военного имущества, в том числе и боевой техники, какова была их судьба. Между тем именно такой анализ может дать ответ на вопрос о причинах нехватки вооружения в целом ряде случаев".[1] Вопросу о размещении аэродромов и складов отводит место на страницах своих мемуаров и маршал А.М. Василевский. Излагает он дело так:

"Нецелесообразно было в непосредственной близости от новой границы строить в 1940-1941 годах аэродромы и размещать военные склады. Генеральный штаб и лица, непосредственно руководившие в Наркомате обороны снабжением и обеспечением жизни и боевой деятельностью войск, считали наиболее целесообразным иметь к началу войны основные запасы подальше от государственной границы, примерно на линии реки Волги. Некоторые же лица из руководства Наркомата (особенно Г.И. Кулик, Л.З. Мехлис и В.А. Шаденко) категорически возражали против этого. Они считали, что агрессия будет быстро отражена и война во всех случаях будет перенесена на территорию противника. Видимо, они находились в плену неправильного представления о ходе предполагавшейся войны. Такая иллюзия, к сожалению, имела место…

Из этого тезиса кое-кто (подчеркнуто мной — Авт.) сделал верный вывод, что действия советских войск обязательно будут носить с самого начала только наступательный и притом непременно успешный характер (подчеркнуто мной — Авт.), а раз это так, то и склады уже в мирное время должны быть придвинуты поближе к войскам. Следовательно, и размещать их следует, готовясь к войне, на территориях новых приграничных районов".[2]

---

[1] Б.Л. Ванников. Оборонная промышленность СССР накануне войны. (Из записок наркома). Вопросы истории, 1969, стр. 129.

[2] А.М. Василевский. Дело всей жизни. М., 1974 г., стр. 113.

Нетрудно догадаться, кого подразумевает А.М. Василевский под безличным "кое-кто". Это, несомненно, были те лица, от которых зависело решение вопроса, то есть высшее военное руководство страны — Сталин, Тимошенко, Жуков. Очевидно, те же соображения (конечно, за вычетом "отражения агрессии") лежали и в основе размещения авиации и сухопутных войск в непосредственной близости к государственной границе.

Итак, имея в виду произведенное советским командованием стратегическое сосредоточение советских вооруженных сил в непосредственной близости к границе, у нас не может быть сомнений в том, что такое сосредоточение имело своей целью упредить противника в открытии боевых наступательных действий.

Резюмируя сказанное, следует подчеркнуть, что принятое советским командованием направление стратегического развертывания "вперед" к государственной границе — явилось ответом на вопрос о стратегической цели этого сосредоточения, — для отражения ли атаки неприятеля или для того, чтобы самим атаковать его первым.

Таким образом, советские вооруженные силы готовились к тому, чтобы первыми открыть боевые действия. Что же касается ближайших задач, поставленных в этом наступлении перед Красной Армией, то главные удары должны были быть нанесены одновременно на сувалкском и люблинском направлениях.[1]

Таков был замысел. Однако "вечером 22 июня войскам были поставлены еще более решительные задачи: окружить и уничтожить сувалкскую группировку противника и к исходу 24 июня овладеть районами Сувалки и Люблин".[2]

Между тем для того, чтобы принять в основу плана войны столь близкое к государственной границе стратегическое сосредоточение и развертывание советских вооруженных сил, советское высшее руководство должно было быть уверенным, что в процессе указанного сосредоточения и развертывания немецкие войска не будут способными нанести упреждающий мощный удар по советским войскам. В связи с этим возникает вопрос: какие основания были у советского верховного командования для такой уверенности? Г.К. Жуков, по-видимому, предвидел, что этот вопрос естественно возникнет у читателя, и отвечает на него так:

"При переработке военных планов весной 1941 года… не были практически полностью учтены новые способы ведения войны в начальном

---

[1] Военная стратегия. Под редакцией маршала Советского Союза В.Д. Соколовского. Второе издание. М., 1963, стр. 191.
[2] Там же, стр. 191-192.

периоде. Наркомат обороны и Генеральный штаб считали, что война между такими крупными державами, как Германия и Советский Союз, может начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений".[1]

Из слов Г.К. Жукова следует, что советское командование было уверено в столь сильном численном перевесе советских вооруженных сил, сосредоточенных у границы, что нападение немецких войск им не угрожало какой-либо опасностью. Эта уверенность подкреплялась еще тем, что, по мнению советского командования, немцы введут в приграничные сражения лишь часть своих сил. Однако этому противоречил опыт продолжающейся войны в Европе, и, следовательно, этот расчет был заведомо опрометчивым. Такой расчет был тем более опасным для советских вооруженных сил, что он основывался лишь на одном предположении. Ведь если бы он не оправдался, советским войскам грозил разгром, что и произошло в действительности 22 июня 1941 г. Авантюристичной была также уверенность в безопасности сосредоточения и развертывания у государственной границы советских войск, опирающаяся на их численное превосходство.

Советский план войны игнорировал самый факт и последствия того, что германская армия, сосредоточиваемая в восточной части Европы, была полностью отмобилизована, и поэтому для нее не было необходимости вводить в дело свои главные силы лишь во вторую очередь.

Трудно поверить этому. Представляется невероятным, чтобы начальник Генерального штаба мог игнорировать этот факт и совершенно не считаться с опытом уже проведенных кампаний немецкой армии на полях Европы во Второй мировой войне, из которого легко можно было установить, что все эти кампании начинались с мощного удара всех сил германской армии.

Трудно поверить всему этому, но… нельзя не считаться с тем, что об этом говорит бывший начальник Генерального штаба, который этим признанием сам выдает себе свидетельство о своем несоответствии той должности, какую он занимал. Здесь было явное пренебрежение к азбуке плана войны, требующей в первую очередь предусмотреть меры по обеспечению безопасности стратегического сосредоточения и развертывания своих войск.

Это же, по существу, имеет в виду и А. Голубев, когда пишет: "Объективные условия после установления фактически совместной советско-германской границы были таковы, что Германия имела возможность упредить советские войска в начальном стратегическом развертывании.

Перед Первой мировой войной русский Генеральный штаб, учитывая подобное обстоятельство, отнес стратегическое развертывание вглубь страны,

---

[1] Г.К. Жуков, стр. 224.

оставив районы западнее реки Вислы. В тех условиях это было правильным решением. В 1941 году обстоятельства осложнились тем, что Германия имела армию военного времени, главные силы которой к лету 1941 года были подтянуты к восточным границам. Стратегическое развертывание советских вооруженных сил в непосредственной близости от границ в этих условиях неизбежно ставило советские войска в начале войны в невыгодное положение. Как эти условия учитывались в нашем стратегическом плане? Какие меры предусматривались для того, чтобы нейтрализовать воздействие этих неблагоприятных условий? К сожалению, хотя бы кратких ответов на эти вопросы… нет".[1]

Эта беззаботность в отношении обеспечения безопасности сосредоточения и развертывания своих войск является еще и потому странной, что у советского командования не могло быть сколько-нибудь основательной уверенности в том, что оно упредит немецкое командование в стратегическом сосредоточении и развертывании своих войск.

Более того, — у советского военного руководства были веские основания считать, что немецкая сторона упредит советскую армию в стратегическом сосредоточении и развертывании, так как по транспортным условиям Красная Армия находилась в менее благоприятном положении, чем армия Германии. Об этом читаем у Г.К. Жукова:

"Приграничные железнодорожные районы мало приспособлены для массовой выгрузки войск. Об этом свидетельствуют следующие цифры. Железные дороги немцев, идущие к границе Литвы, имеют пропускную способность 220 поездов в сутки, а наша литовская дорога, подходящая к границам Восточной Пруссии, — только 84. Не лучше обстоит дело на территории Западной Белоруссии и Западной Украины: здесь у нас почти вдвое меньше железнодорожных линий, чем у противника. Железнодорожные войска и строительные организации в течение 1941 года явно не смогут выполнить те работы, которые нужно провести".[2]

Г.К. Жукова дополняет генерал-майор в отставке П. Коркодинов. У него читаем:

"Ход стратегического сосредоточения (советских вооруженных сил — Авт.) к новой границе показывал, что дислоцированные вдоль границы армии смогут получить помощь из глубины нескоро. Взять хотя бы такой факт, что в территориях, которые вошли в состав Советского Союза в 1939 и 1940 годах, железные дороги не были перешиты на нашу колею и имели весьма

---

[1] А. Голубев. О некоторых вопросах истории в книге "Военная стратегия". Военно-исторический журнал, 1963, № 5, стр. 100.
[2] Г.К. Жуков, стр. 207-208.

ограниченный подвижной состав. Это приводило к необходимости выгружать войска у старой государственной границы и вести их далее на запад походным порядком, что удлиняло процесс выдвижения стрелковых соединений примерно недели на полторы".[1]

Таким образом, в основе советского плана сосредоточения и развертывания лежал не сколько-нибудь обоснованный расчет, а дилетантские соображения, авантюристическая ориентация на удачу, на то, что все факторы безусловно должны благоприятствовать нам, — о чем говорит маршал А.М. Василевский, вспоминая, как решался вопрос о размещении военных складов и баз.

Как бы подтверждая это, Г.К. Жуков пишет о неожиданности для советского командования и высшего руководства страны действий немецких вооруженных сил следующее:

…"Главное командование немецких войск сразу ввело в действие 153 дивизии… Эти данные нам стали известны в ходе начального периода войны главным образом из опроса пленных и их трофейных документов".[2] И далее:

"Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не был предусмотрен… Руководящий состав Генерального штаба не рассчитывал, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов".[3]

Следует отметить, что сосредоточение и развертывание советских вооруженных сил вблизи государственной границы и скопление их в западных приграничных округах было весьма положительно оценено немецким высшим руководством как соответствующее интересам германской армии и способствующее успеху плана "Барбаросса". Этот взгляд немецкого руководства нашел отклик в дневнике Геббельса, из которого мы приводим следующие выдержки.

В записи от 14 июня 1941 года значится:

"Русские, кажется, еще ничего не предчувствуют. Во всяком случае, они развертываются таким образом, что совершенно отвечают нашим желаниям:

---

[1] П. Коркодинов, генерал-майор в отставке. Факты и мысли о начальном периоде Великой Отечественной войны. Военно-исторический журнал, 1965, № 10, стр. 28-29.

[2] Г.К. Жуков, стр. 262, 263.

[3] Там же, стр. 263.

густомассированные силы — легкая добыча для пленения"… На следующий день, 15 июня, такая запись:

"Русские сосредоточились как раз на границе, самое лучшее, на что мы можем рассчитывать". И, наконец, запись 17 июня — "Русские все еще стоят на границе густомассированным строем. Со своими крохотными транспортными возможностями они не смогут в несколько дней изменить это положение."[1]

Заинтересованность немецкого командования в скоплении советских войск у западной границы видна также из текста плана "Барбаросса", где сказано:

"Военные действия следует проводить так, чтобы можно было, глубоко прорвавшись танковыми клиньями, уничтожить находящиеся в Западной России главные силы русской армии и воспрепятствовать отходу еще боеспособных частей противника в глубину русского пространства.[2] (Подчеркнуто мной — Авт.).

Опасности, связанные с решением сосредоточить и развернуть советские войска у государственной границы, очень хорошо видел бывший начальник Генерального штаба Б.М. Шапошников. Вот что нам сообщает об этом занимавший впоследствии пост начальника Генерального штаба маршал С.С. Бирюзов:

"Мне известно, что еще до вероломного нападения фашистской Германии на нашу страну тогдашний начальник Генерального штаба маршал Советского Союза Б.М. Шапошников вносил очень ценные предложения о дислокации войск в западных пограничных округах. Он предлагал основные силы этих округов держать в рамках старой государственной границы за линией мощных укрепленных районов, а во вновь освобожденные области Западной Белоруссии и Западной Украины, а также в Прибалтику выдвинуть лишь части прикрытия, способные обеспечить развертывание главных сил в случае внезапного нападения. Однако с этим разумным мнением опытного военачальника тогда не посчитались…

Новый начальник Генерального штаба Г.К. Жуков, пришедший незадолго до войны на смену Б.М. Шапошникову, не вник в глубокий смысл предложений своего предшественника и, зная отрицательное отношение к ним И.В. Сталина, видимо, не настаивал на их осуществлении. Сам того не желая, он укреплял у главы правительства уверенность в правильности

---

[1] Е. Ржевская. Берлин. Май 1945. М., 1970, стр. 50-51, 54, 57.
[2] А. Филиппи. Припятская проблема. М., 1969, стр. 158.

предположений и расчетов, которые, как показала история, оказались явным просчетом".[1]

Как видим, маршал С.С. Бирюзов прямо указывает на Сталина как на вдохновителя того авантюристического плана войны против Германии, который был разработан Генеральным штабом под руководством Жукова. Маршал С.С. Бирюзов при этом указывает на Г.К. Жукова как на невольного пособника в разработке этого авантюристического плана.

Что же касается того, что С.С. Бирюзов характеризует "предположения и расчеты", положенные в основу этого плана, как "явные просчеты", то нам представляется это явно недостаточным. Мы считаем необходимым в первую очередь разобраться в том, каковы же были упомянутые Бирюзовым "предположения и расчеты", реализация которых привела к катастрофе, начавшейся 22 июня 1941 года.

Для этого обратимся к итогам нашего разбора собранных сведений о советском плане войны против Германии. В результате этого разбора мы выяснили, что осенью 1940 года высшее руководство Советского Союза с участием Сталина рассматривало разработанный Генеральным штабом под руководством Б.М. Шапошникова план войны против Германии. Б.М. Шапошников, видимо, считал, что у немецкого командования имелись реальные возможности сосредоточить на востоке достаточно мощные силы, чтобы предпринять нападение на Советский Союз, несмотря на то, что некоторая, но несомненно значительно меньшая часть вооруженных сил Германии будет связана на Западе. Поэтому Шапошников считал вполне реальной угрозу нападения Германии на СССР. Далее, исходя из того, что по сравнению с СССР Германия обладала рядом несомненных преимуществ, в том числе в области транспорта, Шапошников, видимо, считал, что Германия сможет завершить стратегическое сосредоточение и развертывание своих сил раньше, чем это сделает Советский Союз.

Опираясь на опыт начального периода войны в Польше и во Франции, Шапошников считался с неизбежностью того, что германская армия с первого же дня войны обрушит на Советский Союз удар подавляющей частью своих сил. Принимая все это в расчет, Шапошников считал необходимым произвести стратегическое сосредоточение и развертывание советских вооруженных сил "назад" от госграницы, соблюдая тем самым требования предосторожности, какие следует принять против угрозы внезапного нападения. Этой мерой, как считал Шапошников, можно избежать тех тяжелых последствий, какие грозили Советскому Союзу в случае нападения Германии. С другой стороны, эти меры обеспечивали силам Красной Армии возможность заблаговременной

---

[1] С.С. Бирюзов. Когда гремели пушки. М., 1962, стр. 13.

подготовки к встрече неприятеля. Ориентируясь на избранную немцами стратегию "блицкрига", Шапошников считал, что наиболее вероятным направлением главного удара немецких войск будет северо-западное направление, и в соответствии с этим считал необходимым возможно более усилить советские войска, расположенные на путях этого главного направления.

Сталин исходил из совершенно иных предпосылок. Он ошибочно считал, что не менее половины, а может быть и больше, немецких вооруженных сил будет связано на Западе, и поэтому немецкое командование будет способно противопоставить советской армии меньшую часть своих сил. Будучи уверенным в значительном численном превосходстве советских вооруженных сил, Сталин из этого неоспоримого факта делал ошибочный вывод, что такого численного превосходства советской армии вполне достаточно, чтобы нападение Германии на СССР было бесперспективным и, следовательно, маловероятным. Из этих ошибочных предпосылок Сталин вывел ошибочное заключение, что при стратегическом сосредоточении и развертывании советских вооруженных сил не следует считаться с возможностью нападения Германии, и поэтому было принято решение произвести это сосредоточение у самой границы для того, чтобы в удобный момент осуществить вторжение в пределы Германии. Сталин также ошибался, считая, что Германия в своих планах ориентируется на длительную войну с Советским Союзом. Из этой ошибочной уверенности он ошибочно заключил, что главный удар немцев будет направлен на юго-запад, то есть на Украину, и, в соответствии с этим, усилив группировку советских войск в юго-западном направлении, он ослабил войска на северо-западе.

Далее Сталин ошибочно полагал, что если случится так, что Германия все-таки начнет войну против СССР, то предпримет она наступление не всеми силами, а лишь небольшой частью их, и поэтому, чтобы отразить это нападение, вполне достаточно будет тех сил, какими будет располагать "армия прикрытия", которая должна быть использована, как армия вторжения.

Коротко говоря, Сталин весьма низко оценивал возможности германских вооруженных сил, и это давало ему основание благоприятно оценивать обстановку, складывающуюся для Красной Армии. Вместе с тем намерения германского командования Сталин также рассматривал с выгодной для себя стороны, что опять-таки давало ему основание для недооценки опасности, грозящей со стороны вермахта. Все это в совокупности толкало будущего генералиссимуса на такие действия, какие облегчали немецкому командованию решение тех задач, которые были поставлены перед ним планом "Барбаросса".

Все это в книге "Военная стратегия", выпущенной под редакцией маршала В.Д. Соколовского, резюмируется следующими словами: "Определенная предвзятость в оценке военно-политической обстановки накануне войны со стороны И.В. Сталина привела к ряду серьезных ошибок в подготовке страны и вооруженных сил к предстоящей войне".[1]

Таковы были "предположения и расчеты" Сталина, на которые он опирался при разработке плана войны против Германии.

[1] Военная стратегия, под ред. маршала В.Д. Соколовского. Изд. второе. М., 1963, стр. 189.

ГЛАВА XIX. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ КОММЕНТАРИЙ К ВОПРОСУ О ГЛАВНОЙ ПРИЧИНЕ ПОРАЖЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ

Поставив перед собой вопрос о главной причине тяжелых поражений советских вооруженных сил в начальный период войны, мы не могли пройти мимо тех наиболее распространенных объяснений этого факта, которые повсеместно встречаются в советской литературе. Мы имеем в виду ту версию, которая главную причину катастрофы видит в количественном перевесе сил немецкой армии. Тщательная проверка фактов, лежащих в основе этого объяснения, показала, что такая версия не только не соответствует исторической правде, но даже противоречит ей. Здесь перед нами не ошибка, не заблуждение советских историков, а целенаправленная ложь и умышленная фальсификация советской историографией действительных фактов для того, чтобы скрыть от советского читателя истинные причины поражения советской армии, которые разоблачают действительных виновников этих поражений и тех потерь и жертв, какие понесла наша страна в начальный период войны. Пущенная в литературный оборот, эта лживая версия легко принимается на веру, так как ни в ком не вызывает и не может вызвать сомнения то обстоятельство, что победа досталась той стороне, силы которой численно превосходили другую сторону. Такое объяснение представляется вполне естественным, и потому не вызывает дальнейших вопросов, нежелательных для советской историографии.

Совсем иное дело, когда читатель узнаёт, что вопреки, казалось бы, естественному ходу вещей потерпела поражение не численно слабая сторона, а та, которая была численно сильнее. В этом случае неизбежно должен возникнуть вопрос, почему сторона, силы которой количественно превосходили своего противника, оказалась побежденной? Установление нами факта решительного перевеса сил советских войск над немецкими и ставят этот вопрос: почему советские вооруженные силы, вопреки своему численному превосходству, были разбиты немецкими войсками? Очевидно, ответ на этот вопрос следует искать не в количественном соотношении сил и средств сторон, а в том, как эти силы и средства были использованы высшим советским командованием, то есть стороной, потерпевшей поражение. Чтобы разобраться в том, как были употреблены советские вооруженные силы в начальный период войны, следовало выяснить, насколько поставленные перед советскими войсками цели и задач, определявшие боевые действия Красной Армии, соответствовали реально сложившейся обстановке на фронте вооруженной борьбы.

В предыдущих главах было установлено, во-первых, что стратегический замысел советского высшего командования упредить немецкие войска в наступательных действиях основывался на ошибочной оценке намерений и возможностей армии противника и, во-вторых, что на основе этого замысла сосредоточение советских войск было запланировано и осуществлено в непосредственной близости к государственной границе, что при неизбежном запаздывании в развертывании обрекало советские вооруженные силы на разгром по частям.

Как сообщают нам авторы книги "Начальный период войны", "Армии прикрытия были дислоцированы на большом пространстве по фронту и в глубину, причем из 107 дивизий, входивших в состав этих армий, первый эшелон составляли 56 дивизий и две бригады. Эти соединения узкой лентой прикрывали фронт, протяженностью около 4 тыс. км — от Белого до Черного моря. Многие дивизии четырех западных приграничных округов имели на оборонительных укреплениях вдоль границы в лучшем случае по одному полку, остальные части этих дивизий пребывали в лагерях или военных городках на удалении 8-20 км от границы.

Общая глубина дислокации соединений армий прикрытия (то есть 107 дивизий — Авт.) доходила до 50-100 км, а 63 дивизии, составлявшие резерв приграничных военных округов, располагались еще глубже в 100-400 км от границы".[1]

Вспомним, что, характеризуя рубежи развертывания советских войск, авторы книги "Военная стратегия" отмечают:

"Рубежи, на которых должны были развернуться дивизии первого эшелона войск западных военных округов, были чрезвычайно приближены к границе, что ставило их под удары противника и крайне затрудняло осуществление маневра". И в результате такого расположения войск "противник имел возможность сначала всеми силами обрушиться на слабые силы советских войск, расположенные вблизи границы, затем вступить в сражение с главными силами армий прикрытия, а после этого, прорвавшись в глубину, нанести удары по войскам второго эшелона приграничных военных округов".[2]

Почему же так получилось? Почему немецким войскам удалось нанести поражение советским вооруженным силам? Советские историки настаивают на том, что причина этого поражения состояла также в том, что советские войска не успели завершить свое стратегическое развертывание или, иначе говоря, все дело заключалось "в неравных условиях вступления в войну

---

[1] Н.П.В., стр. 214.
[2] Военная стратегия, стр. 191.

фашистской Германии и Советского Союза, вследствие чего с началом военных действий наша страна и вооруженные силы оказались в тяжелом положении".[1]

Этот взгляд также имеет широкое распространение в советской литературе, и с ним мы встречаемся как в военно-исторических работах, так и на страницах воспоминаний таких авторов, как Мерецков, Жуков, Василевский и т.п.

Однако мы позволили себе не согласиться с этим объяснением. Несостоятельность его является совершенно очевидной уж хотя бы потому, что одновременная готовность враждующих сторон к открытию активных боевых действий в начальный период войны — явление редкое в истории. С другой стороны, "Неравенство условий вступления в войну, то есть разновременность завершения развертывания сторон — явление обычное; сплошь и рядом лишь одной из сторон удается в начале войны захватить стратегическую инициативу, а другой стороне приходится довольствоваться оборонительными действиями, хотя бы и временно.

Конечно, захват стратегической инициативы в начале войны дает нападающей стороне значительные преимущества в вооруженной борьбе. Но это вовсе не предопределяет неизбежность разгрома обороняющейся стороны — это общеизвестно. Все зависит от того, предусматривалось ли обороняющейся стороной запаздывание своих войск со вступлением в войну и от того, какие меры были приняты командованием на этот случай, чтобы нейтрализовать то преимущество, какое получил неприятель, захвативший инициативу в открытии военных действий. Таким образом, причину поражения советских войск следует искать не в том, что немецкие войска упредили советские войска в стратегическом развертывании, а в том, что советское командование не предусмотрело тех необходимых и уже испытанных на практике мер, какие должны были смягчить эти неблагоприятные условия вступления в войну советских вооруженных сил. Именно поэтому мы считаем план советского командования авантюристическим, рассчитанным на удачу, на то, что все будет осуществляться в благоприятную для нас сторону, что все произойдет так, как это предусматривалось общими схематическими соображениями дилетантского характера, без трезвого учета реально сложившейся обстановки, без внимания к тому, чему учит военная история, чему учит опыт Второй мировой войны, длившейся почти два года.

Все советские историки и авторы военных мемуаров утверждают также, что главная причина поражения советских вооруженных сил в начале войны

---

[1] Н.П.В., стр. 16.

была в том, что эти силы не были приведены в боевую готовность к моменту нападения немецких войск. Нам представляется, что в условиях незавершенности стратегического развертывания войск приведение их в боевую готовность могло бы иметь лишь второстепенное, если не третьестепенное значение и не в состоянии было в принципе изменить катастрофического положения советских войск.

С другой стороны, если даже согласиться с тем, что не что иное, как внезапность нападения немецких войск повлекло за собой катастрофические последствия для Красной Армии, то нельзя при этом упускать из виду, что немецкое нападение потому и оказалось внезапным и катастрофическим для советских вооруженных сил, что их стратегическое сосредоточение осуществлялось в непосредственной близости от границы.

Вот почему теперь, спустя много лет после войны Г.К. Жуков, пытаясь трезво оценить прошлое, справедливо заключает, что если бы даже удалось осуществить советский план войны, то и тогда самое большее, на что можно было бы рассчитывать, так это только на то, чтобы причинить немцам больше потерь, но он не говорит о том, что в этом случае можно было избежать поражения.

Таким образом, независимо от того, как действовали прочие факторы, обусловливающие боеспособность советских войск, одно только сосредоточение этих войск к началу войны у самой границы предопределило в указанных условиях неизбежность их поражения. Вместе с тем катастрофические последствия стратегического сосредоточения советских войск у госграницы были еще более усилены действием других факторов, и в их числе последующими решениями советского высшего командования. Эти решения были направлены на то, чтобы, вопреки сложившимся условиям, вырвать у противника стратегическую инициативу с тем, чтобы все-таки провести в тот план войны, который был утвержден весной 1941 года. Мы уже указывали на то, что наряду с охарактеризованной выше главной причиной поражения Красной Армии, действовали в том же направлении и другие факторы. Их роль состояла в том, что они в последующих боях ослабляли силу сопротивления советских войск, снижая эффективность их усилий, направленных на то, чтобы изменить ход событий в свою пользу, либо на то, чтобы остановить или хотя бы задержать, замедлить темпы продвижения немецких войск вглубь советской территории. Ослабляя эти усилия советской армии, упомянутые факторы тем самым не только усилили эффект главной причины, но и увеличили его длительность. Из этих факторов укажем на следующие главнейшие.

1. Неквалифицированное, или, лучше сказать, невежественное руководство Сталина военными действиями Красной Армии, что вело к

грубым ошибкам и крупным неудачам не только оперативного, по и стратегического характера. Хорошей иллюстрацией этого являются мемуары маршалов Жукова и Василевского.

2. Низкий уровень квалификации командных кадров Красной Армии, что явилось следствием репрессий 1937-1939 гг., повлекших за собой преждевременное повышение в должности не соответствующих по рангу и недостаточно опытных командиров.

3. Нехватка вооружения и снабжения, которая обнаружилась в первые же недели войны. Действие этого фактора явилось следствием потери в начале войны складов и баз, сосредоточенных на территории приграничных округов.

4. Необеспеченность войск средствами связи, что до крайности затрудняло и снижало эффективность управления войсками, разбросанными на огромном фронте, протяженностью в несколько тысяч километров.

5. Необеспеченность армии автотранспортом, резко снижавшая возможности маневрирования войск, чем ставило их в невыгодное положение сравнительно с немецкими войсками.

Действие каждого из этих факторов в отдельности и всех их вместе взятых, конечно, вело к значительному увеличению потерь советской армии в живой силе и технике, к снижению ее боеспособности, к отдельным крупным неудачам и поражениям местного характера. Однако не они вызвали катастрофу, в какую была ввергнута Красная Армия в июне 1941 года. Они лишь усугубляли в ходе военных действий тяжесть борьбы и затягивали продолжительность усилий советских вооруженных сил, направленных на ликвидацию катастрофы и ее последствий.

В процессе войны действие этих факторов затухало, и вследствие этого эффективность борьбы советских войск с гитлеровцами становилась все более ощутимой.

Действие первых двух факторов по мере накопления военного опыта ослаблялось. Ослабление действия остальных трех факторов было обусловлено не только ростом производства военной техники. Огромную роль в этом отношении сыграли поставки по Ленд-лизу. К таким поставкам относятся:[1]

Танки	7 000 шт.
Самолеты разных типов	14 000 шт.
Взрывчатые вещества	344 000 тонн
Полевые телефоны	420 000 шт.
Телефонные провода	1,5 млн км

[1] Журнал "Америка", 1965, март, № 102.

Грузовики и Виллисы	400 000 шт.
Нефтепродукты	2 млн тонн
Паровозы	1 825 шт.
Жел.-дор. платформы	10 000 шт.

Возможно, более подробно на действии упомянутых факторов и, в частности, на последующих решениях мы остановимся в дальнейшем, в одном из специальных приложений к настоящей работе.

Продолжим, однако, наш комментарий.

Авторы "Военной стратегии" характеризуют причины поражения советских войск в начале войны следующими общими выражениями, избегая конкретных фактов. Читаем:

"Отсутствие учета реально сложившейся обстановки, недооценка возможностей противника и переоценка своих возможностей привели к тому, что советское командование, зная о том, что противник может упредить нас в стратегическом сосредоточении и развертывании, не проявляло должной гибкости в руководстве вооруженными силами и не создало (с учетом вероятных направлений ударов противника) соответствующих оборонительных группировок, способных отразить первые массированные удары противника и тем самым полностью обеспечить мобилизацию, сосредоточение и развертывание вооруженных сил".[1]

Соглашаясь в принципе с приведенной оценкой деятельности советского высшего военного руководства накануне и в начале войны, мы, однако, не можем удовлетвориться этими лишенными конкретного содержания положениями. Мы должны дать себе ясный отчет, в чем именно заключалось или как проявлялось: а) "отсутствие учета реально сложившейся обстановки", б) "недооценка возможностей противника" и в) "переоценка своих возможностей".

Авторы "Военной стратегии", как и другие советские авторы военных мемуаров и работ по истории Второй мировой и отечественной войны, умалчивают о том, что Сталин, основываясь на том, что война между Германией и Англией продолжается, делал из этого заключение, что нападение гитлеровских войск на Советский Союз в этих условиях невозможно. В этом и заключалось отсутствие учета реально сложившейся обстановки… накануне войны.

Советский план войны предусматривал, что советские войска "должны были завершить сосредоточение в заранее намеченные районы с 1 июня по 10

---

[1] Военная стратегия, стр. 190.

июля 1941 г."[1] Следовательно, советское руководство ориентировалось на то, что немецкие вооруженные силы будут сосредоточены еще позднее, что представляло собой абсолютное незнакомство с реально сложившейся обстановкой.

Далее Сталин по опыту Первой мировой войны считал, что война между Германией и СССР будет длительной, но, игнорируя опыт Второй мировой войны, был убежден в том, что Гитлер также ориентируется на длительную войну с Советским Союзом. Отсюда Сталин делал вывод, что главный удар гитлеровских войск будет направлен на Украину и Донбасс. В этом также сказалось отсутствие учета реально сложившейся обстановки накануне войны.

Основываясь на продолжающейся войне Германии и Англии, Сталин, Жуков и Тимошенко были убеждены в том, что немцы будут способны сосредоточить против СССР менее половины своих сил. — Это была недооценка возможностей противника.

Из истории Первой мировой войны советскому командованию было известно, что первые операции начались лишь частью сил. И советское военное руководство, вопреки практике германских вооруженных сил во Второй мировой войне, ориентировалось на то, что германское командование начнет боевые действия лишь частью своих сил. В этом расчете также сказалась недооценка возможностей противника и отсутствие учета реально сложившейся обстановки к началу войны.

Наконец, следует указать на то, что советское командование, ориентируясь на значительный количественный перевес сил Красной Армии, считало, что Гитлер не осмелится напасть на СССР, вследствие чего сосредоточение немецких вооруженных сил на востоке представляет собой лишь попытку шантажа с целью вынудить советское правительство пойти на далекоидущие уступки в экономических и политических вопросах.

Ориентируясь на численный перевес сил Красной Армии и игнорируя другие факторы, определяющие боеспособность вооруженных сил, Сталин планировал наступательные действия советских войск в самом начале войны.

В этом сказалась переоценка возможностей Красной Армии и недооценка возможностей германской армии.

Таким образом, советский план войны в своих главных основаниях (по крайней мере, в оценке намерений и возможностей противника) игнорировал опыт Второй мировой войны. Это обстоятельство не удивит нас, если мы вдумаемся в следующее свидетельство бывшего начальника Генерального штаба, маршала Василевского. В своих воспоминаниях он пишет:

---

[1] Н.П.В., стр. 211.

"И.В. Сталин справедливо требовал, чтобы военные кадры решительно отказывались от тех взглядов на ведение войны, которые устарели, и настойчиво овладевали опытом развернувшейся войны. Но сам он это делал в то время не так-то быстро, как нам хотелось бы, и был более склонен вести боевые действия до некоторой степени прямолинейно…"

Таким образом, даже в ходе развернувшейся Отечественной войны Сталин не в состоянии был освоить ее опыт. Что же следует говорить о том времени, когда создавался план войны? Если в ходе войны Сталин не принимал во внимание опыта собственных вооруженных сил, то ничего удивительного нет в том, что к опыту кампании в других странах он был вовсе глух и слеп. Процесс "выучки" будущего генералиссимуса был довольно длительным. Об этом маршал Василевский говорит далее:

"И вот для всех нас постепенно становится заметным, как он стал все более глубоко мыслить категориями современной войны, исключительно квалифицированно решать вопросы военного искусства. Важной вехой стала Сталинградская битва. Но, пожалуй, в полной мере владеть методами и формами руководства вооруженной борьбы по-новому он стал лишь в ходе сражения на Курской дуге".[1]

Итак, первые положительные следствия "ликбеза" стали сказываться для Верховного главнокомандующего лишь после полуторагодичного обучения (Сталинградская битва началась в ноябре 1942 года). Однако это был только "ликбез". "Верховный" продолжал по-своему руководить операциями, лишь медленно постигая методы современной войны. Требовалось учиться на "живом материале" еще полгода (начало сражения на Курской дуге — 5 июля 1943 г.), чтобы завершить курс обучения.

Как же в процессе обучения руководил войной недоучившийся генералиссимус? Еще раз обратимся к маршалу А.М. Василевскому. Он рассказывает:

"Сначала И.В. Сталин высказывал резкое недовольство деятельностью Генштаба. Тяжелая обстановка на фронтах порождала многие недостатки в деятельности Генштаба. К тому же, не скрою, И.В. Сталин не всегда принимал оптимальные решения, не всегда проявлял понимание наших трудностей…

И.В. Сталин, как Верховный главнокомандующий, вызывал для рассмотрения очередного вопроса то одно, то другое ответственное лицо как с фронта, так и из тыла. Он требовал исчерпывающих сведений по любому обсуждавшемуся вопросу и, получив таковые, иногда спрашивал совета, а в первое время чаще сразу решал сам, отдавая распоряжения без единого лишнего слова…

---

[1] А.М. Василевский. Дело всей жизни. М., 1974, стр. 127.

…Были в деятельности Сталина того времени и просчеты, причем иногда серьезные. Тогда он был неоправданно самоуверен, самонадеян, переоценивал свои силы и знания в руководстве войной. Он мало опирался на Генеральный штаб, далеко не достаточно использовал знания и опыт его работников. Нередко без всяких причин поспешно менял кадры военачальников. В таких условиях Генштаб не мог развернуться и работать в полную меру своих сил, не на должном уровне выполнял свои функции, как рабочий орган Ставки".[1]

Если при таком избытке решительности и недостатке военных знаний осуществлялось Верховным главнокомандующим руководство войной, то легко можно себе представить, в каких условиях и сколь квалифицированно осуществлялась разработка плана войны, когда пинки и тяжелые удары, какие он получал от вермахта, еще не научили Сталина прислушиваться к советам квалифицированных военных и выносить свои решения с большей осмотрительностью и с лучшим знанием военного дела. Трагедия этого обучения Сталина искусству современной войны заключалась в том, что за такую "науку" платила страна миллионами жизней лучшей части своего населения. Невозможно в точности определить, каковы были "издержки" этого обучения, каких жертв оно стоило.

Напомним читателю, что разработка советского плана войны против Германии, как и разработка плана "Барбаросса", стали возможными лишь после того, как между СССР и Германией была установлена общая граница, что явилось следствием заключенного 23 августа 1939 года советско-германского пакта о ненападении.

Теперь можно дать ответ на вопрос о главной причине поражения советских вооруженных сил в начальный период войны 1941-1945 гг. Краткая формула этого ответа: главной причиной поражения была порочность советского плана войны. И в самом деле, — советский план был разработан на основе убеждения советского верховного командования в том, что гитлеровское командование при невыгодном для него соотношении сил и вооружения на советско-германском фронте не решится начать против советской армии наступательные действия. Из этой установки советское верховное командование пришло к заключению, что инициативу в открытии военных действий должна и может взять себя советская армия. Исходя из этого, советское командование приняло решение сосредоточить и развернуть свои вооруженные силы в непосредственной близости от государственной границы для того, чтобы сразу же вторгнуться на территорию противника. Это решение базировалось на пренебрежении опытом Первой и Второй мировых войн, на игнорировании опасной возможности упреждающего нападения

---

[1] А.М. Василевский, стр. 126-127.

немецких вооруженных сил. В основе такого решения лежало высокомерно-самоуверенное невежество и авантюризм советского верховного командования.

РЕЗЮМЕ

На этом заканчивается рассмотрение внешней политики советского правительства за период 1939-1941 гг. В ходе этого исследования было установлено следующее:

Генеральной линией советской внешней политики, направляемой в этот период Сталиным, являлась не охрана завоеваний социализма от покушений внешних врагов, не защита страны от агрессии, не оборона СССР, а установление советского строя в Европе.

Исходя из агрессивных намерений Гитлера в отношении Польши и противодействия этому западных держав, Сталин разработал политическую и военную стратегии, которые должны были по его мысли способствовать успеху его внешней политики.

Политическая стратегия Сталина должна была облегчить Гитлеру возможность начать и вести войну в Европе. Добиться этого можно было лишь обеспечив Германии безопасный тыл на Востоке и снабжение ее продовольствием, сырьем и горючим, что мог взять на себя Советский Союз. Используя заинтересованность в этом Гитлера, Сталин заключил с ним германо-советский пакт 23 августа 1939 года.

Этим договором был успешно завершен первый этап разработанной Сталиным политической стратегии.

Такая стратегия, развязавшая войну в Европе, должна была, по мнению Сталина, способствовать взаимному истощению сил Германии и западных держав и тем самым создать благоприятные предпосылки для вмешательства Советского Союза в этот конфликт путем вторжения Красной Армии в предел гитлеровского рейха и разгрома немецких войск.

Следующим этапом стратегии Сталина было использование условий заключенного договора для занятия Красной Армией таких походных позиций, которые благоприятствовали ей в решении задачи вторжения на территорию Германии и захвата жизненно важных для нее центров снабжения сырьем и горючим.

Этот этап также был успешно завершен путем раздела Польши, аннексии прибалтийских государств и Бессарабии и победы над Финляндией, в результате чего СССР стал соседом Германии.

Теперь на очереди стояло осуществление третьего этапа той внешней политики, которая должна была обеспечить Сталину достижение поставленной им цели. К реализации этого этапа можно было приступить лишь путем использования инструмента войны, ибо существо этого этапа заключалось в том, чтобы сломить неизбежное сопротивление немецких вооруженных сил тому решению, какое Сталин собирался навязать Германии.

Исходя из того, что война есть продолжение политики, Сталин, в соответствии со своей политической стратегией, разработал свою военную стратегию. Суть последней заключалась в следующем:

Сосредоточить превосходящие немцев силы советской армии у границы германского рейха и, воспользовавшись тем, что вооруженные силы Германии будут ослаблены длительными и тяжелыми сражениями и связаны активными боевыми действиями на Западе, внезапно обрушить удар на Германию и вторгнуться в ее пределы для того, чтобы разгромить немецкую армию и добиться победы.

Между тем начавшаяся в Западной Европе война, которая в стратегии Сталина занимала ключевое место, не оправдала расчетов будущего генералиссимуса. Обеспечив Гитлеру безопасность тыла на Востоке, Сталин тем самым позволил ему обрушить все свои силы на Францию. Война на Западе продолжалась всего лишь полтора месяца и закончилась поражением союзников, не истощив при этом сил Германии, как на это рассчитывал Сталин. Так советский Верховный главнокомандующий помог Гитлеру ликвидировать второй фронт, который впоследствии был так необходим Советскому Союзу для облегчения положения Красной Армии.

В создавшихся условиях Сталину оставалось только надеяться на то, что Англия не пойдет на заключение мира с Германией, угрозой высадки войск на континенте будет сковывать значительную часть немецких сил и тем отвлечет их от Восточного фронта.

Таким образом, те условия, в каких оказались немецкие вооруженные силы после войны на Западе, решительно изменились в сравнении с теми, на какие рассчитывал Сталин, заключая договор с Гитлером. В то время Сталин считал, что немецкая армия будет настолько обессилена войной на Западе и так прочно связана активными боевыми действиями против Англии и Франции, что о возможности ее нападения на СССР не будет и речи.

После капитуляции Франции действительность оказалась не столь благоприятной для замыслов Сталина. Германская армия не была истощена длительными и кровопролитными сражениями, она также не была связана активными боевыми действиями на Западе, и поэтому ее инициативу в открытии военных действий против СССР нельзя было считать невозможной. Это обстоятельство решительно меняло те благоприятные условия вступления в войну, какие предусматривал Сталин для Красной Армии. На очередь встал вопрос об изменении советского плана войны против Германии. Этот план уже не мог ориентироваться на инициативу Красной Армии в открытии военных действий против Германии. Теперь он должен был исходить из возможности нападения Германии на СССР. Однако, опираясь на значительный численный

перевес сил советской армии, Сталин принял решение взять инициативу в свои руки в предстоящем конфликте с Германией.

Поэтому план стратегического сосредоточения и развертывания советских войск был оставлен Сталиным без изменения. Иными словами говоря, Сталин распорядился произвести стратегическое сосредоточение вооруженных сил СССР в районах, примыкающих к государственной границе, пренебрегая крайней опасностью такого сосредоточения.

Этим решением советские вооруженные силы были поставлены под удар отмобилизованных армий Германии…

Подводя итоги изложенному, подчеркнем, что политическая стратегия Сталина, приведшая к установлению общей германо-советской границы, тем самым создала то главное условие, без наличия которого трагедия 22 июня 1941 года была бы невозможна.

С другой стороны, военная стратегия Сталина, в условиях общей советско-германской границы, сделала неизбежным разгром советских войск в начальный период войны 1941-1945 гг.

Такова была связь катастрофы 22 июня 1941 г. с советско-германским договором 23 августа 1939 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ

О ГЛАВНОМ ФАКТОРЕ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ВОЙНЕ ПРОТИВ ГЕРМАНИИ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

1. ВОПРОС, ПОСТАНОВЛЕННЫЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЕЙ, И ЕЕ ОТВЕТ НА НЕГО

Как известно, Вторая мировая война закончилась поражением стран "оси" Рим — Берлин — Токио, а в Европе — поражением Германии как главного и последнего военного противника государств антигитлеровской коалиции.

Естественно, что после этой войны перед исторической наукой был поставлен вопрос о причинах поражения Германии. Выяснением и рассмотрением этих причин, как правило, завершаются работы по истории Второй мировой войны.

Подобно этому и советские историки в своих публикациях об истории Великой Отечественной войны тоже пытаются осветить проблему поражения Германии, но в ином ракурсе. Они задаются вопросом о причинах, обусловивших не поражение Германии, а победу СССР над Германией.

Такая постановка задачи мотивируется в советской историографии тем, что СССР играл особо выдающуюся роль в антигитлеровской коалиции.

Здесь нет необходимости касаться этого специального вопроса, так как мы надеемся уделить ему в дальнейшем особое внимание. В этой работе мы намерены рассмотреть указанный выше вопрос, поставленный советской историографией.

Отвечая на упомянутый вопрос, советская военно-историческая наука указывает в первую очередь на превосходство вооруженных сил СССР над германской армией как непосредственную причину победы Советского Союза.

Это превосходство иллюстрируется следующими данными о численности войск и вооружения Германии и СССР на советско-германском фронте и об изменении их соотношения в ходе войны.

Численность войск и вооружения Германии и СССР на советско-германском фронте [1]

		Декабрь 1941 г.	Май 1942 г.	Ноябрь 1942 г.	Июнь 1943 г.	Январь 1944 г.	Июнь 1944 г.	Январь 1945 г.
Личный состав действующих фронтов и флотов (в тыс. чел.)	Германия	5 093	6 198	6 270	5 325	4 900	4 005	3 100
	СССР	4 197	5 534	6 124	6 442	6 165	6 425	6 532
	в % к Германии	82	90	94	121	126	160	211
Орудия и минометы (без 50-мм минометов и Р.С.)	Германия	36 430	56 940	70 980	56 250	54 570	48 635	28 500
	СССР	32 194	40 798	77 734	103 085	22 650	92 557	108 000
	в % к Германии	88	72	110	183	170	190	379
Танки, САУ (штурмовые орудия)	Германия	1 453	3 230	6 800	5 850	5 400	5 250	3 950
	СССР	1 984	4 959	6 956	9 918	5 357	7 753	12 900
	в % к Германии	137	154	102	170	99	148	327
Боевые самолеты	Германия	2 465	3 395	3 500	2 980	3 073	2 796	1 960
	СССР	3 688	2 480	3 254	8 357	8 500	13 428	15 540
	в % к Германии	150	73	93	286	277	480	793

[1] Таблица составлена на основании данных, приведенных в кн. Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945 гг. Краткая история. М., 1965, стр. 569.

Авторы книги, откуда приведены эти данные, комментируют их следующим образом.

"Вопреки экономическим трудностям, которые переживала страна, несмотря на крупные потери на фронтах, Красная Армия к началу последней кампании 1944/45 гг. имела по сравнению с осенью 1942 г. больше, чем противник: солдат и офицеров — более чем в 2 раза, танков и самоходных артиллерийских установок — более чем в 3 раза, орудий и минометов — почти в 4 раза, самолетов — в 8 раз. Это ли не самое яркое убедительное доказательство жизнеспособности и могущества военной организации социалистического государства!"[1]

Как бы подчеркивая значение приведенных данных, авторы "Краткой истории Великой Отечественной войны" пишут:

"Вооруженные Силы СССР одержали полную победу над немецко-фашистской армией. Военная организация социалистического государства оказалась совершеннее, могущественнее военной организации агрессивного фашистского империалистического государства".[2]

Что же дало возможность Советскому Союзу, несмотря на тяжелые условия войны, добиться столь значительного военного превосходства над Германией?

Советская историография считает, что это стало возможным благодаря передовому, прогрессивному социально-экономическому строю СССР, который находился на более высокой ступени развития, чем строй гитлеровской Германии.

Об этом в "Краткой истории Великой Отечественной войны" читаем:

"Не «военное счастье», не случайности привели Красную Армию к блистательной победе. Конечный исход гигантской схватки двух армий был обусловлен рядом закономерностей. Важнейшие из них — преимущества экономической и политической организации социалистического общества, его передовой марксистско-ленинской идеологии.

Основу военной мощи государства составляет его экономика, которая оказывает определяющее влияние на ход и исход войны".[3]

А вот что об этом пишет известный советский историк Отечественной войны 1941-1945 гг. П.А. Жилин:

"Поражение фашистской Германии в войне против СССР было закономерным явлением. Это была победа передового и прогрессивного советского общественного и государственного строя над самой реакционной

---

[1] Там же.
[2] Цит. соч., стр. 582.
[3] Цит. соч., гл. 22.3.

силой империализма — фашизмом. Социализм, открывший невиданные возможности для хозяйственного и культурного расцвета советского государства, обусловил то политическое, экономическое и военное могущество СССР, которое с такой силой проявилось в войне против фашистской Германии и привело к великой победе".[1]

В различных вариантах формулировок эта мысль высказывается во всех работах советских авторов об истории Отечественной войны. Поэтому мы ограничиваемся цитированием лишь одного П.А. Жилина — наиболее известного советского историка войны СССР против Германии в 1941-1945 гг.

Здесь не место обсуждать вопрос о том, действительно ли своим военным и экономическим могуществом Советский Союз был обязан социалистическому строю. Однако, как сама постановка вопроса о победе СССР, так и ответ на него советской историографии представляются сомнительными, и вот почему.

Во-первых, какую бы роль ни играл Советский Союз в войне против Германии, невозможно игнорировать тот факт, что победа над гитлеровцами была одержана не одним Советским Союзом, а всей антигитлеровской коалицией в целом.

Участие Англии и США в войне против Германии не только не было безразличным для СССР, но и имело для него огромное значение: оно не могло не сказаться на ходе и итогах войны на германо-советском фронте. Ведь германские войска не только сражались против СССР, но были также связаны на других театрах войны, что, конечно, ослабляло мощь тех сил вермахта, какие действовали против советской армии и, следовательно, содействовало усилиям советских вооруженных сил в борьбе с Германией. Достаточно вспомнить, что из имевшихся в распоряжении Германии к моменту ее нападения на СССР 209 дивизий, на Востоке находилось 149 дивизий, а остальные 60 дивизий, или около 30%[2] германских войск, было связано вне советско-германского фронта.

Следовательно, рассматривать вопрос о победе над Германией без учета вклада в эту победу Англии и США — значит стать в противоречие с исторической правдой.

Вместе с тем даже при подчеркивании роли и значения участия Англии и США в достижении победы вполне допустимым является изолированное

---

[1] П.А. Жилин. Как фашистская Германия готовила нападение Советский Союз (расчеты и просчеты). Изд. 2-е. М., 1966, стр. 254.

[2] См. Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии 1933-1945 гг., т. 2, М., 1958, стр. 152.

рассмотрение лишь внутренних факторов победы, одержанной на советско-германском фронте.

Такое ограничение задачи изучения причин, обусловивших победу над Германией, не означает, однако, отрицания или даже снижения важной роли таких внешних для советско-германского фронта факторов победы, как участие союзников в общей борьбе с гитлеровскими агрессорами.

В этом очерке будут рассмотрены лишь те факторы, обусловившие победу на советско-германском фронте, какие действовали только на этом фронте.

В дальнейшем, говоря о победе СССР над Германией, мы будем иметь в виду участие Советского Союза в общей победе антигитлеровской коалиции над Германией.

Во-вторых, из изложенного следует, что Германия была побеждена не только страной социализма, но и капиталистическими странами. А это значит, что для достижения победы над Германией не обязательно было обладать таким счастливым преимуществом, как социалистический строй.

В-третьих, в основе ответа советской историографии лежит убеждение в том, что более высокая ступень в социально-экономическом развитии, на которой находится данное государство, обусловливает неизбежность его победы в войне против государства, уступающего ему в этом отношении.

Между тем никто из советских историков еще не указывал на то, что социально-экономический строй Англии и США был более прогрессивным, более передовым, чем строй Германии, и что это обстоятельство привело их к победе над Третьим рейхом.

Исторический опыт также не подтверждает такой закономерности. Достаточно вспомнить поход Наполеона в Россию в 1812 году. В этой войне буржуазная Франция не только не одолела крепостническую Россию, но, наоборот, крепостническая Россия Александра I одержала победу над буржуазной Францией Наполеона I.

В-четвертых, ответ советской историографии рассматривает вопрос о поражении Германии на советско-германском фронте изолированно от событий Второй мировой войны, какие предшествовали и сопутствовали победе над Германией. Этот ответ дается вне всякой связи с тем, что Отечественная война 1941-1945 гг. была не только частью, но и продолжением Второй мировой войны 1939-1945 гг. Это обстоятельство обязывает историка рассматривать ход военных действий на советско-германском фронте в сравнении с предшествующими и сопутствующими событиями на других европейских фронтах.

Армии всех государств Европы, оказавшиеся объектом гитлеровской агрессии, неизменно терпели поражения с самого начала вторжения германских войск на их территории.

Советская армия, даже несмотря на ее значительное преимущество, по сравнению с Польшей и Францией, в том, что она имела большой запас времени, какой был необходим для подготовки к войне с Германией, все-таки не была исключением; она также с первого дня военных действий и в течение длительного периода времени терпела поражения и вынуждена была, подобно другим армиям европейских стран, отступать под ударами вермахта вглубь своей страны, уступая врагу значительную часть своей территории.

Тяжелые поражения, какие германская армия наносила своим противникам, как правило, приводили последних к такому положению, при котором они были не в состоянии оказывать дальнейшее сопротивление врагу, и им не оставалось ничего другого, как капитулировать. Так, например, обстояло дело с такими самым крупными по своей территории государствами Европы, как Польша и Франция.

Лишь Советский Союз был тем единственным государством континентальной Европы, которому, несмотря на длительный период поражений его армии, на жестокие потери в живой силе и технике и на утрату значительной части своей территории, все-таки удалось устоять под ударами и натиском гитлеровских армий и, избегнув участи других стран — объектов нацистской агрессии, продолжать борьбу до победы над Германией вместе с союзниками.

Таким образом, прежде, чем СССР совместно со своими союзниками одержал победу над Германией, он, несмотря на нанесенные ему, подобно другим странам, тяжелые поражения, все же, в отличие от этих стран, сохранил способность продолжать войну.

При таком ходе событий на вопрос, поставленный советской историографией о причинах победы СССР в войне с Германией, ответ может быть только один: участие СССР в победе над Германией стало возможным только благодаря тому, что он не был побежден гитлеровцами в тот период войны, когда он терпел одно поражение за другим. Ибо, если бы СССР не устоял в борьбе с Германией в первый период войны, то об участии Советского Союза в общей победе над Германией и речи не могло бы быть.

В-пятых, ответ советской исторической науки на вопрос о причинах победы СССР можно было бы счесть правомерным, если бы сколько-нибудь убедительно было утверждение, что победы, одержанные на советско-германском фронте, были обусловлены тем, что СССР обладал преимуществами социалистического строя.

Ведь если бы все дело заключалось только в наличии указанных преимуществ социализма, то эти преимущества должны были бы сказаться на ходе войны с самого начала нападения Германии на СССР. Агрессия Германии должна была бы сразу же натолкнуться на мощный контрудар советской армии, в результате которого вооруженные силы Германии были бы опрокинуты, и война немедленно была бы перенесена на территорию, лежащую вне пределов советских границ. Таким образом, в силу наличия в СССР преимуществ социализма должно было бы с самого начала войны оправдаться предсказание Ворошилова, сделанное и на XVIII съезде ВКП(б), согласно которому "мы будем воевать не на своей территории". Таков должен был бы быть ход войны на советско-германском фронте, если бы ответ советской историографии о наличии социалистического строя как решающего фактора победы соответствовал действительности.

Ход войны, однако, показал, что одного наличия "преимуществ социализма" было совершенно недостаточно, чтобы одержать верх над германской армией.

Как известно, к началу войны СССР был наделен всеми перечисленными выше преимуществами социалистического строя, но эти преимущества не избавляли советскую армию от горечи поражений, какие она испытывала в течение полутора лет. Следовательно, социалистический строй с его преимуществами, как могучий и решающий фактор победы Советского Союза, оказался бессильным в течение первого, довольно длительного периода войны с Германией.

Лишь в конце 1942 года эти "преимущества социализма", как бы пробудившись от летаргического сна, начали, согласно советским историкам, активно проявлять себя.

Таким образом, сами по себе "преимущества социалистического строя" были не в состоянии обеспечить победу СССР. Понадобилось действие особых факторов, чтобы указанным преимуществам была обеспечена возможность проявить себя и создать перелом в войне в пользу Советского Союза.

Ссылка на социализм не вносит ясности в понимание причин победы. Действие "преимуществ социалистического строя", ничего здесь не объясняя, само нуждается в объяснении, поскольку остается совершенно непонятным, почему эти преимущества после длительного бездействия вдруг дали о себе знать.

Ответ советской историографии на ею же поставленный вопрос мы вынуждены признать несостоятельным, поскольку он игнорирует факт длительного бездействия "преимуществ социалистического строя" и обходит молчанием вопрос о том, какие факторы пробудили к жизни эти

преимущества. А между тем эти обстоятельства являются гвоздем поставленной проблемы, так как, если бы СССР был побежден в тот период войны, когда бездействовали "преимущества социалистического строя", то вопрос об участии СССР в победе над Германией никогда не был бы поднят.

Что же касается самого вопроса, поставленного советской историографией, то из изложенного следует, что такая постановка его является бесплодной, ибо ответ на этот вопрос отсылает нас к другому, новому вопросу, который, по существу, и следовало рассматривать вместо вопроса, поставленного советскими историками.

То обстоятельство, что война для Советского Союза началась, подобно другим государствам европейского континента, с ряда тяжелых поражений, нанесенных его армии, дает нам основание поставить вопрос о том, почему, подобно другим странам — жертвам гитлеровской агрессии, СССР не был побежден Германией. Необходимость именно такой постановки вопроса подкрепляется тем соображением, что участие СССР в общей победе над врагом явилось следствием того, что он не был побежден в войне против Германии.

Ответ на этот вопрос и даст нам возможность установить, в силу каких причин СССР оказался в числе победителей Германии. Таким образом, мы должны ответить на следующий вопрос: почему, несмотря на то, что длительное время СССР терпел тяжелые поражения в войне, он все же устоял под ударами вермахта и не был побежден Германией.

2. РОЛЬ ДЛИТЕЛЬНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ СССР ГИТЛЕРОВСКОМУ НАШЕСТВИЮ

При сравнении хода военных действий в странах — объектах гитлеровской агрессии сразу же привлекает к себе внимание тот факт, что СССР резко выделяется из них исключительно длительным сопротивлением наступлению германских войск.

Война для Польши началась с нападения на нее Германии 1 сентября 1939 года. Эта война еще не была закончена, как на Польшу напал Советский Союз 17 сентября того же года. И 23 сентября с Польшей было покончено.

Так, польское сопротивление наступательным действиям агрессоров практически прекратилось на 28-й день после начала войны (в том числе под ударами германской армии — на 18-й день, а Красной Армии — на 12-й день).

Нападение Германии на Францию началось 10 мая 1940 года. Франция капитулировала 17 июля того же года. Следовательно, сопротивление французов германскому наступлению было прекращено на 39-й день. Что же касается советской армии, то она не прекращала своего сопротивления ни в тот период, когда немецкая армия с июня по ноябрь 1941 года наступала по всему советско-германскому фронту, ни в последующий, когда с ноября 1941 года по конец 1942 года немецкая армия продолжала наступательные действия лишь на отдельных направлениях, после чего сама перешла к оборонительным действиям.

Таким образом, длительность сопротивления советских войск наступлению германских армий на всем советско-германском фронте превышала длительность сопротивления поляков или французов в 5-6 раз. Общая же продолжительность сопротивления советских вооруженных сил германскому наступлению составила около 75 недель.

Значение этого факта было поистине огромным. Его роль в ходе войны на советско-германском фронте трудно преувеличить. Чтобы правильно оценить влияние на ход войны длительного сопротивления СССР нацистскому наступлению, обратимся к тому, что говорит нам военная наука о роли фактора времени в войне.

"Общеизвестно, что характер войны и способы ее ведения зависят в первую очередь от политических и экономических факторов, которые оказывают свое воздействие на развитие событий в войне через вооруженные силы, через военную технику и людей. Но было бы большой ошибкою не учитывать и другие, на первый взгляд второстепенные, факторы, которые при определенных условиях могут сыграть решающую роль не только в исходе отдельных боев, сражений, но и войны в целом.

К числу таких факторов можно отнести скорость, время, пространство… Успех или поражение в бою, операции и даже в войне в значительной мере можно рассматривать с точки зрения эффективности использования воюющими сторонами скорости, времени и пространства…

…Как известно, между скоростью, временем и пространством существует определенная математическая зависимость. Эта зависимость свободно перекладывается на язык военного искусства и находит соответствующее отражение в военном деле — в области тактики, оперативного искусства и стратегии. Например, всякое увеличение скорости дает выигрыш во времени и в пространстве и, наоборот, снижение скорости ведет к потере времени, уменьшает возможности в преодолении пространства; потерю времени на войне трудно, а подчас и невозможно компенсировать никакой скоростью; при недостатке времени и при небольшой скорости нельзя рассчитывать на преодоление больших пространств на поле боя, на проведение глубоких наступательных операций".[1]

Эти общие положения облегчат нам понимание существа интересующей нас проблемы, и прежде всего того, какое значение для достижения победы имело длительное сопротивление СССР немецкому наступлению, и какие закономерности обусловили возможность столь длительного сопротивления.

Прежде всего мы должны остановить свое внимание на обстоятельстве, представляющем для нас особый интерес. Мы имеем в виду различный характер использования времени как фактора силы в условиях наступления с одной стороны и обороны — с другой. Познакомимся с тем, что говорит об этом генерал-майор И.Г. Завьялов в своей работе. "Скорость, время и пространство в современной войне".

"В ходе войны воюющим сторонам часто приходится делать выбор между кратковременностью и продолжительностью военных действий, между быстротой и замедленностью в зависимости от того, какие преимущества может дать каждый из этих способов использования времени в условиях той или иной конкретной обстановки, какое влияние они могут оказать на состояние и последующие действия своих войск и противника.

Стремление использовать время в качестве фактора силы часто определяет и сущность стратегии определенных государств. "Стратегия измора, истощения и изматывания сил", "стратегия сдерживания", "стратегия молниеносных действий" — все эти названия говорят сами за себя. В основе их лежит ставка на использование времени в качестве фактора силы. В зависимости от этого определялись и способы ведения войны. Они были либо

---

[1] Генерал-майор Завьялов И.Г. Скорость, время и пространство в современной войне. Воениздат Министерства обороны. М., 1965, стр. 12, 16, 18.

пассивно-выжидательными, что было характерным, например, для западных союзников во Второй, а отчасти и в Первой мировой войне, либо отличались высокой активностью, как, например, действия немецко-фашистской армии на первом этапе Второй мировой войны.

Обычно сторона, более подготовленная к войне, имеющая хорошо обученные и технически оснащенные вооруженные силы, способные развить высокие скорости ведения боевых действий, оказывается более заинтересованной в кратковременной войне с тем, чтобы путем стремительных и мощных ударов сразу же парализовать волю противника к сопротивлению, не дать ему возможности привести себя в порядок и добиться в короткие сроки полной победы или поставить противника в явно безнадежное положение и вынудить его к капитуляции. Наоборот, сторона, вооруженные силы которой менее подготовлены к войне и не обладают способностью сразу же развить высокие скорости боевых действий, заинтересована в затягивании войны, которое позволяет ей выиграть время для накапливания сил, чтобы оказать должное противодействие противнику".[1]

Таким образом, вопреки стремлению нападающей стороны максимально сократить длительность военных действий с тем, чтобы успеть одержать победу до того, как противная сторона сумеет собраться с силами и организовать успешное сопротивление агрессору, обороняющаяся сторона в целях собственного самосохранения, истощения сил противника, выигрыша времени для накопления собственных сил, имея в виду нанесение в последующем контрудара противнику, заинтересована в затягивании войны. Недаром Клаузевиц говорил, что время является ангелом-хранителем обороняющегося.[2]

Далее цитируемый нами автор переходит к событиям интересующего нас периода. Он пишет:

…"по существу, весь первый период Великой Отечественной войны, продолжавшийся от ее начала и до ноября 1942 года, был периодом ожесточенной борьбы Красной Армии за выигрыш времени, необходимого для накапливания сил и средств и перехода к решительным действиям. В этот период Советский Союз и его Вооруженные Силы понесли наибольшие потери. Они определялись большим числом убитых, раненых и попавших в плен, утратой огромного количества военной техники, оставлением собственной территории, на которой до войны проживало свыше 44% всего населения страны, находились крупные города и промышленные районы, производили много угля, чугуна и стали, находилось 47% всех посевных

---

[1] Завьялов И.Г. Цит. соч., стр. 128, 129.
[2] Там же, стр. 131.

площадей. Чтобы вести войну до полной победы над агрессором, необходимо было воспроизвести и восстановить или восполнить все эти потери, а для этого опять же требовалось время, которое можно было выиграть только в упорной борьбе с врагом…

…Героическими усилиями советского народа на фронте и в тылу, ценою огромных жертв и потерь Советский Союз все же выиграл время, необходимое ему для развертывания стратегических резервов, создания материальной базы ведения войны, подготовки страны к решительному отпору и последующему разгрому немецко-фашистских полчищ".[1]

В свете изложенного нам теперь понятно, какое решающее значение для создания перелома в войне имело длящееся почти полтора года сопротивление Советского Союза наступлению немецких армий. В условиях тяжелых поражений для Советского Союза, как и для других государств, оказавшихся объектом гитлеровской агрессии, оставалась лишь надежда на максимально возможное затягивание войны.

С этой задачей СССР успешно справился, что дало ему возможность мобилизовать свои силы и средств для достижения победы над Германией. Эту же задачу государства континентальной Европы не решили, и им пришлось расплачиваться капитуляцией перед агрессором.

[1] Там же, стр. 133.

3. ЧТО ОБЕСПЕЧИЛО СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ ВОЗМОЖНОСТЬ ОДЕРЖАТЬ ПОБЕДУ В ВОЙНЕ ПРОТИВ ГЕРМАНИИ

Итак, Советскому Союзу в условиях поражений удалось надолго затянуть войну, без чего в его распоряжении не было бы достаточно времени, необходимого для создания и мобилизации сил и средств, с помощью которых можно было добиться перелома в войне и начать наступательные действия против агрессора.

Почему же Советский Союз сумел затянуть войну, а другие страны — объекты гитлеровской агрессии — не сделали этого? Какая особенность, присущая СССР и несвойственная странам европейского континента, обеспечила ему возможность выиграть время, необходимое для завоевания военного превосходства над врагом?

Опираясь на известные нам общие положения, характеризующие зависимость между временем, пространством и скоростью на войне, ответ на поставленный вопрос следует искать в сравнении СССР с другими странами — объектами гитлеровской агрессии прежде всего по протяженности их территории и глубине отступления их войск под ударами агрессора.

О влиянии величины территории СССР на ход военных действий тот же автор, которого мы цитировали выше, говорит следующее: "Большое значение фактору пространства в войне придавал М.В. Фрунзе. Говоря о будущей войне, которую придется вести Советскому Союзу, он указывал: "если бы обстановка сложилась очень неблагоприятно для нас, мы имеем целый ряд обстоятельств, которые не допустят возможности быстрой расправы с нами. Здесь в первую очередь мы, помимо союзников извне, имеем такого мощного союзника, как размеры нашей собственной территории".[1]

Эти предсказания М.В. Фрунзе подтвердились во время Великой Отечественной войны. Необъятные пространства нашей родины, действительно, оказались для нас надежным союзником. "Одна часть их была ареной ожесточенных сражений с немецко-фашистскими войсками, а на другой части, являвшейся оперативным тылом фронтов и глубоким тылом страны, осуществлялся маневр войсками, готовились резервы и ковалось оружие победы".[2]

---

[1] М.В. Фрунзе. Собрание сочинений, т. 3. Госиздат, 1927, стр. 113.
[2] Завьялов И.Г. Цит. соч., стр. 162.

И далее: "Огромные территории нашей Родины и на этот раз позволили советскому государству организовать решительный отпор агрессору, а затем и полностью разгромить его и принудить к безоговорочной капитуляции".[1]

Изложенное не оставляет сомнений в том, что затянуть войну для достижения преимущества над Германией Советскому Союзу удалось благодаря своей обширной территории. Последняя, с одной стороны, обеспечила советской армии возможность в течение длительного времени отступать вглубь своей страны, ведя оборонительные действия, что вело к выигрышу времени, необходимому, с другой стороны, для того, чтобы в глубоком тылу, недоступном воздействию вражеской бомбардировочной авиации, комплектовать резервные армии, готовить для них вооружение, снаряжение и все необходимое для того, чтобы изменить ход войны в свою пользу и добиться победы. Автор, на которого мы ссылались, указывает, что "объекты, удаленные на расстояние свыше 500-600 км от линии фронта", находились уже вне радиуса действия бомбардировочной авиации и "практически были уже недосягаемыми" для врага. "Большие пространства и во Второй мировой войне служили надежным щитом против всех имевшихся в то время средств поражения".[2]

Этим автор как бы подчеркивает то большое значение, какое имел глубокий тыл для достижения перелома в ходе войны.

Итак, роль обширной территории в достижении Советским Союзом победы была двоякой. С одной стороны, эта территория позволяла советским войскам отступать на значительные расстояния вглубь своей страны и тем выигрывать время для создания тех сил, какие должны были нанести врагу поражение. А с другой стороны, обширная территория СССР, даже несмотря на значительную глубину отступления советских войск, все-таки способна была обеспечить страну безопасным тылом, где можно было готовить средства, необходимые и достаточные для достижения победы.

Однако изложенные выше суждения и выводы, несмотря на их убедительность, все же не могут нас полностью удовлетворить, ибо они основаны на материале, имеющем односторонний характер, то есть относящемся исключительно к нашей стране и характеризующем влияние только обширной территории на длительность сопротивления агрессору.

Для полноты картины необходимо сравнить влияние не только обширных, но и относительно не очень больших территорий на длительность сопротивления агрессору страны, подвергнувшейся нападению. Под этим углом зрения кратко рассмотрим и сопоставим ход и итог военных действий в

---

[1] Там же.
[2] Там же, стр. 170.

трех кампаниях, проведенных германскими вооруженными силами: польской, французской и советской.

Так как показательность и удобство сравнения могут быть наилучшим образом обеспечены с помощью языка цифр, то в нижеприводимом сопоставлении мы будем пользоваться численными показателями:

а) общей протяженности территории государства, оказавшегося объектом агрессии,

б) глубины вторжения неприятеля или отступления войск обороняющейся стороны,

в) доли общей протяженности государственной территории, оказавшейся захваченной врагом,

г) то же — оставшейся не оккупированной врагом.

Соответствующие данные приводятся в следующей таблице, сопровождаемой необходимыми пояснениями.

Максимальная глубина вторжения агрессора или отступления войск, подвергшихся нападению[1]

	Начальный пункт вторжения	Конечный пункт вторжения	Глубина вторжения в км	Общая глубина территории государства	Глубина вторжения в % к общей глубине территории
Польша					
Германская армия					
Глубина с Запада на Восток					
Север		Белосток	430	650	66
Центр	Ломжа	Брест	490	760	66
Юг	Ратибор	Львов	460	570	70
В среднем			440	600	68
Польша					
Советская армия					
Глубина с Востока на Запад					
Север	Барановичи	Белосток	220	650	34
Центр	Припять	Брест	270	760	34
Юг	р. Случь	Львов	170	570	30
В среднем			220	650	34
Итого в среднем по Польше			660	660	100
Франция					
Германская армия					
а) Глубина с Востока на Запад					
Север	Аахен	Дюнкерк	270	270	100
– " –	Саарбрюккен	Канн	505	505	100
Центр	Кольмар	Лаваль	615	615	100
Юг	Базель	Мукен	345	345	100
В среднем			434	434	100

[1] См. сноску после таблицы.

б) Глубина с Севера на Юг Восток Центр Запад В среднем			 750 300 675 575	 1050 900 675 875	 71 31 100 67
СССР **Германская армия** Север Центр Юг	Брест	Сталинград	1500	9200	16

(Сноска к стр. 422-423)
Пояснения к таблице.

1. При определении максимальной глубины вторжения войск агрессора или отступления войск, подвергшихся нападению, мы исходили из направления этого движения по прямой; в Польше и в СССР — от восточных границ Германии в сторону восточных границ этих государств, а во Франции — от западных границ Германии в сторону западных границ Франции.

2. Максимальная глубина вторжения (или, соответственно, отступления) принималась по воздуху и определялась как средняя из трех измерений этой глубины; на правом, левом фланге и в центре фронта вторжения. Соответствующие данные приводятся в таблице.

3. Данные таблицы, относящиеся к Франции, требуют разъяснения в силу особых условий хода войны и нового направления франко-германской границы, установленной в результате капитуляции Франции.

Своеобразие положения во Франции определялось следующим.

а) Немецкие войска, наступая, двигались от франко-германской границы в западном направлении, и война была закончена, когда Германские войска вторглись на всю глубину французской территории, в ее северной и центральной части, до океанского побережья на западе.

В соответствии с этим в таблице указано, что глубина вторжения немцев на французскую территорию равнялась глубине всей территории Франции.

б) Однако после полного захвата севера и центральных районов Франции была установлена новая франко-германская граница, расположенная не параллельно прежней, довоенной — с севера на юг, а перпендикулярно к ней, то есть — с запада на восток. Эта новая граница отрезала север и центр Франции от ее южных районов.

Последние и стали той территорией нового государства с политическим центром в Виши, какое продолжало носить прежнее название великой державы Франции.

При новом направлении франко-германской границы глубина территории, захваченной немцами — с одной стороны — и оставленной в распоряжении Франции — с другой стороны — должна определяться в направлении, перпендикулярном к этой новой границе, то есть в направлении с севера на юг.

Таким образом, для определения глубины отступления французских и наступления немецких войск мы принимаем расстояние, покрытое ими по прямой, от восточной границы Франции в западном направлении. А для определения глубины французской территории, свободной от немецкой оккупации, нами принимается расстояние от новой северной границы Франции в южном направлении.

(Окончание сноски)

Как показывает таблица, общая протяженность территории Польского государства с запада на восток составляла в 1939 году в среднем 660 км. Польские войска вынуждены были отступать вглубь своей страны под ударами войск, напавших на нее с Запада и Востока, Германии и СССР. Сопротивление поляков продолжалось до тех пор, пока войска агрессоров не встретились друг с другом. В этих условиях польским вооруженным силам не оставалось места в пределах своего государства для дальнейшего сопротивления агрессору.

При этом германские войска вторглись в среднем на глубину 440 км, а советские в среднем на глубину 220 км. Немцам для этого было достаточно 18 дней, а советским войскам понадобилось 12 дней.

Таким образом, общая глубина вторжения агрессоров на территорию Польши составляла в среднем 660 км. Этой глубиной вторжения были полностью исчерпаны территориальные ресурсы Польского государства, и полякам ничего другого не оставалось, как прекратить организованное военное сопротивление врагу на своей территории.

Положение во Франции было несколько иным.

При общей протяженности территории Франции с востока на запад, равной в среднем 434 км, максимальная глубина вторжения германских войск, достигнутая в этом же направлении на 38-й день, составляла тоже 434 км. При этом германские войска вторглись на всю глубину территории Франции в ее северной и центральной части, где расположены наиболее развитые в промышленном отношении районы. Остальная же территория Франции, куда входили ее южные районы общей протяженностью (с севера на юг) в среднем 300 км, полностью находилась в зоне действия германской бомбардировочной авиации. Всем этим французская армия была поставлена в такие условия, при которых ее дальнейшее сопротивление в южной части метрополии являлось бесперспективным.

С совершенно иными масштабами протяженности государственной территории и глубины вторжения агрессора мы имеем дело в СССР.

Общая протяженность территории Советского Союза в генеральном направлении наступления германских войск, то есть с запада на восток, составляла в среднем 9200 км, что превосходило общую протяженность территории Польши почти в 14 раз, а Франции — в 21 раз. При этом глубина вторжения агрессора на территорию СССР в результате общего наступления по всему фронту немецких войск составляла (до Сталинграда) 1500 км. Это превышало глубину вторжения в Польшу в 3,5 раза, во Францию почти в 4 раза. При этом польская территория, как известно, была полностью захвачена агрессорами, а во Франции была оккупирована территория, глубина которой составляла в среднем 65% всей протяженности территории метрополии (с

севера на юг). Лишь 35% общей протяженности французской территории (с севера на юг), то есть в среднем 300 км, остались свободными от немецкой оккупации.

Что же касается той доли советской территории, какая была оккупирована гитлеровцами, то она составляла по глубине только 8% протяженности всей территории СССР с запада на восток, что было меньше доли польской территории в 12 раз, а французской — в 8 раз.

При этом в конце кампании свободная от оккупации территория в Польше равнялась нулю, во Франции она составляла по глубине 300 км, или 35% протяженности всей французской территории, а в СССР — 7700 км, или 84% общей протяженности его территории с запада на восток.

Таким образом, сравнивая абсолютные и относительные показатели глубины отступления польских, французских и советских войск под натиском германской армии, мы могли убедиться в том, что Советский Союз по сравнению с Польшей и Францией обладал колоссальным территориальным преимуществом. Конкретно это преимущество заключалось в том, что за спиной советской армии все время оставалась территория, куда она могла отступать, сохраняя при этом неуязвимость своего глубокого тыла от воздействия гитлеровской бомбардировочной авиации.

Польша же и Франция обладали во много раз меньшей территорией, чем СССР, и вследствие этого были лишены возможности путем отступления затянуть войну на столь же продолжительное время, как и Советский Союз. Кроме того, ни у Польши, ни у Франции не было на континенте столь удаленного от линии фронта и потому безопасного тыла, который мог бы им позволить создавать резервы, а также развивать военную промышленность.

4. О СКОРОСТИ ВТОРЖЕНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

В нашем сравнении мы исходили из того, что продолжительность сопротивления германскому вторжению стран, подвергшихся агрессии, определялась только глубиной вторжения гитлеровских войск на территории Польши, Франции и СССР. При этом мы считали, что продолжительность сопротивления гитлеровскому вермахту была тем дольше, чем длиннее был путь вторжения, и тем меньше, чем этот путь был короче.

Таким образом, в нашем сравнении и выводах из него мы игнорировали роль и влияние скорости продвижения германских войск вглубь захватываемых территорий. Правильнее было бы сказать, что в основу наших рассуждений было принято допущение, что скорость продвижения германских войск была примерно одинаковой во всех трех сравниваемых кампаниях — польской, французской и советской.

Это условно принятое нами положение, основанное на соображениях методологического характера, вместе с тем базировалось и на том постулате, что каждому этапу развития военной техники соответствуют свои скорости передвижения войск как на поле боя, так и на театре военных действий.

По этому поводу генерал-майор Завьялов И.Г. высказывается следующим образом:

"Скорости передвижения войск на поле боя прогрессивно возрастали по мере усовершенствования боевых транспортных средств, по мере увеличения мощности двигателей, т.е. по мере развития соответствующей материально-технической базы. Это можно проследить на развитии сухопутных войск.

До Первой мировой империалистической войны и в ходе ее скорость наступления пехоты определялась физическими возможностями человека, а также скоростью и мощностью воздействия имевшихся в то время средств поражения. В лучшем случае она не превышала 10-12 км в день. К концу Второй мировой войны темпы наступления войск на поле боя уже в значительной мере стали определяться степенью их моторизации и механизации. На помощь физической силе человека пришел мотор, и скорость наступления сухопутных войск увеличилась в 4-5 раз и более, достигая 40-45 км в день, а танковые войска нередко продвигались со скоростью 60-70 км в день и больше".[1]

Эти средние скорости продвижения наступавших войск, характерные для Второй мировой войны, и были приняты нами в качестве равных условий при сравнении длительности наступательных действий германских войск в

[1] И.Г. Завьялов. Цит. соч., стр. 29-30.

Польше, Франции и СССР при разной глубине вторжения этих войск на территорию перечисленных государств.

Говоря о скорости продвижения наступающих войск, следует иметь в виду, что речь идет о явлении, совершенно отличном от движения точки по прямой или от передвижения тела на плоскости. Если в первом случае мы говорим о движении, не встречающем сопротивления, а во втором случае — о движении в условиях трения, то есть в условиях пассивного сопротивления внешней среды, то, говоря о скорости движения наступающих войск, мы должны помнить, что перед нами результат активного противоборства двух сил со своими скоростями, направленными навстречу друг другу. При этом каждая из этих скоростей представляет собой результат действия сложного комплекса элементов, определяющих мощь и боевые качества войск.

Мы не будем перечислять и характеризовать эти элементы, так как это не требуется нашей задачей. О них специально идет речь в особом очерке о причинах поражения советских войск в первом периоде войны с Германией 1941-1945 годов. Поставленная перед нами задача — исходить из факта наступательных действий германских войск и вынужденного отступления польских, французских и советских армий, то есть исходить из факта преобладания мощи или боевых качеств германских войск (либо того и другого) над войсками перечисленных противников. Показателем степени указанного преобладания или соотношения противоборствующих сил является скорость продвижения наступающих войск вглубь обороняющейся страны.

Поставив задачу дать ответ на вопрос, почему СССР одержал победу в войне с Германией в 1941-1945 гг., мы в своем ответе не можем ограничиться изложенными соображениями и выводами, касающимися лишь влияния территории на длительность сопротивления обороняющейся стороны, так как до сих пор не принимали в расчет мощи и боевых качеств сражавшихся войск. Конечно, ни у кого не может быть сомнения в том, что мужественное и стойкое сопротивление советских вооруженных сил замедлило продвижение германской армии вглубь советской территории. И здесь нельзя не воздать должного самоотверженности советской армии. Не будь такого упорного сопротивления, германские войска достигли бы известной нам максимальной глубины вторжения в более короткие сроки, чем это было в действительности.

Однако все это можно и следует сказать не только о советской, но и о польской или французской армиях, которые с большим мужеством, стойкостью и самоотверженностью противостояли нашествию германских войск на их территорию. Одна лишь констатация выдающейся роли сопротивления советской армии без сопоставления с другими армиями (например, Польши и Франции) не приближает нас к решению нашей задачи.

Вместе с тем не было исключено, что Советский Союз сопротивлялся наступлению гитлеровских войск во много раз дольше, чем Польша и Франция, не только и не столько потому, что он обладал значительно большей территорией, чем эти страны. Длительность сопротивления СССР, по сравнению с Польшей и Францией, могла быть обусловлена и тем, что его вооруженные силы по своей мощи и боевым качествам уступали напавшим на Советский Союз германским войскам в гораздо меньшей мере, чем это было с польскими и французскими армиями при вторжении на их территории германского агрессора.

Принимая в расчет это соображение, следует поставить вопрос о роли советской армии в том, что СССР по продолжительности своего сопротивления наступательным действиям немецкой армии столь значительно превосходил Польшу и Францию, то есть поставить вопрос в сравнительном плане. Вопрос этот гласит: не оказало ли влияние на значительно большую продолжительность сопротивления Советского Союза гитлеровской Германии, чем это было в Польше и во Франции, то обстоятельство, что по своей мощи и боевым качествам советская армия намного превосходила польские и французские войска?

В этом случае сопротивление советских вооруженных сил гитлеровскому нашествию должно было бы превышать силу сопротивления агрессору польских и французских войск.

Вследствие этого темпы продвижения германских войск вглубь советской территории должны были бы значительно уступать темпам продвижения войск того же агрессора по польской и французской территориям.

И, наоборот, если бы оказалось так, что скорость продвижения германских войск вглубь советской территории была бы выше или даже равна скорости продвижения врага по территории Польши или Франции, то из этого можно было бы заключить, что более длительное сопротивление германским войскам Советского Союза по сравнению с Польшей и Францией вовсе не было связано с превосходством советской армии по своей мощи и боевым качествам над польской или французской армией.

Если мы сопоставим скорости продвижения армий агрессоров вглубь территорий Польши, Франции и СССР, то получим следующую картину.

Скорость продвижения войск агрессора на территориях Польши, Франции и СССР

Страна	Дата начала вторжения	Дата достижения максимальной глубины вторжения	Общая продолжи-тельность наступательных действий в сутках	Средний показатель максимальной глубины вторжения в км	Показатель скорости продвижения войск агрессора в км/сутки
Польша Германская армия	1/IX-39 г.	18/IX-39 г.	18	440	24
Советская армия	17/IX-39 г.	28/IX-39 г.	12	220	18
Всего по Польше			30	660	22
Франция Германская армия	10/V-40 г.	17/VI-40 г.	38	434	12
СССР Германская армия	22/VI-41 г.	17/IX-42 г.	431	730	1,7

Однако изложенные соображения, будучи принципиально правильными и верно отражающими связь между длительностью военных действий и скоростью продвижения армий вглубь территории, подвергшейся нападению, вместе с тем нуждаются в существенной оговорке, когда речь идет о сравнении скорости продвижения армии агрессора по территории СССР и таких стран, как Польша и Франция.

Дело в том, что такая огромная территория, какой обладает Советский Союз, сама по себе ослабляет силу натиска вражеской армии по мере продвижения последней вглубь территории СССР и тем способствует затягиванию войны.

Вот что говорит об этом генерал-майор И.Г. Завьялов, исследовавший роль скорости, времени и пространства в современной войне.

"В самых больших по протяженности походах Наполеона наиболее опасным врагом его наступательной стратегии было пространство. Оно требовало значительного расхода войск для охраны коммуникаций, затрудняло управление войсками, давало противнику время на принятие соответствующих мер по организации обороны. Из 600-тысячной армии Наполеона, двинувшейся в поход на Россию, лишь 135 тысяч участвовало в генеральном Бородинском сражении. Еще малочисленнее была французская армия, вступившая в Москву. И только жалкие остатки бывшей "великой армии" возвратились во Францию. Здесь, наряду с многочисленными боевыми

потерями, гибель и расход многих тысяч солдат и офицеров прямо или косвенно были связаны с фактором пространства, с выделением большого количества войск для охраны глубоко растянутых коммуникаций, для борьбы с партизанами и для проведения реквизиций продовольствия и фуража у местного населения".[1]

Об ослабляющем действии на германские войска огромных пространств советской территории тот же автор пишет:

"…продвигаясь вглубь нашей страны, немецко-фашистские войска вынуждены были действовать на территории с населением, настроенным враждебно к ним, и они все больше удалялись от своей основной материальной базы ведения войны, в результате чего удлинялись их коммуникации. Это вынуждало гитлеровское командование расходовать значительные силы для охраны железных дорог и основных сооружений на шоссейных дорогах, а также для борьбы с партизанами, развернувшими активные действия против захватчиков на всей временно оккупированной ими территории.

Так, уже осенью 1941 года немецко-фашистское командование вынуждено было выделить для борьбы с советскими партизанами и для охраны коммуникаций, складов и штабов 10 дивизий и 3 бригады. В 1943 году для этих целей было задействовано уже свыше 25 дивизий и большое количество карательных частей. В целом, по ориентировочным подсчетам, немецко-фашистские войска, действовавшие против партизан, с лета 1942 года составляли в среднем около 10% общего состава сухопутных войск фашистской Германии, находившихся на советско-германском фронте. Естественно, все это не могло не ослаблять немецко-фашистскую армию".[2]

Однако обширные территории нашей родины не только ослабляли наступавшие войска, вторгшиеся в ее пределы, но еще прямо содействовали усилению сопротивления оборонявшихся армий нашей страны, что также способствовало затягиванию войны. На эту сторону влияния большой территории также обращает внимание своего читателя автор цитируемой нами работы. У него читаем:

"Огромные пространства России во многих войнах увеличивали ее возможности по оказанию организованного сопротивления нашествию врага, позволяли оборонительными действиями изматывать его, наносить ему поражение, а затем, накопив силы, переходить к активным действиям и добиваться победы".[3]

---

[1] Там же, стр. 168.
[2] Там же, стр. 179.
[3] Там же, стр. 178.

"В Великую Отечественную войну огромная территория Советского Союза позволяла нашим вооруженным силам оказывать упорное сопротивление немецко-фашистским войскам на последовательно занимаемых оборонительных рубежах и тем самым выигрывать время для отмобилизования и приведения в действие главных сил, а также для маневрирования резервами".[1]

Основываясь на изложенном, можно утверждать, даже не знакомясь с соответствующими численными показателями, что скорость продвижения германской армии на советской территории была намного ниже, чем на польской или французской земле, вследствие влияния огромных пространств нашей родины.

Таким образом, обширная территория СССР не только непосредственно обусловливала затяжной характер войны по сравнению с Польшей и Францией, но и косвенно способствовала этому, снижая скорость продвижения германских армий по мере их все большего вторжения вглубь страны.

Следовательно, перед нами такие показатели скорости, какие не поддаются сравнению, так как они отражают не различную интенсивность действия одного и того же фактора, а представляют собой итог действия различных по своему составу факторов. — Если показатели скорости продвижения германских войск на территории Польши и Франции относятся к почти одной и той же глубине вторжения агрессора и, следовательно, неравенство этих показателей обусловлено только различием в мощи и боевых качествах сопротивлявшихся агрессору польских и французских войск, то этого же нельзя сказать о показателе скорости вторжения вермахта в Советский Союз. Здесь эффективность сопротивления советской армии или скорость продвижения агрессора зависела не только от мощи и боевых качеств советских войск, но еще и от величины территории СССР и, в частности, от глубины вторжения неприятеля.

Чтобы показатели скорости вторжения германских армий, относящиеся к Польше, Франции и СССР, привести в сопоставимый вид, следует устранить влияние обширной территории на показатель скорости продвижения германских войск в Советском Союзе. Для этого необходимо выявить, какова была скорость наступления гитлеровских и отступления советских войск на такой глубине советской территории, какая по протяженности была примерно такой же, как глубина вторжения вермахта на территорию Польши или Франции.

---

[1] Там же, стр. 178.

Для того чтобы выполнить эту задачу, мы воспользовались картами-схемами в книге полковника В.А. Анфилова[1], на которых показано положение советско-германского фронта к 15 июля 1941 года. К этому времени немецкие войска продвинулись в среднем на глубину 520 км.

Эта глубина несколько превышает глубину вторжения немецких войск в Польшу и во Францию. Но такая разница является столь незначительной, что не может иметь какого-либо влияния на итоги сравнения.

Показатель глубины вторжения в СССР исчислен нами на основании данных о расстояниях между советско-германской границей к 22 июня 1941 г. и положением фронта к 15 июля того же года. Эти данные относятся к следующим географическим пунктам:

на севере: Клайпеда — Луга = 570 км
в центре: Остроленка — Рогачев = 550 км
Брест — Гомель = 450 км
на юге: Перемышль — Киев = 510 км
В среднем: (570 + 550 + 450 + 510) : 4 = 2080 : 4 = 520 км

Скорости наступления германских войск на сравниваемых территориях, взятые в примерно одинаковых условиях территориальной глубины их продвижения, дают следующую картину:

Сравнение скоростей наступления германских армий в примерно равных условиях глубины их вторжения

Страна	Дата начала вторжения	Дата достижения максимальной глубины вторжения	Общая продолжительность наступательных действий в сутках	Средний показатель максимальной глубины вторжения в км	Показатель скорости продвижения войск агрессора в км/сутки
Польша	I/IX-39 г.	18/IX-39 г.	18	440	24,4
Франция	10/V-40 г.	17/VI-40 г.	38	434	11,4
СССР	22/VI-41 г.	15/VII-41 г.	23	520	22,6

Сравнение показанных в таблице данных говорит о том, что эффективность сопротивления советской армии значимо не превышала сопротивления польской армии и значительно уступала эффективности сопротивления армии Франции. Это позволяет заключить, что мощь и боевые качества советских вооруженных сил ни в какой мере не содействовали тому, что Советский Союз более длительное время, чем Польша или Франция,

[1] Кандидат военных наук, полковник Анфилов В.А. Начало Великой Отечественной войны (22 июня — середина июля 1941 года). Военно-исторический очерк. М., 1962.

сопротивлялся наступлению германских войск. Таким образом, у нас нет оснований сомневаться в правомерности нашего вывода относительно того, что решающим фактором продолжительного по сравнению с Польшей и Францией сопротивления СССР вторжению германских войск была огромная территория Советского Союза и ничего больше. А уж то, что мы обладали огромной территорией, было заслугой вовсе не социалистического строя, а тех славных предков от князя Ивана Калиты до императора Александра II, которые трудились над расширением границ нашей родины.

Из приведенных в таблице данных следует и другой вывод: если бы Советский Союз обладал примерно такой же глубиной территории, как Польша или Франция, то германская армия покончила бы с ним в 1941 году так же решительно и быстро, как она это сделала с упомянутыми государствами. И при этом социалистический строй СССР даже не успел бы проявить своих преимуществ, так как они, как известно, оказались способными действовать только спустя 14 с лишним месяцев после нападения гитлеровских войск на Советский Союз.

Таков результат анализа роли и значения факторов, обусловивших возможность победы СССР в войне с гитлеровской Германией.

Итак, прежде, чем советские вооруженные силы начали свое продвижение вперед — на запад к победе, они должны были избавить себя от полного поражения. В тех условиях это было возможно только путем длительного отступления. И советская армия ушла от поражения. Она ушла потому, что ей было куда уходить.

Таким образом, обширная территория СССР не только дала возможность советским вооруженным силам избежать окончательного разгрома, но и обеспечила Советскому Союзу время и условия для организации сил, которые должны были одержать победу над Германией. Такова была роль обширной территории — этого главного фактора, без наличия которого Советский Союз имел бы столько же шансов на победу, сколько их имела Польша в 1939 году или Франция в 1940 году.

ИЗ ПЕРВОЙ ТЕТРАДИ

ГЛАВЫ III, VIII.A

Д. АНТОНОВ
(Москва)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
Легенды и действительность
Глава III.*
Почему советское правительство сорвало переговоры о Пакте взаимопомощи с Англией и Францией и заключило Договор о ненападении с гитлеровской Германией

Наше исследование подошло к своему завершению. Его содержание явилось ответом на поставленный в заголовке этого очерка вопрос, почему в 1939 г. не был заключен тройственный англо-франко-советский пакт?

Если кратко сформулировать ответ, то он будет гласить: тройственный договор о взаимопомощи не был заключен потому, что этого не желала и этому противилась и препятствовала в ходе ведущихся переговоров советская сторона.

Выяснить, почему советское правительство не хотело заключить этот договор с западными державами, а предпочло договориться с Германией, является теперь нашей задачей.

В предыдущей главе относительно советско-германского договора от августа 1939 г. было установлено, во-первых, что он был заключен советским правительством вовсе не вынужденно, не под давлением каких-либо обстоятельств и, во-вторых, что он, согласно высказываниям советской историографии, соответствовал интересам СССР и принес ему ряд выгод.

Таким образом, вместо искусственного, беспочвенного вопроса, поставленного советскими историками о том, какие обстоятельства заставили советское правительство заключить договор с гитлеровской Германией, уместнее будет спросить, какими задачами руководствовалось советское правительство и какие цели оно преследовало, идя на сговор с Гитлером в августе 1939 г.? Итак, не почему, а зачем? Не вследствие каких причин, а ради какой цели?

Перечисляя выше благоприятные для СССР следствия этого договора, какие отмечает советская историография, мы не пытались разобраться в существе этих выгод для СССР. Нас интересовал лишь сам факт того, что эти последствия, по словам советских историков, соответствовали интересам правительства СССР.

Между тем поставленный вопрос о существе этих выгод нельзя обойти молчанием, ибо он имеет непосредственное отношение к тем внешнеполитическим целям, какие были поставлены перед собой советским правительством, когда оно заключало августовский договор с нацистской Германией.

Для выявления этих целей нам предстоит не только рассмотреть сами последствия внешней политики сталинского правительства накануне Второй мировой войны, но также установить те действительные связи, какие имели место между соответствующими актами этой политики, с одной стороны, их последствиями и целями — с другой.

Здесь мы должны иметь в виду не одну, а две точки приложения сил этой политики, связанные между собой и совпадающие во времени. Под этими точками мы подразумеваем заключение советско-германского договора и срыв тройственных переговоров.

Надо отметить, что мы имели немало случаев убедиться в том, что высказывания или утверждения, какие встречаются в отечественной историографии относительно советской внешней политики накануне Второй мировой войны, обычно носят бездоказательный, декларативный характер либо представляют собой прямую фальсификацию исторической правды. Поэтому в

---

* Клио, 2000, № 1, с. 280-291.

нашем случае, т.е. при рассмотрении вопроса о тех целях, какие преследовала сталинская внешняя политика, заключая договор с Гитлером и прерывая тройственные переговоры, было бы опрометчиво целиком базироваться только на констатациях наших историков.

Но вместе с тем нельзя не отметить, что в отличие от вышеразобранных версий, опиравшихся не на реальные, а на вымышленные факты, в основе последних утверждений советской историографии о последствиях советско-германского договора лежат события, действительно имевшие место. Поэтому в высказываниях советских историков по разбираемому вопросу следует строго различать факты, события и обстоятельства, твердо установленные, от тех интерпретаций, какие ими даются в опубликованных у нас работах.

Так, не вызывает сомнений тот факт, что в соответствии с советско-германским договором Советский Союз действительно отодвинул свои западные границы в среднем на 200-300 км к западу. При этом советское правительство, согласно договору с Гитлером, разделило с последним Польшу, стерев это государство с политической карты Европы. Далее, в результате этого договора советское правительство действительно включило в состав СССР целиком такие государства, как Латвию, Литву и Эстонию, а также части территорий Финляндии и Румынии.

Бесспорным является и то, что СССР не принимал участия в разразившейся мировой войне, по крайней мере в течение почти двух лет после ее начала. Неопровержим также факт вступления в войну с нацистской Германией западных держав, что явилось непосредственным следствием нападения Германии на Польшу.

Таковы три очевидных исторических факта, выявившихся непосредственно после того, как началась Вторая мировая война.

Об этих фактах можно сказать, что они лежали на поверхности и для договаривающихся сторон они не представляли собой неожиданного итога заключенного ими договора. Наоборот, обе стороны совместно стремились к достижению этих результатов как своей ближайшей цели.

Но эти факты вместе с тем были связаны с определенными расчетами советской стороны, далеко не совпадающими с расчетами немецкого партнера. Более того, в основе этих расчетов лежали враждебные друг другу цели советского и нацистского вождей.

Конечно, как советская, так и германская сторона не стремились информировать одна другую о своих истинных намерениях, но тем не менее расчеты и цели одной стороны не являлись тайной для другой, и каждая из них вела свою игру, стремясь к тому, чтобы выиграть ее и вынудить партнера к проигрышу.

Недаром один из зарубежных авторов, писавший об истории Второй мировой войны, назвал советско-германский договор о ненападении «браком по расчету».

Непосредственная и тесная связь первого факта с советско-германским договором неоспорима, так как передвижка западных границ Советского Союза за счет Польши, свобода рук советского правительства в Прибалтике и возможность аннексии Советским Союзом части территорий Румынии были оговорены в секретном протоколе к договору, подписанному Молотовым и Риббентропом 23 августа 1939 г. Последующие события и их обстоятельства полностью подтвердят то, что все аннексионистские акции советского правительства, совершенные им в 1939-1940 гг. в отношении своих западных соседей, заранее согласованы с Германией. Отсюда следует, что перечисленные захваты были одной из тех ближайших задач, немедленного решения которых добивалось советское правительство, заключая договор с Гитлером.

О расчетах правительства СССР, связанных с передвижкой западных границ Советского Союза, нам известно из сообщений отечественных историков, приведенных в предыдущей главе. Эти расчеты говорят о том, что Сталин, подписывая договор с Германией, добивался в качестве одной из целей улучшения стратегического положения СССР в предвидении будущей войны с Германией.

Каковы были расчеты Сталина, связанные с этой статьей договора, разъяснил вождь и учитель народов СССР в своей речи 3 июля 1941 г. Смысл этого разъяснения сводился к тому, что договор о

ненападении должен был обеспечить Советскому Союзу возможность лучше подготовиться к войне с Германией.

Что же касается связи третьего факта с советско-германским договором, то она не может быть установлена столь же формальным способом, как первые два. Связь здесь была много сложнее и глубже. В основе этой связи лежали те главные и решающие для Сталина стимулы, которые обусловливали его стремление и решение заключить договор с Гитлером о ненападении. Важность этой связи требует особого ее рассмотрения.

Выявленные связи договора с вышеуказанными фактами не дали нам ответа на вопросы о существе этих последствий германо-советского договора, а также в каком отношении они стояли к внешней политике Советского Союза и какие цели преследовало правительство Сталина, заключая договор с Германией о ненападении.

Ответы на эти вопросы могут быть даны, лишь руководствуясь той оценкой международного положения и расстановки сил накануне Второй мировой войны, какой придерживался Сталин и его ближайшее окружение. Эта оценка нашла свое выражение в ряде важных документов партийных съездов и в соответствующих решениях Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала.

Вкратце эта политическая характеристика современной конъюнктуры сводилась к следующему.

Обстановка в мире характеризовалась как резкое обострение кризиса капитализма. В борьбе за рынки сбыта, за передел колоний, за мировое господство столкнулись интересы двух образовавшихся в Европе империалистических лагерей: англо-французского и германо-итальянского. Все более обострявшиеся противоречия между этими лагерями грозили перейти в войну их друг с другом. Так оценивалось международное положение сталинским руководством накануне войны.

При этом откровенное намерение Гитлера напасть на Польшу с тем, чтобы уничтожать это государство, с одной стороны, и ясно продемонстрированная решимость западных великих держав противостоять вооруженной рукой агрессивным устремлениям вождя национал-социализма с другой, рассматривалось Сталиным вместе с советским партийным и государственным руководством как яркое проявление вышеохарактеризованного всеобщего кризиса капитализма. А назревавшую мировую войну они считали исторически неизбежной схваткой двух лагерей империализма в борьбе за мировое господство.

Этот взгляд на ситуацию, сложившуюся в Европе накануне Второй мировой войны, находит свое отражение и ныне в советской историографии.

Такая доктринерская точка зрения на международную обстановку, на расстановку сил в Европе и на назревавший пожар войны, ставящая на одну доску агрессора и тех, кто принял решение бороться против агрессии вооруженной рукой, равняющая национал-социализм и тех, кто объявит ему войну, игнорирующая эти различия между готовыми вступить в кровавую борьбу лагерями, и лежит в основе той внешней политики, какую проводил Сталин накануне Второй мировой войны.

При сложившейся ситуации и руководствуясь ее оценкой, советское правительство считало, что оно стоит перед выбором одного из двух путей внешней политики. Один из этих путей вел к заключению союзного договора с западными великими державами против агрессии Германии в Европе.

Каково же должно было быть отношение советского руководства к такой возможности?

Не исключено, что свое согласие заключить союзный договор с Англией и Францией оно могло рассматривать как опасный шаг, втягивающий СССР в войну с Германией. Ведь по договору о тройственном союзе СССР, в случае агрессии Германии в Европе, обязан был совместно с западными державами принять участие в войне против Германии.

В этом случае СССР, с точки зрения советского руководства, занял бы положение защитника колониальных держав от их конкурента. А в случае победы над Германией Советский Союз,

согласно взгляду сталинского руководства, оказался бы роли пособника поработителей и угнетателей колониальных народов. И все это ценой крови советского народа.

Конечно, если советское правительство считало реальной возможность вооруженного выступления Гитлера против союза трех великих держав, то оно и мысли не могло допустить о заключении союзного договора с Англией и Францией.

Здесь мы коснулись вопроса об одном из наименее вероятных последствий заключения тройственного англо-франко-советского договора, исходя из того допущения, что Гитлер, несмотря на угрожавшую ему одновременно с востока и запада коалицию трех могущественных держав Европы, все-таки решится развязать войну против них.

А между тем такой шаг Гитлера в ответ на заключение тройственного договора трудно было допустить, и он едва ли был возможен.

Включение СССР в состав противостоящей Гитлеру коалиции должно было придать последней подавляющее превосходство над вооруженными силами Германии и ее союзника — Италии. Создавшееся при этом соотношение сил достаточно выразительно характеризуется следующими цифрами.

Сравнительные данные о количестве дивизий, самолетов, танков и тяжелых орудий в 1939 году

	Всего дивизий	Самолеты	Танки	Тяжелые орудия
Германия	103	4,700	8,300	4,000
Италия	65	3,000	100	350
Итого	168	7,700	8,400	4,350
Англия	16	3,000	1,500	1,000
Франция	110	2,000	3,000	3,000
Польша	49	1,200	900	600
Итого	175	6,200	5,400	4,600
% к Германии и Италии	99	81	64	90
СССР	136	5,500	10,000	5,000
Всего	311	11,700	15,400	9,600*
% к Италии и Германии	185	152	183	210

** Эти данные взяты из кн.: Жилин П. А. Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз. 1966 г. С. 52, где они опубликованы на основании официальных сообщений представителей военных миссий СССР, Англии, Франции во время московских переговоров.*

При таком соотношении сил двух лагерей Гитлер едва ли решился бы развязать войну, идя навстречу неизбежному поражению Германии и гибели своей власти. Не исключено также, что оппозиция генералитета против такого самоубийственного решения могла заставить Гитлера отказаться от этой войны, от нападения на Польшу, а это в конечном итоге привело бы к концу его власти в Германии.

Но что должен был означать такой исход столкновения Гитлера с тройственным союзом, с точки зрения доктрины, каковою руководствовалась советская внешняя политика?

Прежде всего то, что готовый разразиться взрыв, вследствие которого должно было поколебаться и дать глубокую трещину здание империалистического капитализма, был бы приглушен и сведен на нет с помощью страны социализма. В итоге могла бы возникнуть угроза того, что враждующие коалиции империалистических государств, находившиеся к тому же в непримиримом противоречии с СССР, договорились бы между собой о разрешении своих противоречий, т.е. об удовлетворении своих империалистических аппетитов за счет страны социализма, напав на нее общими силами.

Таковы, согласно доктрине Сталина, были те следствия, каких следовало ожидать, если бы советское правительство заключило договор о союзе с западными державами.

Ведя переговоры с СССР о заключении договора о ненападении, Гитлер, следуя логике Сталина, правильно оценил отношение советской стороны к договору о союзе с Англией и Францией. Согласно краткой записи в дневнике Ф. Гальдера, Гитлер охарактеризовал это отношение следующими словами: «Россия не собирается таскать (для Англии) каштаны из огня. Ожидать от войны ей нечего, но многого следует опасаться»[1].

Ничего удивительного поэтому нет в том, что советская сторона всеми способами вела дело к тому, чтобы сорвать тройственные переговоры, в чем достигла успеха.

Второй путь, перед которым стояло советское руководство, — отказ от заключения союзного договора с Англией и Францией и согласие заключить договор о ненападении с Германией — обещал Советскому Союзу, согласно взглядам Сталина, иные перспективы.

По теоретической схеме Сталина, готовой разразиться войне предстояло столь глубоко захватить оба сражающихся империалистических лагеря, полностью поглотив их силы, что последних уже не должно было у них остаться для войны против СССР. И это обстоятельство должно было служить куда более надежной гарантией безопасности СССР, нежели подпись Риббентропа под советско-германским договором.

Это означало, что в близком будущем данная война, согласно той же теоретической схеме, должна будет обеспечить Советскому Союзу безопасность и все блага мирного существования столь длительное время, насколько долго затянется мировая война между лагерем нацизма и западными державами.

Далее, с точки зрения этой доктрины, огромные ресурсы и силы, какими располагали оба враждебных друг другу лагеря, должны были обусловить неизбежность кровопролитной, беспощадной и, главное, длительной войны между ними.

Последнее обстоятельство имело в расчетах Сталина не менее важное значение, чем сама война между Германией и антигитлеровской коалицией западных держав. Только ориентируясь на возможно более продолжительное участие Германии в войне на Западе, Сталин мог рассчитывать на то, что он до окончания этой войны успеет не только создать мощную линию укрепленных районов вдоль новой западной границы СССР, но еще намного усилить мощь своих вооруженных сил, а также усовершенствовать их подготовку к грядущей войне с Германией.

Сопровождаясь колоссальными жертвами, эта война, как считало советское руководство, приведет к взаимному истощению участвующих в ней сторон. В разоренной и обессиленной Европе неизбежно резко ухудшится положение рабочего класса, наступит его крайнее обнищание, что будет, согласно сталинской теоретической схеме, способствовать созданию революционной ситуации на континенте.

С другой стороны, чрезвычайное ослабление империалистических государств должно будет по мысли сталинского руководства привести в более отдаленной перспективе к распаду их колониальных империй.

С точки зрения советского руководства, в этих последствиях, какие должны будут потрясти до основания все здание капитализма, и заключалась одна из положительных сторон грядущей войны.

Итак, в своей теоретической схеме Сталин, предельно упрощая ситуацию и расстановку сил в Европе накануне Второй мировой войны, видел в готовой вспыхнуть войне лишь борьбу двух империалистических лагерей с той, однако, разницей между ними, что один из них, а именно англо-французский блок, как уже указывалось, являлся в его глазах союзом, объединяющим колониальные державы, готовые к вооруженной борьбе для защиты и сохранения своих колониальных владений. Что же касается враждебной этому блоку гитлеровской Германии, то она, согласно этой же схеме, представляла собой тот таран в руках истории, который должен был если не сокрушить эти колониальные империи, то по крайней мере нанести их могуществу столь мощные удары, что от них они не смогут оправиться.

Согласно этой же теоретической схеме, Германия в этой борьбе не сможет остаться неуязвимой. Она также испытает не меньшие потрясения, чем те, какие она причинит своим врагам. И когда неизбежно настанет момент, знаменующий собой, с одной стороны, крайнее истощение сил воюющих сторон, а с другой — достаточно обеспеченный перевес сил СССР над Германией, ставшей после заключения договора от 23 августа соседом Советского Союза, тогда перед последним откроется возможность внезапным ударом вторгнуться в пределы увязшего в войне с Западом гитлеровского рейха с тем, чтобы разыграть вариант военно-политического решения германской проблемы, аналогичный тому, какой был применен в 1939-1940 гг. советским руководством в финской кампании.

Какое же при таком прогнозе и взгляде на ситуацию, сложившуюся в Европе накануне войны, должно было быть избрано главное направление советской внешней политики, т. е. какое должно было быть отношение советского правительства к заключению договора с Германией о ненападении?

В плане практической политики намерения Гитлера и замысел Сталина шли в одном и том же направлении, т. е. как один, так и другой имели своей целью войну. Гитлер замыслил нападение на Польшу и готов был развязать войну в Европе, главным образом против Франции и Англии. Сталин был заинтересован в том, чтобы Германия и западные державы вступили в войну друг с другом.

Напомним, что Гитлер опасался войны на два фронта, в которой его врагами одновременно являлись бы на западе Франция и Англия, а на востоке кроме Польши — еще и СССР.

Он шел на заключение договора о ненападении с Советским Союзом именно затем, чтобы предупредить возможность создания опасного для него союза трех великих держав. Ему это было необходимо для того, чтобы развязать себе руки в замышляемой им войне с Польшей и в неизбежной при этом войне с Англией и Францией.

Таким образом, если кто-либо из двух партнеров по советско-германскому договору и был вынужден его заключить, то это был, конечно, не Сталин, а Гитлер.

Сталин же, отлично понимая стремления и вместе с тем опасения Гитлера, шантажировал последнего мнимой серьезностью переговоров, какие вела советская сторона с западными державами. Шантажировал для того, чтобы добиться таких условий заключения советско-германского договора, какие позволили бы советскому правительству решить ближайшие задачи, поставленные перед собой, и достичь позитивных целей, отвечающих интересам Советского Союза, как их понимало правительство СССР.

Заключив договор о ненападении с Германией, Сталин этим как бы подтолкнул Гитлера на немедленное развязывание войны в Европе. Поэтому нельзя не признать справедливой констатацию советских историков, выраженную в словах, приведенных в предыдущей главе. Напомним о них читателю еще раз.

«В 1939 году советская внешняя политика одержала выдающийся успех; она показала образец того, как нужно использовать противоречия внутри империалистического лагеря в интересах всего человечества, в интересах социализма». «...Противоречия между ними [западными державами] и

Германией еще более усилились (в результате заключения советско-германского пакта. — Авт.) и они вынуждены были, в конце концов, сами оружием отстаивать свои интересы».

В своих записках Женевьева Табуи рассказывает о любопытном эпизоде, имевшем прямое отношение к данному вопросу. В записи, относящейся к началу 1937 г., читаем:

«И тем не менее многое изменилось в Женеве вплоть до знаменитых завтраков у Мориса де Ротшильда в Преньи, где беспокойство делегатов сказывается даже во время разговоров за столом.

На одном из своих последних завтраков Морис де Ротшильд обращается к советскому делегату Литвинову:

— Объясните же мне, уважаемый господин делегат, характер ваших отношений с Германией. Я не вполне понимаю... Вы заключили пакт с Францией и тем не менее постоянно флиртуете с рейхом!

Улыбаясь, Литвинов отвечает:

— Ну что ж, я сейчас вам объясню: две старые, чрезвычайно изысканные дамы-аристократки Франция и Англия никогда не причинят зла моей родине. В Европе есть лишь одна страна, которой мы опасаемся, единственная страна, которая обладает силой, направленной против России, Германия. И видите ли, дорогой господин Ротшильд, мы ненавидим Германию до такой степени, что в один прекрасный день мы смогли бы стать ее союзником, чтобы заставить французов и англичан — у которых иначе будет соблазн всегда ей уступать — начать против нее войну и разбить ее для нас.

Занятые шербетом, все смеются по поводу этого рассуждения.

Но один из приглашенных, греческий делегат Политис, возвращаясь из Преньи во дворец Лиги Наций, говорит:

— Я думаю, что гости барона приняли за шутку то, что является целой политической программой, о которой все мы — и те и другие — должны помнить!»[2]. В этом эпизоде прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что никто из присутствовавших на завтраке и, что важнее всего, ни сам Литвинов не только не выразили сомнения в том, что Советский Союз «флиртует» с гитлеровской Германией, но даже не пытались выяснить у Мориса де Ротшильда, что именно, какие факты он имеет в виду, говоря об этом флирте. По-видимому, все присутствующие, и в том числе народный комиссар иностранных дел СССР, отлично понимали, о чем ведет речь принимавший их у себя хозяин, и ни в ком самый факт советского заигрывания с Германией не вызывал сомнений.

Последующие события подтвердили заключение греческого дипломата. Шутливый тон и парадоксальная форма изложения лишь прикрывали истинное содержание той внешнеполитической концепции, какой придерживалось сталинское руководство страной. В якобы шутливом выступлении Литвинова содержались два главных элемента указанной концепции: стремление столкнуть в военном конфликте западные державы и Германию, а также готовность пойти на любой пакт с гитлеровским рейхом для достижения этой цели.

Скрытая шутливым тоном, но тем не менее явная угроза прозвучала в словах советского делегата. Он как бы предупреждал, что если западные державы будут продолжать идти на уступки Гитлеру, то Советский Союз прибегнет к такой мере, как пакт с Гитлером. С какой целью Литвинов сделал это предупреждение? По всей вероятности, он руководствовался следующими соображениями.

Добиваясь военного столкновения Германии с западными державами, Советский Союз не мог рассчитывать на успешность своего заигрывания с Германией до тех пор, пока западные державы идут на уступки Гитлеру. Припугнув Англию и Францию пока еще нереальной угрозой сговора с Германией, советский дипломат хотел добиться этим жесткости позиции западных держав в отношении требований Гитлера, так как только при этом условии германский фюрер обратит внимание на заигрывание СССР, который проявит при этом сговорчивость в отношении агрессивных устремлений Гитлера.

Таким образом, еще в 1937 г. советская внешняя политика была нацелена на заключение договора с Гитлером с целью помочь ему начать войну.

Подписывая договор с Германией, советское правительство самим текстом договора как бы открыто демонстрировало свое стремление помочь Гитлеру развязать войну в Европе. В нарушение своей установившейся практики заключения договоров о ненападении с другими государствами советское правительство на этот раз не ввело в договор ранее обязательно включавшуюся в аналогичных актах статью денонсации пакта ненападения, если одна из сторон окажется агрессором в отношении какой-либо третьей державы.

Для Сталина главный нерв подписанного с Гитлером договора заключался в том, что этот договор должен был вызвать войну в Европе.

Заключая договор с Гитлером, Сталин делал ставку на то, что война Германии с западными державами будет длительной. Он рассчитывал, что продолжительная война на Западе позволит Советскому Союзу вмешаться в нее, когда Германия окончательно увязнет в борьбе с Францией и Англией.

Иными были расчеты Гитлера. Он считал, что ему удастся в нескольких коротких кампаниях вывести из строя своих главных противников на Западе и что он успеет лишить СССР его потенциальных союзников до того, как Советский Союз попытается вмешаться в войну, выступив против Германии.

От того, как решится вопрос о длительности войны между Германией и западными державами, зависел успех или провал расчетов Гитлера и Сталина. Здесь цели их были не только различны, но и противоположны друг другу. Гитлеру нужна была короткая война, Сталину — возможно более длительная.

За готовность советского правительства обеспечить безопасность Германии с востока, в то время как она нападет на Польшу, а затем вступит в войну с западными державами, Гитлер готов был заплатить Советскому Союзу немалую цену, какую он в действительности и выплатил, согласившись подписать условия секретного протокола к договору от 23 августа 1939 г. о разделе Польши, о Прибалтике как о признанной сфере интересов СССР и об аннексии части территории Румынии.

Сталин, получив эту плату за оказанную им услугу Гитлеру, намеревался в дальнейшем использовать приобретенное для достижения превосходства в будущей войне против Германии.

Такова была логика расчетов, какой руководствовался Сталин, имея в виду заключение договора с Гитлером.

Оправдались ли эти расчеты?

Здесь мы можем только лишь бегло коснуться этого вопроса с тем, чтобы хотя бы в общих чертах установить, действительно ли так благодетельны были для СССР те результаты заключения договора с Германией, о которых говорил Сталин и упоминают советские историки. Напомним эти последствия.

1. Почти двухлетний мирный для СССР период.
2. Передвижка западной границы Советского Союза на 200-300 км к западу.
3. Вступление западных держав в войну с гитлеровской Германией.

Выигрыш, какой имел в виду Сталин, говоря о почти двухгодичном мирном периоде, заключался, по его словам, в том, что за это время была обеспечена «возможность подготовки своих сил для отпора» германской армии.

Если эти слова означают только то, что Советские Вооруженные силы к июню 1941 г. увеличили свою мощь по сравнению с августом 1939 г., то трудно было бы возразить что-либо против этого. По-видимому, такая перестройка сил Красной армии действительно имела место за прошедшие почти два года, упомянутые Сталиным.

Однако указанные перемены не дают основания утверждать, что Советский Союз к 1941 г. оказался лучше подготовленным для отпора германской агрессии, чем это было два года назад.

Ведь за это же время силы Германии не оставались без изменения, их мощь тоже росла. Следовательно, вопрос заключается в сравнении темпов роста этой мощи в СССР и Германии за период с августа 1939 г. по июнь 1941 г. Если бы оказалось, что эти темпы были одинаковыми, то соотношение советских и германских сил к 1941 г. не изменилось бы в сравнении с 1939 г. и Советский Союз вопреки мнению Сталина ничего бы не выиграл в результате двух лет мира.

При отставании СССР от Германии в темпах наращивания мощи вооруженных сил указанные два года мира только ухудшили бы, а не улучшили положение нашей страны в отношении Германии.

Лишь при условии более высоких темпов увеличения сил советской армии по сравнению с германским вермахтом соотношение сил между ними должно было бы к 1941 г. сложиться более выгодно для СССР, чем это было в 1939 г. И только в этом случае могли соответствовать действительности слова Сталина и советских историков о том, что почти два года мира дали «выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии».

Но каковы были фактические изменения в военном положении СССР и Германии с августа 1939 г. по июнь 1941 г.? Верно ли, что за этот период СССР опередил Германию в темпах роста военной мощи? Имеются ли основания считать, что по сравнению с 1939 г. соотношение сил СССР и Германии изменилось к 1941 г. в пользу Советского Союза?

Если бы это соответствовало действительности, то можно не сомневаться, что в отечественной литературе давно были бы опубликованы сравнительные количественные данные, касающиеся численности и вооружения армии СССР и Германии в 1939 и 1941 гг. К сожалению, советские историки не приводят в пользу своих утверждений никаких доказательств, в том числе и таких, которые поддаются обсчету, и это не внушает доверия к их декларациям.

Со своей же стороны мы вынуждены признать в высшей степени сомнительным такое изменение соотношения сил СССР и Германии, которое говорило бы о том, что это соотношение изменилось к 1941 г. в пользу СССР по сравнению с 1939 г.

Здесь не место приводить цифровые данные, свидетельствующие о том, как изменилось соотношение сил СССР и Германии с 1939 по 1941 г. Мы постараемся сделать это в следующем очерке, где пойдет речь о событиях, относящихся к этому периоду. Пока же мы лишь укажем на некоторые факты и кое-какие соображения, подкрепляющие наше сомнение.

Начнем с того, что до августа 1939 г. Германия кроме собственного военного и хозяйственного потенциала обладала также потенциалом Чехословакии.

К июню 1941 г. в распоряжении третьего рейха находился военный и экономический потенциал почти всей континентальной Европы.

Трудно допустить, что потенциал Советского Союза за два года был способен возрасти в такой же мере.

В 1939 г. польская армия сражалась против гитлеровских войск. Войска прибалтийских государств, так же как и польские войска, готовы были оказать сопротивление германскому агрессору. Кроме того, к августу 1939 г. Румыния не являлась союзником Германии.

К указанным преимуществам СССР следует добавить наличие к августу 1939 г. западного фронта, опиравшегося на Францию и, следовательно, притягивавшего значительную часть тех сил Германии, которые она могла бы бросить против СССР.

Таково было положение на западной границе СССР в 1939 г.

К июню 1941 г. ситуация изменилась решительно. Польской армии, защищавшей в 1939 г. подступы к западной границе СССР, уже не существовало. Вооруженные силы государств Прибалтики, способные оказать сопротивление германскому агрессору, к 1941 году были ликвидированы советским правительством. Румыния к этому времени стала союзницей Гитлера, и ее армия готова была принять участие в войне против СССР.

Западного фронта на территории континентальной Европы уже не существовало, и таким образом значительная часть германских сил на западе была высвобождена для участия в нападении на Советский Союз.

Имея в виду эти изменения, едва ли можно согласиться с утверждением Сталина и советских историков о том, что два года мира привели к выигрышу Советским Союзом военного соревнования с Германией. Наоборот, все сказанное следует записать скорее в плюс гитлеровской Германии и в минус Советскому Союзу.

В итоге мы склоняемся к заключению, что указанные Сталиным два года мира не улучшили, а изменили в худшую сторону положение Вооруженных сил СССР по сравнению с силами германского Вермахта.

Нет смысла упрекать Сталина в отсутствии у него критического отношения к вопросу о военных последствиях советско-германского договора. Беспристрастности мало благоприятствовали момент его выступления и та ответственность, которая лежала на нем за подписание этого пакта. К тому же его речь преследовала совсем иные цели, имевшие мало общего с научной объективностью.

Этим мы не оправдываем Сталина, но хотим лишь указать на то, что его можно понять.

С совершенно другим положением мы сталкиваемся, когда обращаемся к аналогичным высказываниям советских историков международных отношений. Около трети века прошло с тех пор, как был заключен советско-германский договор. За это время стало известно достаточно фактов и накопилось немало опубликованных материалов, в том числе и некоторых цифровых данных, которые позволяют непредубежденно подойти к выяснению тех, хотя бы только военных, последствий, какие повлек за собой указанный договор. И все-таки в советской историографии мы находим лишь механическое повторение сказанного Сталиным в речи 3 июля 1941 г. без учета условий, в каких это сообщение было оглашено, и без признаков какого-либо стремления хотя бы лишь аргументировать его высказывание. Видимо, советские историки предпочитают уходить не только от рассмотрения по существу, но даже от постановки таких вопросов, по поводу которых имеется какое-либо высказывание корифея, вождя, руководителя или видного деятеля КПСС и советского государства. В этих случаях представители советской исторической науки видят свою задачу не в том, чтобы исследовать, а только лишь подтверждать, не выяснять или доказывать, а декларировать, что к науке, и исторической науке в частности, никакого отношения не имеет.

Трудно решить, что лежит в основе такого подхода советских историков к фактам, подлежащим исследованию, умственная ли лень, интеллектуальное косоглазие, узость мышления, духовная нищета или нравственная импотенция, но ясно одно, что советская историческая наука в нынешних условиях ее развития не способна ни подойти к исследованию проблемы военных последствий советско-германского договора, ни даже аргументированно изложить хотя бы только существо этой проблемы.

Далеко не бесспорным является также тезис советских историков о другом, и тоже положительном следствии советско-германского договора, тезис, который ими провозглашается без малейшей попытки затруднить себя доказательствами его истинности. Мы имеем в виду утверждение, что пакт, давший возможность передвинуть советскую западную границу на 200-300 км в сторону Германии, будто бы значительно улучшил этим стратегические позиции Советского Союза, вследствие чего оборона против нападения Германии в 1941 г. началась на более выгодных рубежах для СССР, чем это могло быть в другом случае.

В этой констатации взята в расчет только лишь одна сторона вопроса о новых стратегических рубежах. Игнорируя другие, не менее важные следствия передвижения западной границы СССР, советские историки искажают то действительное положение, какое создалось для СССР и его вооруженных сил в новой обстановке.

Надо иметь в виду, что следствия этого перемещения не ограничились только тем, что СССР отдалил западную границу от своих жизненно важных центров на 200-300 км. Нельзя упускать из виду, что новая граница, кроме того, изменила в значительно худшую сторону стратегическое положение Советского Союза по отношению к его потенциальному противнику.

Во-первых, к концу августа 1939 г. СССР на западе граничил с относительно слабой Польшей, а на северо-западе с небольшими прибалтийскими государствами. Это соседство было почти совершенно безопасным для СССР, и вместе с тем указанные страны представляли собой довольно широкую и достаточной глубины преграду, предохранявшую Советский Союз от внезапного нападения Германии.

К концу 1940 г. это препятствие, защищавшее западные и северо-западные подступы к СССР, в результате переноса границы перестало существовать, и Советский Союз оказался лицом к лицу с таким опасным соседом, как нацистская Германия.

А перед последней при новой границе открылась благоприятная возможность внезапно обрушить на своего нового восточного соседа мощный удар, способный потрясти советское государство и поставить его на грань катастрофы.

Во-вторых, к августу 1939 г. советская западная граница на всем ее протяжении от Балтийского до Черного моря была прикрыта, защищена и оборудована в военно-инженерном отношении как возможный театр военных действий.

Общей целью заблаговременной военно-инженерной подготовки театра военных действий являлось обеспечение возможности противодействия советских войск внезапному нападению превосходящих сил противника средствами подавления и разрушения. Одновременно с этим военно-инженерная подготовка должна была способствовать Советской Армии после проведения мобилизации и сосредоточения главных сил успешно перейти в решительное контрнаступление с целью разгрома агрессора.

В то время считалось, что лучшей формой военно-инженерной подготовки приграничной полосы является система укрепленных районов (У. Р.), прикрывающих важнейшие операционные направления, ведущие вглубь страны. Укрепленным районом назывался большой участок местности, заблаговременно подготовленный к упорной обороне средствами долговременной фортификации. Для поддержания укрепленных районов в постоянной боевой готовности и отражения возможного наступления вражеских войск в случае возникновения войны были сформированы специальные части, составлявшие их постоянные гарнизоны[3].

Роль, какую должны были сыграть эти укрепленные рубежи, нельзя недооценивать.

Даже в полевых условиях хорошо оборудованный в инженерном отношении рубеж с организованной системой огня, сооружений и заграждений создавал возможность надежного управления войсками и маневра силами и средствами как из глубины, так и по фронту и обеспечивал укрытие личного состава от ударов авиации, огня артиллерии и минометов противника. Будучи своевременно занятым войсками, такой рубеж представляет собой серьезное, а иногда и непреодолимое в течение длительного времени препятствие для наступающих войск. Тем более система оборудованных долговременными огневыми сооружениями укрепленных районов по нашей западной границе могла сыграть весьма существенную роль в срыве наступления...[4] Строительство укрепленных районов на старой государственной границе прошло две стадии. Первые укрепленные районы были достроены в период 1929-1935 гг. Они представляли собой линию железобетонных сооружений глубиной от 1 до 2 км. Основным типом боевого сооружения была огневая пулеметная точка. Артиллерийских сооружений, обеспечивавших от попадания 155-210 мм снарядов, насчитывались единицы. С 1938 г. в некоторых из этих укрепленных районов начали устанавливать более мощные орудия и обновлять внутреннее оборудование дотов...

С 1938 г. была утверждена новая система укрепленного района, учитывавшая рост военной техники и возможности экономики страны. Одновременно с тем была принята и новая программа оборонительного строительства.

Строительство новых укрепленных районов на старой государственной границе было начато в 1938 г., но в связи с изменением государственных границ Советского Союза оно было прекращено[5].

К июню 1941 г. эта линия укреплений оказалась в глубине страны и уже не служила прикрытием новой государственной границы. Возникла необходимость сооружения новой линии, что было далеко не легким делом, а, главное, не обещающим быстрого завершения работ по строительству, оборудованию и вооружению этого рубежа, имевшего колоссальную протяженность — около 3 тыс. км.

Здесь уж нельзя было рассчитывать только на собственные планы и возможности. Теперь все зависело еще от того, предоставит ли Гитлер необходимое Советскому Союзу время для того, чтобы последний мог довести до конца оборонное строительство на своих новых рубежах. Как известно, Советскому Союзу не было дано требуемого ему срока, и война для него началась на границе, мало или почти не обеспеченной оборонительными сооружениями.

Вот что об этом говорят наши военные авторы. Полковник В. А. Анфилов сообщает: «Строительство укрепленных районов вдоль новой государственной границы осуществлялось высокими темпами... Чтобы представить себе ежесуточный объем работ весной 1941 г., достаточно указать, что на строительстве оборонительных сооружений в укрепленных районах Прибалтийского особого военного округа ежедневно работали 57 778 человек, Западного особого военного округа — 34 930 человек и Киевского особого военного округа — 43 006 человек. Однако если сил было и достаточно, то средств, в связи с большим объемом оборонительного строительства, явно не хватало. Вполне естественно, что промышленность не могла в короткие сроки обеспечить строительство всем необходимым. Из-за недостатка строительных материалов (цемент, щебень, дерево, арматура), механизмов, вооружения для дотов, коробов амбразур и другого оборудования тормозилось выполнение намеченных планов строительства. При наличии в новых укрепленных районах около 2300 долговременных огневых точек, построенных к весне 1941 года, полностью было вооружено орудиями лишь около 1000 сооружений. Во всех остальных огневых точках были установлены только станковые пулеметы на полевом станке... В результате незаконченности оборонительного строительства между некоторыми укрепленными районами и узлами обороны имелись неукрепленные участки шириной от 10 до 80 км и более...

...К недостаткам подготовки обороны приграничных районов в инженерном отношении следует отнести отсутствие минно-взрывных заграждений...

...Существенное значение в подготовке Западного театра военных действий имели железнодорожное и автодорожное строительство, а также строительство различных складов и линий связи. Пропускная способность железных дорог в Прибалтике, Западной Белоруссии и Западной Украине была недостаточной. Поэтому, несмотря на высокие темпы железнодорожного строительства, начатого в 1941 г., к началу войны много сделать по этим трудоемким, требующим большого количества сил и средств мероприятиям не удалось. Основные железнодорожные узлы оставались слаборазвитыми, а многие линии не имели вторых путей и не могли пропускать поезда необходимой длины. Все это впоследствии в значительной степени затруднило сосредоточение и развертывание войск»[6].

«...Изменение границ принесло с собой и большие трудности... Строительство укреплений вдоль новой границы, которое началось в 1940 году, к моменту нападения фашистской Германии не завершилось. На территории Западной Белоруссии и Западной Украины еще не было закончено переоборудование железных дорог с узкой европейской колеи на широкую союзную. Хуже, чем в старой приграничной полосе, были развиты здесь линии связи. А времени было мало.

Незавершенность работ по укреплению наших западных границ к началу войны очень затруднила их оборону».

В первом томе «Истории Великой Отечественной войны» сообщается: «Инженерное оборудование западных рубежей СССР, особенно строительство укрепленных районов, к моменту нападения фашистской Германии не было завершено...

...Летом 1940 года были составлены планы строительства укрепленных районов на новых границах, рассчитанные на несколько лет. К июню 1941 года заканчивалось оборудование отдельных огневых сооружений, узлов обороны первой полосы приграничных укрепленных районов. Большинство укрепленных районов не было полностью укомплектовано личным составом. Весной 1941 г. началось переформирование и доукомплектование их гарнизонов по новым, расширенным штатам, что, однако, не удалось завершить к моменту нападения Германии на СССР.

К началу войны удалось только частично вооружить опорные пункты первой полосы четырех узлов Владимир-Волынского и пяти узлов Струмиловского укрепленных районов.

Вооружены были лишь боевые сооружения, построенные в 1940 году, а сооружения плана 1941 года находились еще в стадии строительства...

На участке Литовиж-Соколь между опорными пунктами двух укрепленных районов образовался разрыв шириной в 25 километров. Это объяснялось тем, что к началу войны не были полностью построены и вооружены два левофланговых узла обороны Владимир-Волынского укрепленного района»[8].

В результате незавершенности строительства большинства боевых сооружений в опорных пунктах укрепленных районов до начала войны не была создана стройная система артиллерийского и пулеметного огня. В построенных сооружениях почти отсутствовали силовые агрегаты и автономные пункты водоснабжения, опорные пункты слабо обеспечивались связью. План строительства воздушных линий связи в 1940 г. укрепленные районы выполнили на 25-30%, а подземных линий на 10-13%. Маскировка боевых сооружений находилась в неудовлетворительном состоянии.

План возведения противотанковых и противопехотных препятствий перед передним краем нашей обороны у границы был выполнен к началу войны в среднем на 25-30%, что объяснялось недостатком рабочей силы, и особенно средств заграждения.

Строительство дорог, складов и казарм началось непосредственно перед войной. Части укрепленных районов размещались во временных постройках и крестьянских хатах...

Большие работы необходимо было провести в западных округах, особенно в Прибалтике, Западной Украине и Западной Белоруссии, по организации надежной связи. Состояние связи не отвечало требованиям управления войсками, и ее надо было срочно перестраивать. Эти работы, имевшие особо важное значение для обеспечения непрерывного управления войсками во время боевых действий, так до начала войны и не были закончены.

Авторы второго тома «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» пишут:

«Серьезные трудности для организации и ведения военных действий в начальный период войны создались также в результате недостаточной подготовленности к войне территорий западных приграничных областей, вошедших в состав СССР незадолго до нападения Германии.

Советское правительство выделило большие средства на подготовку территорий этих областей к обороне, в частности на создание укрепленных районов вдоль новой границы. Однако в начале войны значительная часть запланированных оборонительных мероприятий не была выполнена. Ни вблизи границы на выгодных естественных рубежах, ни в глубине территорий западных приграничных округов заранее подготовленных оборонительных полос и рубежей не имелось»...

Далее авторы отмечают «всю невыгодность... начертания для обороны» новой государственной границы, что также создало «исключительные трудности в организации обороны»[10].

Отмечая это невыгодное для обороны СССР начертание новой государственной границы, авторы, по-видимому, имели в виду, в частности, и так называемый белостокский выступ. Эта территория входила в Западный особый военный округ и глубоко вклинивалась в территорию вероятного противника. Расположенные там войска сразу оказывались в условиях полуокружения. Противнику стоило лишь нанести встречные удары у основания нашего расположения, и окружение становилось полным — говорит ген. П. Г. Григоренко 6.12.67 года в своем неопубликованном письме в редакцию журнала «Вопросы истории КПСС» под названием «Сокрытие исторической правды — преступление перед народом».

А вот что по этому поводу говорит маршал Г. К. Жуков. В конце декабря 1940 г. на состоявшемся у Сталина совещании, говоря о строительстве укрепленных районов в Белоруссии, он отметил:

«— По-моему, в Белоруссии укрепленные рубежи (УРы) строятся слишком близко к границе, и они имеют крайне невыгодную оперативную конфигурацию, особенно в районе белостокского выступа. Это позволяет противнику ударить из района Бреста и Сувалки в тыл всей нашей белостокской группировки. Кроме того, из-за небольшой глубины УРы не могут долго продержаться, так как они насквозь простреливаются артиллерийским огнем. Считаю, что нужно было строить УРы где-то глубже.

— А на Украине УРы строятся правильно? — спросил Д. Г. Павлов, видимо, недовольный тем, что я критикую его округ.

— Я не выбирал рубежей для строительства УРов на Украине, однако полагаю, что там также надо было строить их дальше от границы.

— Укрепленные районы строятся по утвержденным планам Главного военного совета, а конкретное руководство строительством осуществляет заместитель наркома обороны маршал Б. М. Шапошников, — резко возразил Ворошилов.

Поскольку началась полемика, я прекратил выступление и сел на место»[11].

Нельзя пройти мимо того факта, что среди военачальников Красной Армии были и такие люди, которые в годы сталинского террора осмеливались, хотя и в не вполне откровенной форме, высказать свои сомнения относительно так называемых военных преимуществ новой государственной границы на западе СССР.

Чрезвычайно интересное сообщение об этом имеется в воспоминаниях генерал-полковника Л.М. Сандалова. В них читаем:

«2 ноября 1939 года свершилось официальное воссоединение Западной Белоруссии с советской Белоруссией». После этого перед командованием округа встали совершенно необычные вопросы огромной важности: надо было организовать оборону новых пограничных рубежей, разместить войска в районах, где недавно еще господствовали капиталистические и даже феодальные порядки.

Чтобы быстро и правильно решить эти вопросы, руководители штаба и управлений округа выехали для осмотра пограничной зоны, городов, селений, дорог, и особенно, военных объектов Западной Белоруссии. Результаты этих выездов доставили большие огорчения. Мы увидели, насколько уменьшились теперь наши возможности для стратегического сосредоточения и развертывания войск в случае войны...

... Подробный анализ условий, сложившихся для войск округа после их выдвижения в Западную Белоруссию, сделал комкор Пуркаев в октябре 1939 года, при передаче обязанностей начальника штаба округа комдиву В. Е. Климовских. По этому поводу состоялось совещание, на котором присутствовали, если не ошибаюсь, комиссар штаба и все начальники отделов.

— Бесспорно, докладывал на совещании Пуркаев, — с общеполитической точки зрения вступление советских войск в Западную Белоруссию и Западную Украину должно быть оценено положительно, ибо наши пограничные рубежи передвинулись далеко на запад. Но эти

преимущества скажутся лишь тогда, когда мы приведем новую пограничную полосу в такое же состояние, какое было на старой границе.

Из сделанного Пуркаевым обзора состояния и возможностей Западной Белоруссии участники совещания хорошо уяснили, что перемещение сюда войск округа связано с огромными трудностями. Казарменный фонд был ничтожно мал. Аэродромная сеть не развита, причем аэродромы не имели бетонированных взлетно-посадочных полос, что позволяло размещать там современные самолеты только летом. Железнодорожная сеть оставалась такой же, как накануне Первой мировой войны. Ширина железнодорожной колеи была здесь уже, чем у нас, и это создавало дополнительные трудности для стратегических перевозок. Недоставало и шоссейных дорог, идущих с востока на запад. Их оказалось только две.

— На прежней границе, — продолжал Пуркаев, — мы имели мощные укрепленные районы, да и непосредственным противником тогда была лишь Польша, которая в одиночку напасть на нас не решилась бы, а в случае ее сговора с Германией остановить выход немецких войск к нашей границе не представило бы труда. Тогда у нас было бы время на отмобилизование и развертывание. Теперь же мы стоим лицом к лицу с Германией, которая может скрытно сосредоточить свои войска для нападения. При этом нельзя забывать, что немцы захватили в Варшаве документы Генерального штаба польской армии, расположение всех военных объектов в Западной Белоруссии им хорошо известно. И еще одно важное соображение: на территории Западной Белоруссии много людей, враждебно настроенных к советской власти. Немецкое командование постарается широко использовать их в разведывательных и диверсионных целях.

— Послушаешь Вас, Максим Алексеевич, и начинаешь верить, что выдвижение войск округа в Западную Белоруссию с военной точки зрения более чем невыгодно, — заметил Климовских. — Прошу понять меня правильно, — возразил Пуркаев, — я хотел лишь показать вам, что в новой обстановке для войск округа минусов значительно больше, чем плюсов, но это явление временное. Если как следует взяться за дело, минусы относительно быстро могут превратиться в плюсы...

Спустя несколько дней комкор Пуркаев был вызван в Москву и направлен в качестве военного атташе в Германию»[12].

Заключительный ответ Пуркаева, высказанный в бодром тоне, был по форме лишь скупой данью опасному времени действия «Сталинской конституции», а по существу ничего не менял в достаточно темной картине, им нарисованной.

Таким образом, не может быть сомнений в том, что новые рубежи на западе ухудшили положение Советского Союза по сравнению с 1939 г.

Таковы были для СССР некоторые военные последствия заключенного им договора с Германией. Они мало походили на те блага нового стратегического положения и выгоды новых стратегических рубежей, о которых как о выигрышных последствиях советско-германского договора в бодряческом духе толкуют деятели советской исторической науки.

В дальнейшем нам придется говорить и о других последствиях этого договора, из которых некоторые сказались вскорости, а иные не сразу.

А пока в заключение этой главы остановимся на последнем вопросе: оправдались ли расчеты Сталина, связанные с развязыванием войны между гитлеровской Германией и западными державами?

Обеспечив Гитлеру безопасность его тыла на Востоке, Сталин тем самым после поражения Польши позволил ему обрушить на Запад почти все наличные силы германской армии.

Из имевшихся в распоряжении Гитлера к 10 мая 1940 г., т.е. к началу кампании против Франции, 39 пехотных, 1 кавалерийской, 7 моторизованных и 10 танковых дивизий было оставлено на Востоке только 10 пехотных дивизий, в число которых входили 6 дивизий охраны тыла[13].

Если бы Сталин ставил себе целью быструю победу над Германией и немедленную ликвидацию в ней нацизма во имя сохранения мира в Европе, он, несомненно, воспользовался бы такой

благоприятной для него обстановкой для начала боевых действий Красной Армии против практически незащищенных восточных границ Германии.

Сталин не использовал этой возможности, конечно, не потому, что он был связан договором о ненападении с Германией. Ведь такие договоры с Польшей и Финляндией не помешали ему, когда он счел это необходимым, напасть на эти государства, как не помешали ему аналогичные договоры захватить Латвию, Литву, Эстонию и часть территории Румынии.

На этот раз Сталину вовсе не нужна была быстрая победа над Германией соединенных сил СССР и западных держав. У него были иные далекоидущие цели и намерения, о которых уже говорилось выше, и он предоставил трагическим событиям на западе идти своим чередом, не думая о последствиях этих событий, грозящих народам Советского Союза реками крови и десятками миллионов жертв.

Напомним, что расчеты Сталина, как и расчеты его партнера по договору — Гитлера, базировались на факторе времени. Все свои планы Сталин связывал с допущением того, что война Гитлера с западными державами будет столь длительна, что позволит Советскому Союзу вмешаться в нее, когда силы Германии будут на исходе и все еще окажутся полностью связанными войной на Западе.

Это было лишь допущение, но Сталин обратил его в аксиому и в соответствии с этим действовал, как азартный игрок, как политический авантюрист, ориентируясь, по существу, только на свою удачу, на то, что события войны будут развиваться только в желательном для него направлении и благоприятствовать его целям.

О возможности другого исхода военного конфликта между Гитлером и западными державами он, видимо, и не задумывался, так как оказался к нему неподготовленным.

Менее чем в полтора месяца кампания на Западе была завершена разгромом французской армии и капитуляцией Франции. Столь скоротечная кампания, какую провел Гитлер на Западе, угрожала Сталину катастрофой. Ее результаты подрывали все расчеты и планы прославленного вождя и «гениального стратега», который, заключив договор с Гитлером, сам же и помог ему не только уничтожить, но и на долгое время ликвидировать возможность воссоздания второго фронта на западе европейского континента. Того самого фронта, наличие которого лежало в основе стратегического замысла Сталина и должно было, по его расчетам, обеспечить ему победу над Германией.

После неожиданной для Сталина капитуляции Франции в его распоряжении уже не оставалось того длительного времени, какое по его планам было ему необходимо для тщательной подготовки к наступательным действиям Красной Армии. У него уже не было времени для ее боевой выучки, для ее достаточного технического оснащения, а также для стратегического и оперативного сосредоточения и развертывания ее сил. Гениальному стратегу вопреки его расчетам предстояло иметь дело с противником, вовсе не измотанным, не всецело поглощенным и связанным изнурительной для него войной на Западе и в силу этого неспособным к наступательным действиям на Востоке.

Совсем напротив. С ликвидацией фронта на западе европейского континента Гитлер снова обеспечил себе возможность обратить подавляющую часть сил германской сухопутной армии в одну сторону, но на этот раз уже не на Запад, а на Восток, против Советского Союза.

К границам СССР была придвинута готовая обрушить удар мощная армия Германии в количестве 153 дивизий следующего состава.

Состав германских сухопутных сил на Востоке
по состоянию на 26 июня 1941 г.

Пехотные дивизии	102
Моторизованные дивизии	13
Танковые дивизии	19
Легкие и горно-стрелковые дивизии	8
Кавалерийские дивизии	1
Охранные и полицейские дивизии	10
Итого	**153**[14]

Теперь те горькие плоды победы Гитлера на Западе, какие достались в 1940 г. на долю Франции, предстояло вкусить и Советскому Союзу, при содействии правительства которого эта победа на Западе была одержана.

Так трагически для населения нашей страны, как и для жителей Европы, обернулась авантюристическая внешняя политика Сталина, толкнувшая Советский Союз на заключение договора с Гитлером в 1939 г.

Таким образом, вопреки утверждениям советских историков, договор с Германией, заключенный 23 августа 1939 г., не только не избавил СССР от войны, но заставил его вести войну с Германией в несравненно худших условиях, чем это было возможно в 1939 г., когда можно было заключить союзный договор с западными державами.

Авантюристическая «комбинация» Сталина, заключившего договор с Гитлером, могла иметь еще более мрачные и далекоидущие последствия.

Известный советский автор книг и статей по вопросам международной политики С. А. Вишневский, выступающий в печати под именем Эрнст Генри, в своем письме к И. Г. Эренбургу по поводу некоторых высказываний последнего о Сталине указал на следующее:

«...Сталин заключил пакт с Гитлером. Упоминая об этом, Вы пишете, что, по словам, сказанным Вам нашими дипломатами, пакт с Гитлером был необходим. Сталину удалось разрушить планы коалиции Запада, которая продолжала мечтать об уничтожении Советского Союза. Зная о том, что произошло впоследствии, это спорно. Спорно уже хотя бы вот почему: если бы Гитлеру, восточный тыл которого был обеспечен благодаря пакту с нами, в 1940 году, сразу после разгрома французов и бегства англичан, удалось так или иначе покончить с Англией (а теперь ясно, что сразу после Дюнкерка такой шанс у него был), если бы это произошло, то мы были бы обречены. Вместо коалиции Запада нам предстоял бы единый гитлеровский лагерь. Что-то несравненно худшее.

Америка в этом случае, потеряв английскую базу, окончательно отступила бы за океан, предоставляя Гитлеру расправляться с нами. Изоляционистские и профашистские силы США возросли бы в сто крат, позиция Рузвельта пошатнулась бы, и даже американо-германская коалиция против нас стала бы возможной. Эффект, таким образом, стал бы прямо противоположным тому, на что рассчитывал Сталин, заключая пакт с Гитлером. И дело было в том, что разгрома Франции, Англии он не предвидел. Он не разобрался в положении. В результате в 1940 году мы висели на волоске, и только поразительные просчеты этого Макиавелли номер два — Гитлера позволили нам выбраться из ловушки. Про все это молчат по сей день. Мы играли ва-банк и тогда же могли проиграть — уже раз и навсегда в этом веке...».

Принимая во внимание все изложенное выше, невозможно согласиться с мнением советских историков относительно того, что, добившись столкновения в военном конфликте Германии и западных держав, советскому правительству будто бы удалось достичь этим выдающегося успеха в своей внешней политике и доказать образец того, как надо использовать противоречия внутри

империалистического лагеря... в интересах социализма. Ведь, способствуя этому столкновению, советское правительство добилось уничтожения второго фронта в Европе, о восстановлении которого ему же и пришлось в скором времени тщетно и долго взывать к своим союзникам.

Такое трагическое положение, в какое был поставлен Советский Союз усилиями своего правительства, можно рассматривать только как свидетельство поражения и краха сталинской внешней политики, а не как признак ее успеха, в чем пытаются нас уговорить В. Г. Трухановский и другие советские историки.

В последующих очерках будут детально раскрыты и другие последствия авантюристической внешней политики Сталина, а также событий, связанных с этой политикой.

____

Примечания

[1] Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1968. Т. 1. С. 34.
[2] Табуи Ж. Двадцать лет дипломатической борьбы. М., 1960. С. 366-367.
[3] Анфилов В. А. (канд. воен. наук, полковник). Начало Великой Отечественной войны (22 июня 1941 года): Воен.-ист. очерк. М., 1962. С. 34-35.
[4] Черемухин К. Об одной фальшивой версии // Воен.-ист. журн. 1961. № 9. С. 120.
[5] Анфилов В. А. Указ. соч. С. 35.
[6] Там же. С. 36, 37, 38, 40.
[7] Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945. Краткая история. М., 1965. С. 48.
[8] Архив МО СССР. Ф. 229, оп. 21037, д. 43. Л. 1-9 // История Великой Отечественной войны. М., 1960. Т. 1. С. 477.
[9] История Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 477-478.
[10] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. М., 1963. Т. 2. С. 49.
[11] Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 194.
[12] Сандалов Л. М. Пережитое. М., 1961. С. 44-46.
[13] Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933-1945 гг. М., 1958. Т. 2. С. 54-55.
[14] Там же. С. 151, 152.

Д. АНТОНОВ
(Москва)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: Легенды и действительность

Глава VIII. Еще один шаг Сталина в реализации условий секретного протокола — попытка вооруженного захвата Финляндии

А. От дипломатического наступления к военному нападению на Финляндию*

В процессе реализации условий секретного советско-германского протокола от 23 августа 1939 года Сталин, соблюдая принцип очередности в проведении соответствующих мер, действовал вместе с тем одновременно по нескольким направлениям. Так, когда еще продолжались операции советских войск после недавнего вторжения в Польшу, уже 24 сентября в Москве велись переговоры с министром иностранных дел Эстонии, которые закончились подписанием 28 сентября советско-эстонского пакта о взаимопомощи. Два дня спустя после начала советско-латвийских переговоров, которые закончились 5 октября, в Москве уже велись переговоры с представителями Литвы, начавшиеся 3 октября. Еще продолжались переговоры с Литвой, как в Москве начались советско-финляндские переговоры.

Остановимся на краткой предыстории этих переговоров, пользуясь для этого данными первого тома издания «Великая Отечественная война Советского Союза».

Суть этой предыстории вкратце в следующем. Вскоре после заключения мирного договора между РСФСР и Финляндией в 1921 году на Карельском перешейке и прилегающих к нему островах Финского залива и Ладожского озера началось создание системы укреплений. Эта система получила впоследствии название линии Маннергейма. В 1924-1925 гг. под руководством английского генерала Кэрка была реорганизована финляндская армия и разработана новая система ее комплектования. Одновременно шло усиленное строительство аэродромов и военно-морских баз, согласно замечанию нашего источника, намного превышавших потребности финских военно-воздушных и военно-морских сил. Так, располагая менее чем 300 боевыми самолетами, Финляндия имела до 40 военных аэродромов».

К 1939 году линия Маннергейма состояла из трех полос укреплений общей глубиной до 90 километров» и насчитывала 296 долговременных железобетонных и 897 гранитных сооружений, часть которых могла выдержать попадание 152-203-мм снарядов[1]. Само собой разумеется, что военное строительство в Финляндии носило оборонительный характер и, конечно, имело в виду вполне возможную и даже весьма вероятную угрозу агрессии против финнов, которую следовало ожидать в первую очередь с юга, то есть со стороны такого мощного соседа, как Советский Союз. Укрепления и базы должны были задерживать продвижение противника внутрь страны до тех пор, пока Финляндия получит помощь извне, ибо весь финский народ, по своей численности не превышающий население одного Ленинграда, не мог рассчитывать на то, что ему одному удастся долго противостоять натиску колоссальных сил СССР.

В расчете на военную помощь со стороны, очевидно, строились аэродромы и базы.

Посольство СССР в Хельсинки в апреле 1938 года заявило правительству Финляндии о настоятельной необходимости улучшения советско-финляндских отношений и принятии таких мер, которые укрепили бы безопасность как Советского Союза, так и Финляндии. Финляндское правительство признало закономерной такую постановку вопроса и согласилось на соответствующие переговоры.

Вскоре правительство Финляндии обратилось к правительству СССР за оказанием содействия в вопросе о проведении пересмотра конвенции 1921 г., согласно которой Аландские острова не должны

---

* Клио. 1999. № 2. С. 266-276.

вооружаться и должны быть нейтрализованы. Советское правительство запросило о характере и размерах предполагаемого вооружения Аландских островов. Правительство Финляндии отказалось дать ответ на эти вопросы, ссылаясь на соображения военной тайны. В марте 1939 г. все эти вопросы вновь были подняты в ходе советско-финляндских переговоров, протекавших через обычные дипломатические каналы. Советское правительство выдвинуло следующие предложения: СССР гарантирует неприкосновенность Финляндии и ее морских границ; предоставит Финляндии обязательства помощи против агрессии, вплоть до военной помощи; заключит с Финляндией выгодный для нее торговый договор; поддержит ходатайство финляндского правительства о пересмотре статуса Аландских островов. Финляндия, со своей стороны, даст Советскому Союзу обязательство сопротивляться любой агрессии, отстаивать свой суверенитет и независимость, оказать Советскому Союзу содействие в укреплении безопасности Ленинграда как с суши, так и с моря. Это содействие могло бы выразиться в предоставлении Финляндией Советскому Союзу аренды на острова в Финском заливе Суурсаари (Гогланд), Лавансаари, Сейскари, Тиуринсари сроком на тридцать лет.

Финляндское правительство не приняло советских предложений, а вопрос о ремилитаризации Аландских островов внесло на рассмотрение Лиги Наций. При обсуждении этого вопроса советское правительство заявило, что для него «представляется неясным, каковы именно цели вооружения островов, в каких размерах эти вооружения будут производиться, против кого они направлены и, наконец, в чем заключается гарантия, что эти укрепления не будут использованы какой-либо агрессивной державой против СССР, расположенного в непосредственной близости от Аландского архипелага». Никакого решения по данному вопросу Лигой Наций принято не было.

Советско-финляндские переговоры были продолжены в октябре 1939 г.[2]

Они начались 5 октября, когда советское правительство обратилось с предложением начать переговоры о советско-финляндских отношениях в связи с войной в Европе.

11 октября в Москву прибыл уполномоченный Финляндского правительства Паасикиви. На следующий день, 12 октября, он был принят Молотовым. В беседе, которая продолжалась свыше часа, принял участие Сталин. Советское правительство вновь предложило заключить пакт о взаимопомощи. Финское правительство снова дало отрицательный ответ.

Недавние события в странах Прибалтики, правительства которых вынуждены были против своей воли принять требование СССР о вводе советских войск на территорию этих государств, достаточно ясно говорили о том, что и финнов попытаются в Москве принудить к принятию советских требований под угрозой войны. Чтобы предупредить возможность повторения такой угрозы насилия в переговорах с Финляндией, президент США Рузвельт обратился 12 октября с нотой к правительству СССР и с посланием к Калинину.

После отрицательного ответа финляндского правительства правительство СССР 14 октября предложило Финляндии сдать в аренду Советскому Союзу сроком на 30 лет порт Ханко в северо-западной части Финского залива и передать ему расположенные перед южным побережьем финляндские острова Гогланд, Сейскари, Лавансаари, Тиуринсари, Бьерке и часть Карельского перешейка, необходимые для обеспечения минимальной безопасности Ленинграда, а также западную часть полуострова Рыбачий на побережье Северного Ледовитого океана и Средний — всего площадью 276 кв. км в обмен на советскую территорию размером в 5 523 кв. км в районе Реболы и Порос-озера[3].

Это был крупный, но не представлявший ценности участок территории на советско-финской восточной границе. Финская сторона, чтобы проявить добрую волю, готова была пойти на некоторые уступки, которые, однако, не удовлетворяли советскую сторону. Последняя особенно настаивала на своем требовании в отношении Ханко, на которое финны не соглашались. Таким образом, предложения советской стороны практически сводились к тому, чтобы Финляндия отказалась от своих оборонительных сооружений, оставшись беззащитной перед Советским Союзом и лишившись возможности сколько-нибудь успешно сопротивляться в случае нападения последнего. Конечно, финская сторона не могла

согласиться на самоубийственный для нее шаг, какой ей предлагала советская сторона; ведь не для этого в течение многих лет они сооружали мощные оборонительные сооружения линии Маннергейма.

Состоявшаяся во время переговоров конференция северных стран Европы выразила свою поддержку Финляндии. Давая оценку результатам этой конференции, французская газета «Тан» писала: «Финляндия может рассчитывать на солидарность скандинавских стран и на моральную поддержку всего цивилизованного мира»[4].

В своей речи на внеочередной пятой сессии Верховного Совета СССР Молотов 31 октября, коснувшись советско-финляндских переговоров, сказал о том, к чему свелись в процессе этих переговоров требования советской стороны.

«Мы предложили также Финляндии провести на всей советско-финской границе на Карельском перешейке разоружение укрепленных районов, что должно целиком соответствовать интересам Финляндии. Мы выразили далее желание усилить советско-финский пакт ненападения дополнительными взаимными гарантиями»[5].

12 ноября в Москве было опубликовано опровержение ТАСС по поводу «лживого сообщения английской газеты "Дейли Экспресс"» о том, что якобы «Сталин снова отклонил последние уступки, которые были сделаны Финляндией». ТАСС сообщает, говорилось в «опровержении», что никаких «последних уступок» финны не делали, ввиду чего т. Сталин не мог отклонить того, чего вообще не было. Наоборот, финны увеличили число дивизий на Карельском перешейке с 2-3 до 7, демонстрируя этим свою неуступчивость. «Хроника международных событий» дополняет это сообщение еще следующим, датируемым 12 ноября:

«По сообщению из Финляндии, вся страна превращена в сплошной военный лагерь. Под ружьем находится 25 возрастов. Однако даже в официальных кругах все чаще раздаются заявления, что правительство «пересолило», «слишком понервничало» и т.д. Печать продолжает ожесточенную антисоветскую кампанию, провокационно раздувая воинственные настроения»[6].

14 ноября «Хроника международных событий» отмечает:

«Антисоветская кампания финляндской печати резко усилилась. В связи с отзывом финляндской делегации из СССР, реакционные круги Финляндии пытаются свалить вину за срыв переговоров на СССР, так как он, якобы, предъявил «невозможные требования», заранее высказываются сомнения в том, можно ли будет дальше продолжать переговоры»[7].

Через 12 дней на советско-финской границе произошло событие, резко обострившее отношения между СССР и Финляндией. Об этом рассказывается в советской ноте следующее:

«Нота правительства СССР, врученная посланнику Финляндии по поводу провокационного обстрела советских войск финляндскими воинскими частями 26 ноября 1939 года.

26 ноября вечером Народный Комиссар Иностранных Дел СССР В. М. Молотов принял посланника Финляндии г-на Ирне-Коскинена и вручил ему ноту правительства СССР по поводу провокационного обстрела советских войск финляндскими воинскими частями, сосредоточенными на Карельском перешейке.

Принимая ноту, г-н Ирне-Коскинен заявил, что он немедленно снесется со своим правительством и даст ответ. Ниже приводится текст ноты.

«Господин посланник!

По сообщению Генерального штаба Красной Армии сегодня, 26 ноября, в 15 ч. 45 м. наши войска, расположенные на Карельском перешейке, у границы Финляндии, около села Майнила были неожиданно обстреляны с финской территории артиллерийским огнем. Всего было произведено семь артиллерийских выстрелов, в результате чего убито трое рядовых и один младший командир, ранено семь рядовых и двое из командного состава.

Советское правительство, ставя Вас об этом в известность, считает нужным подчеркнуть, что оно уже во время недавних переговоров с гг. Таннером и Паасикиви указывало на опасность, которую создает сосредоточение большого количества регулярных финляндских войск у самой границы под Ленинградом.

Теперь в связи с фактом провокационного обстрела советских войск с Финляндской территории советское правительство вынуждено констатировать, что сосредоточение финляндских войск под Ленинградом не только создает угрозу для Ленинграда, но представляет на деле враждебный акт против СССР, уже приведший к нападению на советские войска и к жертвам.

Советское правительство не намерено раздувать этот возмутительный акт нападения со стороны частей финляндской армии, может быть, плохо управляемых финляндским командованием. Но оно хотело бы, чтобы такие возмутительные факты впредь не имели места.

Ввиду этого, Советское правительство, заявляя решительный протест по поводу случившегося, предлагает финляндскому правительству незамедлительно отвести свои войска подальше от границы на Карельском перешейке — на 20-25 км и тем предотвратить возможность повторения провокаций.

Примите, господин посланник, уверения в совершенном к Вам почтении. Народный Комиссар Иностранных Дел СССР В. Молотов. 26 ноября 1939 г.»[8]

За последние месяцы это был не первый и не единственный инцидент, который происходил у советских границ как раз в то время, когда советское правительство предъявляло территориальные требования к одному из своих соседей в Прибалтике. Совсем недавно, 18 сентября, ТАСС сообщал о скрытой поддержке, какой пользуются интернированные в Эстонии польские подводные лодки и об их таинственном исчезновении. Затем последовало сообщение от 11 сентября, о том, что объяснения, данные эстонским правительством по поводу польских подводных лодок, признаны советской стороной неудовлетворительными. В тот же день, 27 сентября ТАСС сообщил о потоплении неизвестной подводной лодкой в районе Нарвского залива советского парохода «Металлист» и о гибели 14 человек из числа находящихся на борту парохода.

Как тогда, так и теперь жертвами инцидента являлись граждане СССР; как тогда, так и теперь инциденты шли вразрез с интересами соседей СССР и должны были играть на руку советскому правительству в его требованиях.

В этих условиях финскому правительству ничего другого не оставалось делать, как прибегнуть к расследованию того инцидента, на который ссылался в своей ноте Молотов.

Финляндское правительство дало свой ответ на ноту Молотова на следующий же день, 27 ноября.

«Господин Народный Комиссар!

В ответ на Ваше письмо от 26 сего месяца имею честь, по распоряжению моего правительства, довести до Вашего сведения нижеследующее:

В связи с якобы имевшим место нарушением границы финляндское правительство в срочном порядке произвело надлежащее расследование. Этим расследованием было установлено, что пушечные выстрелы, о которых упоминает Ваше письмо, были произведены не с финляндской стороны. Напротив, из данного расследования вытекает, что упомянутые выстрелы были произведены 26 ноября между 15 часами 5 минутами и 16 часами 5 минутами по советскому времени с советской пограничной стороны близ упомянутого Вами селения Майнила. С финляндской стороны можно было видеть даже место, где взорвались снаряды, так как селение Майнила расположено в расстоянии всего 800 метров от границы, за открытым полем.

На основании расчета скорости распространения звука от семи выстрелов можно было заключить, что орудия, из которых были эти выстрелы, находились на расстоянии около полутора-двух км на юго-восток от места разрыва снарядов. Наблюдения, относящиеся к упомянутым выстрелам, занесены были в журнал пограничной стражи в самый момент происшествия. При таких обстоятельствах представляется возможным, что дело идет о несчастном случае, происшедшем при учебных упражнениях, имевших место на советской стороне и повлекшем за собою, согласно Вашему сообщению, человеческие жертвы. Вследствие этого я считаю своим долгом отклонить протест, изложенный в Вашем письме, и констатировать, что враждебный акт против СССР, о котором Вы говорите, был совершен не с финляндской стороны.

В Вашем письме Вы ссылались также на заявления, сделанные гг. Паасикиви и Таннеру во время их пребывания в Москве, относительно опасности сосредоточения регулярных войск в непосредственной близости к границе близ Ленинграда. По этому поводу я хотел бы обратить Ваше внимание на то обстоятельство, что в непосредственной близости к границе с финляндской стороны расположены главным образом пограничные войска, орудий такой дальнобойности, чтобы их снаряды ложились по ту сторону границы, в этой зоне не было вовсе.

Хотя и не имеется конкретных мотивов для того, чтобы, согласно Вашему предложению, отвести войска с пограничной линии, мое правительство тем не менее готово приступить к переговорам по вопросу об обоюдном отводе войск на известное расстояние от границы.

Я принял с удовлетворением Ваше сообщение, из которого явствует, что правительство СССР не намерено преувеличивать значение пограничного инцидента, якобы имевшего место по утверждению Вашего письма. Я счастлив тем, что имел возможность рассеять это недоразумение уже на следующий день по получении Вашего предложения. Однако для того, чтобы на этот счет не осталось никакой неясности, мое правительство предлагает, чтобы пограничным комиссарам обеих сторон на Карельском перешейке было поручено совместно произвести расследование по поводу данного инцидента в соответствии с Конвенцией о пограничных комиссарах, заключенной 24 сентября 1928 г.

Примите, господин Народный Комиссар, заверения в моем глубочайшем уважении.

Посланник Финляндии А. С. Ирие-Коскинен»[9].

Таково было разъяснение правительства Финляндии, и таково было его предложение по улаживанию «инцидента».

Однако такое улаживание «инцидента» не входило в расчеты правительства Сталина. Оно вовсе не было заинтересовано в объективном расследовании случившегося. В соответствующем духе и тоне был составлен ответ советской стороны от 28 ноября 1939 г. Этот ответ представляет несомненный интерес для изучения нравов сталинской дипломатии.

«Господин посланник!

Ответ правительства Финляндии на ноту советского правительства от 26 ноября представляет документ, отражающий глубокую враждебность правительства Финляндии к Советскому Союзу и призванный довести до крайности кризис в отношениях между обеими странами.

1. Отрицание со стороны правительства Финляндии факта возмутительного артиллерийского обстрела финскими войсками советских войск, повлекшего за собой жертвы, не может быть объяснено иначе как желание ввести в заблуждение общественное мнение и поиздеваться над жертвами обстрела. Только отсутствие чувства ответственности и презрительное отношение к общественному мнению могло продиктовать попытку объяснить возмутительный инцидент с обстрелом «учебными упражнениями» советских войск в артиллерийской стрельбе у самой линии границы на виду у финских войск.

2. Отказ правительства Финляндии отвести войска, совершившие злодейский обстрел советских войск, и требование об одновременном отводе финских и советских войск, исходящее формально из принципа равенства сторон, изобличает враждебное желание правительства Финляндии держать Ленинград под угрозой. На самом деле мы имеем здесь не равенство в положении финских и советских войск, а наоборот, преимущественное положение финских войск. Советские войска не угрожают жизненным центрам Финляндии, ибо они отстоят от них на сотни километров, тогда как финские войска, расположенные в 32 км от жизненного центра СССР — Ленинграда, насчитывающего 3,5 млн населения, создают для него непосредственную угрозу. Не приходится уже говорить о том, что советские войска, собственно, некуда отводить, так как отвод советских войск на 25 км означал бы расположение их в предместьях Ленинграда, что является явно абсурдным с точки зрения безопасности Ленинграда. Предложение советского правительства об отводе финских войск на 20-25 км является минимальным, ибо оно ставит своей целью не уничтожение этого неравенства в положении финских и советских войск, а лишь некоторое его смягчение.

Если правительство Финляндии отклоняет даже это минимальное предложение, то это значит, что оно намерено держать Ленинград под непосредственной угрозой своих войск.

3. Сосредоточив под Ленинградом большое количество регулярных войск и поставив, таким образом, важнейший жизненный центр СССР под непосредственную угрозу, правительство Финляндии совершило враждебный акт в отношении СССР, несовместимый с пактом о ненападении, заключенным между обеими странами. Отказавшись же отвести войска хотя бы на 20-25 км после происшедшего злодейского артиллерийского обстрела советских войск со стороны финских войск, правительство Финляндии показало, что оно продолжает оставаться на враждебных позициях в отношении СССР, не намерено считаться с требованиями пакта о ненападении и решило и впредь держать Ленинград под угрозой. Но правительство СССР не может мириться с тем, чтобы одна сторона нарушала пакт о ненападении, а другая обязывалась исполнять его. Ввиду этого советское правительство считает себя вынужденным заявить, что с сего числа оно считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении, заключенного между СССР и Финляндией и систематически нарушаемого правительством Финляндии.

Примите, господин посланник, уверения в совершенном к Вам почтении.

Народный Комиссар Иностранных Дел СССР В. Молотов»[10].

По поводу этой ноты заметим лишь, что Молотов обошел молчанием вопрос о предложении финляндской стороны совместно с СССР расследовать инцидент с артиллерийским обстрелом, и это, конечно, не было случайностью, ибо для Сталина такое расследование являлось нежелательным.

Дальнейшие действия советской стороны, вытекавшие из этой ноты, не заставили себя ждать. На следующий день, 29 ноября, по радио выступил Молотов с речью, посвященной, как это было указано в газетах, советско-финляндскому конфликту.

«Граждане и гражданки Советского Союза! Враждебная в отношении нашей страны политика нынешнего правительства Финляндии вынуждает нас принять немедленно меры по обеспечению внешней государственной безопасности. Вы знаете, что в течение двух последних месяцев советское правительство терпеливо вело переговоры с финляндским правительством о предложениях, которые в современной тревожной международной обстановке оно считало минимальным для обеспечения безопасности страны, и особенно для безопасности Ленинграда. Финляндское правительство заняло в этих переговорах непримиримо враждебную к нашей стране позицию. Вместо того чтобы дружественным образом найти почву для соглашения, нынешнее финляндское правительство в угоду иностранным капиталистам — поджигателям вражды к Советскому Союзу, пошли по другому пути. Несмотря на все сделанные нами уступки, переговоры окончились неудачно.

Теперь известно, к чему это привело. В последние дни на советско-финляндской границе начались возмутительные провокации финляндской военщины, вплоть до артиллерийского обстрела наших воинских частей под Ленинградом, приведшего к тяжелым жертвам в красноармейских частях. Попытки нашего правительства практическими предложениями, обращенными к финляндскому правительству, предупредить повторение этих провокаций не только не встретили поддержки, но снова натолкнулись на враждебную политику правящих кругов Финляндии. На наши предложения, как вы знаете из вчерашней ноты советского правительства, они ответили враждебным отказом и наивным отрицанием фактов, издевательским отношением к понесенным нами жертвам, неприкрытым стремлением и впредь держать Ленинград под непосредственной угрозой своих войск. Все это окончательно показало, что нынешнее финляндское правительство, запутавшееся в своих антисоветских связях с империалистами, не хочет поддерживать нормальных отношений с Советским Союзом. Оно продолжает занимать враждебную позицию в отношении нашей страны и не хочет считаться с требованиями заключенного между нашими странами пакта ненападения, желая держать наш славный Ленинград под военной угрозой. От такого правительства и его безрассудной военщины можно ждать теперь лишь новых наглых провокаций. Поэтому советское правительство вынуждено было вчера заявить, что отныне оно считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении, заключенного между СССР и Финляндией.

Ввиду новых фактов нападения финляндских военных частей на советские войска у советско-финляндской границы правительство вынуждено теперь принять новые решения. Правительство не может больше терпеть создавшееся положение, ответственность за которое полностью ложится на правительство Финляндии. Правительство пришло к выводу, что больше оно не может поддерживать нормальных отношений с правительством Финляндии и потому признало необходимым немедленно отозвать из Финляндии своих политических и хозяйственных представителей. Правительство дало вместе с тем распоряжение Главному Командованию Красной Армии и Военно-Морского флота — быть готовым ко всяким неожиданностям и немедленно пресекать возможные новые вылазки со стороны финляндской военщины.

Враждебная нам иностранная пресса утверждает, что принимаемые нами меры преследуют цели захвата или присоединения к СССР финляндской территории. Это злостная клевета. Советское правительство не имело и не имеет таких намерений. Больше того, при наличии дружественной политики со стороны самой Финляндии в отношении Советского Союза Советское правительство, всегда стремившееся к дружественным отношениям с Финляндией, было бы готово пойти ей навстречу по части территориальных уступок со стороны СССР. При этом условии советское правительство было бы готово благоприятно обсудить даже такой вопрос, как вопрос о воссоединении карельского народа, населяющего основные районы нынешней Советской Карелии, с родственным ему финским народом в независимом финляндском государстве. Для этого, однако, необходимо, чтобы правительство Финляндии занимало в отношении СССР не враждебную, а дружественную позицию, что соответствовало бы кровным интересам обоих государств.

Другие утверждают, что проводимые нами меры направлены против независимости Финляндии или на вмешательство в ее внутренние дела. Это такая же злостная клевета. Мы считаем Финляндию, какой бы там режим ни существовал, независимым и суверенным государством во всей ее внешней и внутренней политике. Мы стоим твердо за то, чтобы свои внешние и внутренние дела решал сам финляндский народ, как это он сам считает нужным. Народы Советского Союза сделали в свое время то, что нужно было для создания независимости Финляндии. Народы нашей страны готовы и впредь оказать помощь финляндскому народу в обеспечении его свободного и независимого развития. Советский Союз не имеет также намерений ущемить в какой-либо мере интересы других государств в Финляндии. Вопросы взаимоотношений между Финляндией и другими государствами являются делом исключительно Финляндии, и Советский Союз не считает себя вправе вмешиваться в это дело. Единственной целью наших мероприятий является обеспечение безопасности Советского Союза и особенно Ленинграда с его 3,5-миллионным населением. В современной накаленной войной международной обстановке решение этой жизненной и неотложной задачи государства мы не можем поставить в зависимость от злой воли нынешних финляндских правителей. Эту задачу придется решать усилиями самого Советского Союза в дружественном сотрудничестве с финляндским народом. Мы не сомневаемся, что благоприятное разрешение задачи обеспечения безопасности Ленинграда послужит основой нерушимой дружбы между СССР и Финляндией»[11].

Эта речь, полная многозначительных намеков и недосказанностей, предупреждала, что сталинское правительство намерено кроме военных мер предпринять и другие шаги...

На следующий день, 30 ноября 1939 года, Вооруженные Силы СССР начали военные действия против Финляндии.

Об этом шаге советской стороны читаем у одного из наших современных историков следующее:

«В интересах укрепления безопасности советских границ и разгрома военного плацдарма, подготовленного на Карельском перешейке белофиннами для нападения третьих держав на Советский Союз, Красная Армия 30 ноября 1939 г. перешла финскую границу. В ответ на этот законный шаг самозащиты Финляндский президент Каллио объявил войну Советскому Союзу. По вине финляндских правящих кругов началась советско-финляндская война»[12].

В день нападения СССР на Финляндию в газете «Правда» было опубликовано странное интервью, данное Сталиным редактору этой газеты.

«О лживом сообщении агентства Гавас

Редактор «Правды» обратился к тов. Сталину с вопросом: как относится т. Сталин к сообщению агентства Гавас о «речи Сталина», якобы произнесенной им «в Политбюро» 19 августа, где проводилась якобы мысль о том, что «война должна продолжаться как можно дольше, чтобы истощить воюющие стороны». Тов. Сталин прислал свой ответ:

«Это сообщение агентства Гавас, как и многие другие его сообщения, представляет вранье. Я, конечно, не могу знать, в каком именно кафешантане сфабриковано это вранье. Но как бы ни врали господа из агентства Гавас, они не могут отрицать того, что:

а) не Германия напала на Англию и Францию, а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну;

б) после открытия военных действий Германия обратилась к Франции и Англии с мирными предложениями, а Советский Союз открыто поддержал мирные предложения Германии, ибо он считал и продолжает считать, что скорейшее окончание войны коренным образом облегчило бы положение всех стран и народов;

в) правящие круги Англии и Франции грубо отклонили как мирные предложения Германии, так и попытки Советского Союза добиться скорейшего окончания войны. Таковы факты.

Что могут противопоставить этим фактам кафешантанные политики из агентства Гавас?»[13].

При чтении этого интервью, естественно, возникают вопросы:

1. Зачем Сталину понадобилось оправдываться 30 ноября в том, что им было сказано еще 19 августа?

2. Почему это интервью было опубликовано именно в тот день, когда советские войска начали военные действия против Финляндии?

3. Какую цель преследовал Сталин, публикуя это интервью?

В нашем распоряжении нет материалов, в которых содержится ответ на эти вопросы, но само содержание интервью и обстоятельства его опубликования дают основание для суждений, которые приближают нас к пониманию этого шага, сделанного Сталиным 30 ноября 1939 года.

При первом взгляде на это заявление может показаться, что перед нами набор поношений, направленных Сталиным против лица, осмелившегося задеть персону великого вождя. Однако более внимательное чтение опубликованного интервью позволяет установить, что крайняя злобность тона этого заявления и его откровенно враждебное содержание направлены были не столько по адресу корреспондента агентства Гавас, сколько против самих западных великих держав. Эта подмена одного адреса другим говорит о том, что дело было вовсе не в сообщении агентства Гавас.

Вчитываясь в это интервью, мы заметим и другие его особенности. Как явствует из его содержания, поводом к нему послужило сообщение агентства Гавас о словах, произнесенных Сталиным в августе 1939 года. Между тем интервью Сталина было опубликовано 30 ноября того же года.

Представляется сомнительным, чтобы агентство Гавас опубликовало в ноябре известие, относящееся к августу месяцу. В этой связи обращает на себя внимание отсутствие в интервью, опубликованном «Правдой», указания на то, когда именно было опубликовано сообщение агентства Гавас. Изложенное дает нам основание полагать, что упомянутое сообщение было опубликовано в августе или в крайнем случае в первых числах сентября*[1], но никак не позднее.

Но если сообщению агентства Гавас Сталин придавал столь важное значение, что считал его заслуживающим своего собственного ответа, то почему Сталин не откликнулся на него своевременно, то есть в августе или в начале сентября?

---

*[1] Согласно источникам, ставшим известными позднее, данное сообщение агентства Гавас было распространено 28 ноября 1939 г., см., напр. Случ С.З. Речь Сталина, которой не было. Отечественная история. 2004. №1. С. 113-139 [примеч. публикатора].

По-видимому, к 30 ноября дело заключалось вовсе не в сообщении агентства Гавас, о котором все, кто его читал, уже успели позабыть. Надо полагать, что это сообщение было привлечено Сталиным лишь как формальный повод для своего выступления в печати 30 ноября 1939 года. Что же касается самого текста интервью, то в нем прежде всего не содержалось ничего принципиально нового по сравнению с недавно состоявшимся выступлением Молотова на Сессии Верховного Совета СССР.

Вместе с тем текст этого заявления как будто выглядит так, что Сталин, говоря о своей решительной поддержке «мирного наступления» Гитлера, стремится этим доказать, что он — Сталин — не мог одновременно с этим, в противоречии с такой мирной позицией, высказывать прямо ей противоположные мысли о желательности продолжительной войны между Германией и западными великими державами.

Для кого главным образом было предназначено это интервью? Конечно, не для советского читателя, который, ничего не знал, да и мог знать о сообщении агентства Гавас, имеющем к тому же трехмесячную давность. Адресат, к которому обращался Сталин своем интервью, находился за рубежами СССР. Это интервью предназначалось в первую очередь для Гитлера, который все еще не начал военных действий на Западе. Это обстоятельство не могло не тревожить Сталина. Ведь с момента нападения Германии на Польшу прошло три месяца, а войны на Западе, ради которой Сталин заключил договор с Гитлером, практически не было.

В такой ситуации, когда не только Гитлер, но и западные державы явно не торопились с открытием военных действий, Сталин, естественно, мог опасаться, что его расчеты стоят перед угрозой срыва. Особенно опасной в глазах Сталина должна была казаться медлительность Гитлера, ибо за этой медлительностью могло скрываться сомнение Гитлера в безопасности своего восточного тыла, то есть недоверие Гитлера к Сталину. Подозрительность Гитлера относительно истинных намерений Сталина в связи с начавшейся войной между СССР и Финляндией могла только усилиться. Ведь с поражением Финляндии Советский Союз мог оказаться в угрожающей для Гитлера близости к шведской железной руде...

В связи с изложенным нам представляется, что практический смысл выступления Сталина в печати заключался в стремлении успокоить возможную подозрительность Гитлера и тем способствовать его активности в развязывании военных действий на западе. Откровенно враждебная направленность этого интервью против западных держав должна была укрепить в Гитлере уверенность, что Сталин и не помышляет о враждебных действиях против Германии.

На следующий день, 1 декабря, всем стало ясно, о чем так невнятно и намеками говорил Молотов в своей речи по радио 29 ноября.

В газетах СССР было объявлено:

«Установление дипломатических отношений между Советским Союзом и Финляндской Демократической Республикой 1 декабря 1939 г.

1 декабря с.г. Председатель Народного Правительства и Министр Иностранных Дел Финляндии г. Куусинен обратился в Президиум Верховного Совета СССР с официальным заявлением об образовании Народного Правительства Финляндии и предложил установить дипломатические отношения между Финляндской Демократической Республикой и Советским Союзом. Президиум Верховного Совета СССР постановил признать Народное Правительство Финляндии и установить дипломатические отношения между Союзом ССР и Финляндской Демократической Республикой»[14].

2 декабря был заключен «Договор о взаимопомощи и дружбе между Советским Союзом и Финляндской Демократической Республикой». Сообщено об этом было следующее:

«2 декабря в Москве происходили переговоры между Наркоминделом В. М. Молотовым и Председателем Народного Правительства и Министром Иностранных Дел Финляндии г. О. А. Куусиненом по вопросу о заключении договора о взаимопомощи и дружбе между Советским Союзом и Финляндской Демократической Республикой. В переговорах участвовали тт. И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов и А. А.

Жданов. Переговоры закончились подписанием договора о взаимопомощи и дружбе между СССР и Финляндской Демократической Республикой. Текст договора приводится ниже.

Договор о взаимопомощи и дружбе между Советским Союзом и Финляндской Демократической Республикой.

Президиум Верховного Совета СССР, с одной стороны, и Правительство Финляндской Демократической Республики, с другой стороны,

убежденные, что теперь, когда героической борьбой финляндского народа и усилиями Красной Армии СССР ликвидируется опаснейший очаг войны, созданный у границ Советского Союза прежней плутократической властью Финляндии в угоду империалистическим державам, и финляндский народ образовал свою Демократическую Республику, всецело опирающуюся на поддержку народа, пришло время установления прочных дружественных отношений между нашими странами и обеспечения совместными силами безопасности и неприкосновенности наших государств;

признавая, что наступило время для осуществления вековых чаяний финляндского народа о воссоединении карельского народа с родственным ему финским народом в едином финляндском государстве, а также имея в виду благоприятное и отвечающее интересам обеих сторон урегулирование пограничных вопросов, особенно же обеспечение безопасности Ленинграда и южного побережья Финляндии;

в целях укрепления духа и основных положений Мирного Договора 23 октября 1920 г., основанного на взаимном признании государственной независимости и невмешательства во внутренние дела другой Стороны,

признали необходимым заключить между собой нижеследующий Договор о взаимопомощи и дружбе между Советским Союзом и Финляндской Демократической Республикой и назначили для этой цели своими Уполномоченными

Президиум Верховного Совета СССР:

В. М. Молотова, Председателя Совета Народных Комиссаров, Народного Комиссара Иностранных Дел СССР,

Народное Правительство Финляндии:

О. В. Куусинена, Председателя Народного Правительства и Министра Иностранных Дел Финляндии,

каковые уполномоченные, по взаимном предъявлении своих полномочий, найденных составленными в должной форме и надлежащем порядке, согласились о нижеследующем:

Статья I. ...Советский Союз выражает согласие передать Финляндской Демократической Республике районы Советской Карелии с преобладающим карельским населением — всего в размере 70 000 кв. км, со включением этой территории в состав государственной территории Ф.Д.Р. и установлением границы между СССР и Ф.Д.Р. согласно приложенной карте...

Ф.Д.Р. выражает согласие на некоторую передвижку границы на Карельском перешейке в северном направлении от Ленинграда, с передачей Советскому Союзу территории в размере 3 970 кв. км, причем СССР считает себя обязанным возместить Финляндии стоимость железнодорожных участков на территории Карельского перешейка, переходящего к СССР, в размере 120 миллионов финских марок.

Статья II. Ф.Д.Р. во взаимных интересах укрепления безопасности СССР и Финляндии выражает согласие: а) сдать Советскому Союзу в аренду сроком на 30 лет полуостров Ханко и морскую территорию вокруг него радиусом в 5 миль к югу и востоку и в 3 мили к западу и северу от него и ряд островов, примыкающих к нему с юга и с востока, в соответствии с приложенной картой, — для создания там военно-морской базы, способной оборонять от агрессии вход в Финский залив в интересах обеспечения безопасности Финляндии и СССР, причем в целях охраны морской базы Советскому Союзу предоставляется право держать там за свой счет строго ограниченное количество наземных и воздушных вооруженных сил, максимальная численность которых определяется особым соглашением;

б) продать Советскому Союзу в Финском заливе острова Суурсаари (Гогланд), Сейскари, Лавансаари, Тютерсаари (малый и большой), Койвисто (Бьерке), а также принадлежащие Финляндии части

полуостровов Рыбачьего и Среднего на побережье Северного Ледовитого океана за установленную сумму в размере 300 миллионов финских марок».

Статья III. (О взаимной помощи.)

Статья IV. (О неучастии в союзах или коалициях, направленных против одной из договаривающихся сторон.)

Статья V. (О заключении торгового договора.)

Статья VI. (Об обязательствах СССР оказывать помощь Финляндии на льготных условиях вооружением и прочими военными материалами.)

Статья VII. Срок действия обязательства о взаимной помощи (ст. I-V) — 25 лет.

Статья VIII. (О немедленном вступлении в силу договора, т.е. со дня его подписания)»[15].

Нападение советских войск на Финляндию встревожило и взволновало весь мир, никого не оставив равнодушным к судьбе этой маленькой и мужественной страны.

Узнав о нападении СССР на Финляндию, Рузвельт 1 декабря 1939 г. срочно вернулся из Уорли-Спринге в Вашингтон «в разгар», как он сказал, «ужасающего насилия над Финляндией». 2 декабря Рузвельт публично предложил ввести «моральное эмбарго» на продажу авиационного оборудования Советскому Союзу[16].

О визите американского посла было сообщено в советской печати следующее (приводим важнейшие места):

«В связи с заявлением, сделанным послом США г. Штейнгартом по поручению президента г. Рузвельта, В. М. Молотов дал следующие разъяснения по вопросам, относящимся к событиям в Финляндии...

...Что касается отставки правительства Каяндера и замены его правительством Таннера, то В. М. Молотов сказал, что это обстоятельство, к сожалению, не улучшает дела. Таннер — кандидатура явно неудачная. Г. Таннер был и, несомненно, остается злым гением советско-финляндских переговоров.

Если бы переговоры со стороны Финляндии вел г. Паасикиви, без участия г. Таннера, как это было в первый период переговоров, то переговоры, вероятно, закончились бы приемлемым соглашением. Но участие г. Таннера в переговорах испортило все дело и, видимо, связало руки г. Паасикиви. Ввиду этого Советский Союз не ждет ничего хорошего от правительства г. Таннера. К тому же образование нового правительства Финляндии — Народного правительства во главе с г. Куусиненом — вносит новый важный момент в обстановку и вызывает у советского правительства надежду на мирное и удовлетворительное разрешение возникшего кризиса»[17].

Итак, мирная инициатива Рузвельта была отклонена правительством СССР.

3 декабря финляндское правительство обратилось в Лигу Наций с просьбой вмешаться в конфликт и остановить агрессию Советского Союза. Это обращение, переданное через постоянного делегата Финляндии в Лиге Наций, гласило:

«СССР, с которым Финляндия поддерживала с момента подписания Мирного Договора в Тарту в 1920 г. добрососедские отношения и подписала пакт о ненападении, срок действия которого истекал только в 1945 году, внезапно напал утром 30-го ноября с.г. не только на пограничные позиции, но также и на открытые финляндские города, сея смерть и опустошение среди гражданского населения, особенно воздушными атаками. Финляндия никогда ничего не предпринимала против своего мощного соседа. Она не переставала прилагать самые большие усилия, чтобы жить с ним в мире. Тем не менее, ссылаясь на мнимый отказ Финляндии согласиться с так называемым пограничным инцидентом и обвиняя в мнимом отказе согласиться на укрепление безопасности Ленинграда, СССР сначала денонсирует упомянутый выше пакт о ненападении, а затем отказывается от предложения финляндского правительства прибегнуть к посредничеству какой-либо нейтральной державы. По указанию моего правительства имею честь довести вышеизложенное до Вашего сведения с просьбой соблаговолить созвать немедленно, в силу статей 11-й и 15-й пакта, Совет и Ассамблею и просить их принять все необходимые меры, чтобы остановить агрессию. Я не премину представить Вам полное изложение причин и обстоятельств, которые заставили мое

правительство просить вмешательства Лиги Наций в конфликт, приведший к столкновению двух ее членов.

Рудольф Холсти»[18].

4 декабря по поводу вторжения советских войск в Финляндию шведский посланник в Москве сделал по поручению своего правительства соответствующее представление советскому правительству о желательности мирных переговоров с Финляндией. Об этом было сообщено так:

«Прием В. М. Молотовым шведского посланника г. Винтера 4 декабря 1939 года

Принятый В. М. Молотовым 4 декабря шведский посланник г. Винтер сообщил о желании так называемого финляндского правительства приступить к новым переговорам о соглашении с Советским Союзом. В. М. Молотов объяснил г. Винтеру, что советское правительство не признает так называемого Финляндского правительства, уже покинувшего г. Хельсинки и направившегося в неизвестном направлении, и потому ни о каких переговорах с этим «правительством» не может теперь стоять вопрос. Советское правительство признает только Правительство Финляндской Демократической Республики, заключило с ним договор о взаимопомощи и дружбе, и это является надежной основой развития мирных и благоприятных отношений между СССР и Финляндией»[19].

В тот же день, 4 декабря, советское правительство получило из Берна (Швейцария) телеграмму от генерального секретаря Лиги Наций г. Авеноля следующего содержания:

«Имею честь довести до Вашего сведения текст телеграммы, с которой я обращаюсь к членам Совета и Лиги Наций: «Я получил сегодня письмо от 3 декабря 1939 года от постоянного делегата Финляндии в Лиге Наций» (далее следует текст приведенного выше письма).

«В соответствии с 1-м параграфом 11-й статьи я созываю настоящим членов Совета в Женеве в субботу 9-го декабря в 12 часов дня. Я передаю на рассмотрение председателя Ассамблеи предложение о созыве Ассамблеи в понедельник 11-го декабря. Дата будет подтверждена. Авеноль, генеральный секретарь». От имени советского правительства В. М. Молотов послал 4 декабря следующий ответ на имя г. Авеноля.

«По поручению правительства Советского Союза, имею честь уведомить Вас, что намечаемый Вами созыв Совета Лиги Наций 9 декабря и Ассамблеи Лиги Наций 11 декабря по инициативе г. Рудольфа Холсти и на основании статьи 11 §1 пакта Лиги Наций представляется моему правительству необоснованным.

Советский Союз не находится в состоянии войны с Финляндией и не угрожает войной финляндскому народу. Поэтому ссылка на статью 11 §1 пакта Лиги Наций является неправильной. Советский Союз находится в мирных отношениях с Демократической Финляндской Республикой, с правительством которой 2 декабря с.г. им заключен договор о взаимопомощи и дружбе. Этим договором урегулированы все вопросы, по которым безуспешно велись переговоры с делегатами прежнего правительства Финляндии, ныне сложившего свои полномочия.

Правительство Демократической Финляндской Республики в своей декларации от 1 декабря с.г. обратилось к правительству СССР с предложением оказывать Финляндской Демократической Республике содействие своими военными силами для того, чтобы совместными усилиями возможно скорее ликвидировать опаснейший очаг войны, созданный в Финляндии ее прежними правителями. В указанных условиях обращение Рудольфа Холсти в Лигу Наций не может служить основанием для созыва Совета Лиги и Ассамблеи, тем более что лица, от имени которых г. Рудольф Холсти обратился в Лигу, не являются действительными представителями финского народа.

Если бы, несмотря на вышеизложенные соображения, Совет Лиги и Ассамблея были все же созваны для рассмотрения обращения г. Рудольфа Холсти, советское правительство не сочло бы возможным принять участие в этих собраниях.

Такое решение подкрепляется и тем обстоятельством, что сообщение генерального секретаря Лиги Наций о созыве Совета и Ассамблеи, воспроизводящее текст оскорбительного и клеветнического письма г. Холсти, представляется явно несовместимым с требованиями должного уважения к Советскому Союзу.

4 декабря 1939 г. Молотов»[20].

В связи с изложенным трудно не согласиться с мнением К. Типпельскирха, высказанным им по этому поводу.

«Действия Советского Союза в области политики... не могли вызывать никаких кривотолков как до начала конфликта, так и во время войны. Они раз и навсегда показали всему миру, чего он должен ожидать там, где Советский Союз может действовать по собственному усмотрению»[21].

В день, когда Советский Союз направил свой ответ Лиге Наций, президент США Рузвельт 4 декабря на заседании кабинета приказал Моргентау прекратить продажу молибдена и алюминия СССР. На замечание министра финансов, что эти сделки абсолютно законны, Рузвельт раздраженно бросил:

«В прошлом мы находили выход из куда более сложных ситуаций»[22].

Между тем Лига Наций приняла решение обратиться к правительству СССР со своим предложением.

12 декабря Наркоминдел получил из Женевы (Швейцария) следующую телеграмму от г. де Мотта, Председателя Комитета Ассамблеи Лиги Наций по финляндскому вопросу: «Комитет, созданный Ассамблеей, созванный согласно ст. 15 Устава, обращается в срочном порядке к правительству СССР и к финляндскому правительству, призывая их прекратить военные действия и начать при посредстве Ассамблеи немедленные переговоры для восстановления мира. Присутствующая Финляндия принимает это. Буду признателен за сообщение до завтра, вторника, готово ли Правительство СССР принять этот призыв и немедленно остановить военные действия. Хозе де Мотта, председатель комитета».

В тот же день, 12 декабря, В. М. Молотов от имени советского правительства ответил г. де Мотта следующей телеграммой:

«Правительство СССР благодарит Вас, г. председатель, за любезное приглашение принять участие в обсуждении финляндского вопроса. Правительство СССР вместе с тем доводит до Вашего сведения, что оно не считает возможным принять это приглашение по мотивам, изложенным в телеграмме Наркоминдела от 4 декабря, посланной в ответ на запрос г. Авеноля. Молотов»[23].

Лига Наций не поддалась софистике Молотова и 14 декабря после длительных совещаний постановила, что Советский Союз своими действиями сам исключил себя из состава этого международного органа и поэтому не является больше его членом. Одновременно Лига Наций обратилась к каждому своему члену с настоятельным призывом оказать Финляндии такую помощь в людях и технике, какую только может оказать каждое государство[24].

16 декабря советское правительство откликнулось на решение Лиги Наций об исключении СССР из ее состава. В газетах было опубликовано следующее заявление по этому поводу.

<u>«Сообщение ТАСС об «исключении» СССР</u>
<u>из Лиги Наций 14 декабря 1939 г.</u>

ТАСС уполномочен передать следующую оценку авторитетных советских кругов резолюции Совета Лиги Наций от 14 декабря об «исключении» СССР из Лиги Наций. Совет Лиги Наций принял 14 декабря резолюцию об «исключении» СССР из Лиги Наций с осуждением «действий СССР, направленных против Финляндского государства». По мнению советских кругов, это нелепое решение Лиги Наций вызывает ироническую улыбку, и оно способно лишь оскандалить его незадачливых авторов. Следует прежде всего подчеркнуть, что правящие круги Англии и Франции, под диктовку которых принята резолюция Совета Лиги Наций, не имеют ни морального, ни формального права говорить об «агрессии» СССР и об осуждении этой «агрессии». Англия и Франция держат в своем подчинении давно уже захваченные ими громадные территории в Азии и Африке. Они совсем недавно решительно отклонили мирные предложения Германии, клонившиеся к быстрейшему окончанию войны. Они строят свою политику на продолжении войны «до победного конца». Уже эти обстоятельства, изобличающие агрессорскую политику правящих кругов Англии и Франции, должны были бы заставить их быть поскромнее в деле определения агрессии и понять наконец, что правящие круги Англии и Франции лишили себя и морального, и формального права говорить о чьей-либо «агрессии», и тем более об агрессии со стороны СССР.

Следует далее отметить, что отношения между Советским Союзом и Финляндией урегулированы Договором о взаимопомощи и дружбе, заключенным 2 декабря с.г. между Народным правительством

Финляндской Демократической Республики и правительством СССР. Этим договором полностью обеспечены мирные отношения между СССР и Финляндией и дружественным образом разрешены к удовлетворению обеих сторон как вопросы обеспечения независимости Финляндии и безопасности Ленинграда, так и вопросы расширения территории Финляндии за счет территорий СССР путем воссоединения Карельских районов с Финляндией. Как известно, СССР передает по этому договору Финляндии 70 тыс. кв. км с населением более 100 тыс. чел. в обмен на территорию Финляндии в размере менее 4 тыс. кв. км с населением около 25 тыс. чел. Если захват чужой территории и насильственное подчинение населения этой территории чужому государству является основным элементом понятия агрессии, то нельзя не признать, что Договор СССР и Финляндской Республики свидетельствует не об агрессии, а, наоборот, о мирной и дружественной политике СССР в отношении Финляндии, имеющей своей целью обеспечение независимости Финляндии и усиление ее мощи путем расширения ее территории. Не может быть сомнения, что нынешние Англия и Франция поступили бы в данном случае по-иному, то есть они просто взяли бы и захватили территорию Финляндии, как они захватили в свое время территории Индии, Индокитая, Марокко или как они захватили в 1918-1919 гг. территорию Советского Союза. Наконец, следует отметить, что Договор о взаимопомощи и дружбе между СССР и Финляндской Республикой вполне обеспечивает мир между этими странами. И именно потому, что этот договор обеспечивает мир и дружбу между обеими странами, СССР не ведет и не заинтересован вести войну с Финляндией. Только прежние, уже обанкротившиеся Финляндские правители из клики Маннергейма не хотят осуществления этого договора и под диктовку третьих держав навязывают Финляндии войну против СССР вопреки действительной воле финляндского народа. Подлинный смысл решения Совета Лиги Наций заключается не в стремлении к миру и не в поддержке финского народа, а в том, чтобы поддержать обанкротившуюся клику Маннергейма против финского народа и тем самым разжечь войну, в которую вовлечен финляндский народ вопреки его воле и в силу провокации клики Маннергейма.

Таким образом, вместо того чтобы содействовать прекращению войны между Германией и англо-французским блоком, в чем, собственно, и должна бы заключаться миссия Лиги Наций, если бы она продолжала оставаться «инструментом мира», нынешний состав Совета Лиги Наций провозгласил политику поддержки провокаторов войны в Финляндии — клики Маннергейма и Таннера, стал на путь разжигания войны также и на северо-востоке Европы. Тем самым Лига Наций, по милости ее нынешних режиссеров, превратилась из кое-какого «инструмента мира», каким она могла быть, в действительный инструмент англо-французского военного блока по поддержке и разжиганию войны в Европе.

При такой бесславной эволюции Лиги Наций становится вполне понятным ее решение об «исключении» СССР. Господа империалисты, вознамерившиеся превратить Лигу Наций в орудие своих военных интересов, решили придраться к первому попавшемуся поводу, чтобы избавиться от СССР как единственной силы, способной противостоять их империалистическим махинациям и разоблачить их агрессивную политику. Что же, тем хуже для Лиги Наций и ее подорванного авторитета. В конечном счете СССР может здесь остаться в выигрыше. Во-первых, он избавлен теперь от обязанности нести моральную ответственность за бесславные дела Лиги Наций, причем ответственность за «оставление СССР вне Лиги Наций» целиком ложится на Лигу Наций и на ее англо-французских режиссеров. Во-вторых, СССР теперь уже не связан с пактом Лиги Наций и будет иметь отныне свободные руки.

Не приходится уже говорить, что сама обстановка, при которой подготовлялась и выносилась резолюция Лиги Наций, направленная против СССР, разоблачает скандальные махинации, к которым прибегли англо-французские представители в Лиге Наций для достижения указанной цели. Как известно, Совет Лиги Наций состоит из 15 членов, за резолюцию же об «исключении» СССР было подано только 7 голосов из числа этих 15, то есть резолюция принята меньшинством членов Совета Лиги. Остальные 8 человек Совета относятся либо к числу воздержавшихся, либо и числу отсутствовавших. Состав представителей 7 государств, голосовавших за «исключение» СССР, говорит сам за себя: в число этих семи

входят — Англия, Франция, Бельгия, Боливия, Египет, Южно-Африканский Союз, Доминиканская республика.

Таким образом, Англия и Франция, имеющие всего 89 млн населения, опираясь на Бельгию, Боливию, Египет, Южно-Африканский Союз и Доминиканскую Республику, имеющих вместе всего 38 млн человек населения, приняли решение об «исключении» Советского Союза, имеющего 183 млн населения. Случайно подобранные «представители» 127-миллионного населения «исключили» СССР с его 183-миллионным населением.

Но и для получения этих голосов англо-французским представителям пришлось прибегнуть накануне дня голосования к особым махинациям по изменению состава членов Совета Лиги. Накануне заседания Совета через Ассамблею Лиги Наций были проведены в состав членов Совета на непостоянные места представители Южно-Африканского Союза и Боливии (последний выбран вторично) и на так называемые временные места — представители Египта. Следовательно, из числа семи представителей, голосовавших в Совете Лиги за «исключение» СССР, три представителя были подобраны специальным образом. Этими скандальными махинациями представители Англии и Франции в Лиге Наций окончательно подорвали всякий политический и моральный вес своего голосования 14 декабря. Несомненно, что подобные скандальные махинации могли быть продиктованы лишь той атмосферой политической реакции и морального упадка, которая царит теперь в «сферах» Лиги Наций. Чего стоят решения Лиги Наций, принятые в подобной атмосфере — не трудно понять»[25].

Это многословное демагогическое выступление вполне соответствовало тем внешнеполитическим действиям, какие предприняло советское правительство в странах Прибалтики и Финляндии, используя секретный протокол к советско-германскому договору от 23 августа 1939 года.

Оценивая положение, сложившееся в связи с исключением СССР из Лиги Наций, Ф. Гальдер с удовлетворением записал в своем дневнике 14 декабря: «Конфликт с Финляндией толкает Россию в антианглийский лагерь!»[26]

Примечания

[1] ЦГАСА (ныне РГВА. — Ред.), ф. 34980, оп. 1, д. 62. Л. 408.
[2] История Великой Отечественной войны Советского Союза: В 6 т. М., 1960. Т. 1. С. 258-260.
[3] История внешней политики СССР. М., 1966. Ч. 1. С. 365.
[4] Тан. 1939. 24 окт.; Виллар Ж. «Странная война» и предательство Виши. М., 1961. С. 62.
[5] Внеочередная пятая сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет. М., 1939. С. 19.
[6] Мировое хозяйство и мировая политика. 1939. № 12.
[7] Там же.
[8] Известия. 1939. 27 нояб. № 273 (7043).
[9] Там же. 1939. 29 нояб. № 275 (7045).
[10] Там же.
[11] Там же. 1939. 30 нояб. № 276 (7046).
[12] Деборин Г. А. Международные отношения и внешняя политика СССР. 1917–1941 гг. М., 1946. С. 287.
[13] Правда. 1939. 30 нояб. См. также Мировое хозяйство и мировая политика. 1939. № 12. С. 15.
[14] Правда. 1939. 2 дек. № 333 (8018).
[15] Известия. 1939. 3 дек. № 279 (7049).
[16] Яковлев Н. Н. Франклин Рузвельт — человек и политик. М., 1965. С. 395.
[17] Известия. 1939. 2 дек. № 278 (7048).
[18] Там же. 5 дек. № 281 (7051).
[19] Правда. 1939. 5 дек. № 336 (8021).
[20] Известия. 1939. 5 дек. № 281 (7051).
[21] Типпельскирх К. История Второй мировой войны. М., 1956. С. 73.

[22] Яковлев Н. Н. Указ. соч. С. 395.
[23] Известия. 1939. 14 дек. № 278 (7057).
[24] Типпельскирх К. Указ. соч. С. 50.
[25] Известия. 1939. 16 дек. № 289 (7059).
[26] Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 1. С. 204.